

Russkaja starina

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1872 г.

ТОМЪ V.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

САНКТЪПЕТЕРБУРГЪ.
Печатья В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1872

SJB

DK
1
.R89
v.5

А. Л. ВИТБЕРГЪ.

Академикъ, строитель храма Спасителя въ Москвѣ.

1787—1855.

Гравир. Герасимовъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 декабря 1871 г.
Печатня В. И. Головила, Владимірская, д. № 15, кв. № 3.

ЗАПИСКИ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА,

строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

р. 1787 † 1855 г.

Поэтъ-художникъ въ зодчествѣ, Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ—принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ талантамъ нашего отечества. Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія имя его славилось въ Россіи и было извѣстно въ Европѣ; созданный Витбергомъ проектъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ признаваемъ былъ въ свое время—посмѣлости и колоссальности идеи—величайшимъ произведеніемъ зодчества новѣйшаго времени.

Между тѣмъ русская литература не представляетъ ни одной сколько-нибудь полной біографіи Витберга, ни одного обстоятельнаго изложенія его геніальныхъ плановъ, мыслей и предначертаній. Все, что было напечатано по этому предмету, состоитъ изъ крайне отрывочныхъ, незначительныхъ и по объему и по содержанію замѣтокъ, изъ которыхъ едвали не самая полная замѣтка принадлежитъ А. И. Герцену; она помѣщена въ его извѣстной книгѣ: „Тюрьма и ссылка“, но состоитъ изъ нѣсколькихъ лишь страничекъ.

Редакція „Русской Старины“, поставляя одной изъ своихъ главнѣйшихъ задачъ обнародованіе документовъ, служащихъ къ ознакомленію съ жизнью и дѣятельностью отечественныхъ талантовъ на всѣхъ поприщахъ ихъ служенія Россіи, озаботилась собраніемъ матеріаловъ и къ біографіи Витберга. Старанія наши увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ: дѣти покойнаго Витберга—Любовь Александровна, Софья Александровна Казначеева и Фѣдоръ Александровичъ Витбергъ, равнымъ образомъ ученикъ ихъ отца художникъ Д. Я. Чарушинъ, также лично знавшій покойнаго Витберга—академикъ д. с. с. И. И. Свіазевъ, Р. А. Яковлевъ и В. П. Булгаковъ сообщили много какъ подлинныхъ матеріаловъ, такъ и устныхъ разсказовъ объ Александрѣ Лаврентьевичѣ. Но самый полный, самый интересныи матеріалъ

въ этомъ отношеніи полученъ нами отъ глубокоуважаемой Татьяны Петровны Пассекъ, вдовы извѣстнаго писателя Вадима Пассека.

Татьяна Петровна доставила намъ Записки (автобіографію) Александра Лаврентьевича Витберга. Они занимаютъ семь большихъ тетрадей, написанныхъ въ іюль мѣсяцъ 1836 года, въ Вяткѣ, рукою одного изъ близкихъ друзей и почитателей таланта Витберга. Рукопись написана весьма блѣдными чернилами, крайне связнымъ почеркомъ, наскоро, со множествомъ недомолвокъ, но очевидно не только со словъ, но совершенно подъ диктовку Витберга; изъ многочисленныхъ поправокъ, вставокъ и набросковъ отдѣльныхъ замѣтокъ на поляхъ тетрадей видно, что записки многократно читаны Витбергу и, по его указаніямъ, были добавляемы и исправляемы.

Въ 1846 году владѣлецъ рукописи, покидая отечество, оставилъ ее своему другу дѣтства Т. П. Пассекъ и та, свято сохранивъ драгоценный историческій матеріалъ, передала его въ распоряженіе „Русской Старины“. Имъ мы и начинаемъ обнародованіе матеріаловъ къ полной біографіи строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Въ изданныхъ до сихъ поръ многочисленныхъ матеріалахъ мы оживили память о многихъ славныхъ мужахъ Русской земли. Считаемъ себя счастливымъ, что можемъ присоединить къ нимъ гениальнаго русскаго художника, который является предъ потомствомъ въ своей собственной исповѣди, полной жизни, искренности и замѣчательнаго увлеченія.

Записки А. Л. Витберга начинаются съ 1812 или вѣрнѣе съ 1813 года, т.-е. прямо съ того времени, когда въ художникѣ зародилась мысль о созданіи храма, достойнаго той высокой идеи, которая легла въ основаніе его проекта. Для связи и полноты разсказа считаемъ необходимымъ привести нѣсколько данныхъ къ первому періоду біографіи художника. Свѣдѣнія эти заимствуемъ изъ обширной рукописной его біографіи, составленной и намъ сообщенной его сыномъ Федоромъ Александровичемъ.

Отецъ художника Витберга, Лаврентій Самойловичъ, шведскій бюргеръ, выѣхалъ въ Россію съ женою своею Анной Ивановной въ 1779 г. Ландсгерихтъ, потомъ учитель нѣмецкаго языка въ Ревелѣ, Лаврентій Самойловичъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, 15-го января 1787 г., родился у него сынъ Карлъ, впоследствии знаменитый художникъ Александръ Витбергъ. Въ 1795 году отецъ опредѣлялъ его на казенный счетъ въ Горный корпусъ. Вслѣдствіе сильнѣйшей золотухи, мальчикъ не могъ продолжать занятій и въ 1798 году взятъ былъ домой. Домашній уходъ скоро поправилъ здоровье ребен-

ка и онъ сталъ ходить учиться въ Анненскую школу, — гдѣ впервые проявился въ немъ талантъ и именно къ живописи.

Учитель рисованія обратилъ на него вниманіе и послѣ долгихъ усилій, съ большимъ трудомъ, тѣмъ не менѣ успѣлъ убѣдить старика Витберга отдать юношу въ Академію Художествъ.

26-го октября 1802 г. Витбергъ былъ зачисленъ въ Академію казеннымъ пансіонеромъ; успѣхи его настолько были велики, что онъ получилъ здѣсь нѣсколько наградъ: такъ, при переходѣ въ 4-й курсъ ему дали вторую серебряную медаль „за лѣпленіе съ натуры“; въ срединѣ 1806 г. вторую серебряную медаль за „рисунки съ натуры“, въ концѣ того же года, по особому представленію въ конференцію Академіи—Витбергу одному дали „за рисунки съ натуры“ --первую серебряную медаль. Въ 1807 году, по программѣ почетнаго любителя Академіи Художествъ, графа Северина-Потоцкаго, Витбергъ получилъ за картину „Три отрока“ (сюжетъ изъ библіи) большую золотую медаль. Въ этомъ-же году онъ былъ выпущенъ изъ Академіи, причемъ получилъ аттестатъ 1-й степени, чинъ 14-го класса и былъ оставленъ при Академіи „пансіонеромъ для вояжированія“.

Въ 1808 году, Витбергъ получилъ новую награду—золотую медаль за картину „Русская Правда“. Во время исполненія этой картины, съ нимъ случилось происшествіе, которое онъ помнилъ всю жизнь и не разъ рассказывалъ въ средѣ семьи. Однажды, усердно трудясь надъ „Русской Правдой“ въ своемъ кабинетѣ, Витбергъ совершенно забылся и опустилъ голову; потомъ машинально поднялъ ее и взоръ его остановился на томъ углу, въ которомъ было свалено различное оружіе. Вдругъ онъ видитъ, что отъ кучи наваленнаго хлама отдѣлилась какая-то бѣлая фигура и медленно подходитъ къ нему. Онъ до того перепугался, что не могъ ни двинуться, ни говорить. Наконецъ первый испугъ прошелъ и онъ вскрикнулъ:

„Кто ты и что тебѣ нужно?“

„Дочь правды“ — былъ отвѣтъ, и фигура скрылась.

Въ слѣдующемъ 1809 году, Академія Художествъ присудила Витбергу золотую медаль за картину „Андромаха, оплакивающая Гектора“. Въ этомъ же году молодой художникъ назначенъ помощникомъ къ профессору Угрюмову, для обученія воспитанниковъ натурнаго класса Академіи.

Около этого времени онъ влюбился въ одну изъ своихъ ученицъ по рисованію, дочь бригадира Василія Артемьева, Елизавету Васильевну, — которая отвѣчала ему взаимностью. Любовь молодыхъ людей встрѣтила неожиданное препятствіе: гордый отецъ и слышать не хотѣлъ о бракѣ дочери съ какимъ-нибудь художникомъ, занимающимся не

„дворянскимъ дѣломъ“—живописью. Молодой человекъ, раздѣляя ли глушій предрасудокъ, или вѣрнѣе въ угоду бригадиру—писалъ въ его дочери: „..... Я самъ говорилъ, что я не иначе и прошу руки вашей, милый другъ, какъ когда буду имѣть приличное дворянину мѣсто, ибо я не имѣлъ и намѣренія оставаться артистомъ, будучи происхожденіемъ изъ дворянъ; оставался же при Академіи только для вояжа. Итакъ, милая Лизетъ, другъ мой вѣрный! будемъ просить Бога, дабы онъ намъ помогъ, ибо сами собою мы ничего не сдѣлаемъ; да благословить онъ насъ и устроить все такъ, какъ его святой волѣ угодно будетъ!..“

Дѣло женитьбы затянулось, а между тѣмъ 29-го іюня 1813 года, Витбергъ отправился на два мѣсяца въ отпускъ въ Москву. Въ день празднованія коронаціи, 15-го сентября, онъ, по просьбѣ давнишняго своего пріятеля—Дмитрія Павловича Руначя, управлявшаго почтовою частью въ Москвѣ, устраиваетъ иллюминацію предъ почтамтомъ и ставитъ аллегорическія картины съ приличными надписями. Живя въ Москвѣ, Витбергъ имѣетъ порученіе рисовать виньеты и картины изъ событій 1812 года и портреты тѣхъ изъ гражданъ, которые отличились въ отечественную войну; работа эта предпринята была по просьбѣ графа Ѳ. Ѳ. Ростопчина для изданія, которое однако не осуществилось; несомнѣнно впрочемъ, что эта работа, сблизивъ художника съ непосредственными участниками великихъ событій 1812 года, имѣла свою долю въ развитіи быстро охватившей его идеи—созданіи проекта храма въ память именно этихъ грозныхъ событій.. Идея эта возникла въ художникѣ еще въ Петербургѣ... Но здѣсь начинается исполненіе самого Витберга.

Ред.

I.

По окончаніи европейской *) войны **), императоръ Александръ Благословенный въ Вильнѣ, 1812 г., декабря 25 издалъ манифестъ, коимъ онъ возвѣщалъ народу своему о желаніи воздвигнуть храмъ во имя Христа Спасителя, какъ памятникъ славы Россіи, какъ молитву и благодареніе Искупителю рода человѣческаго за искупленіе Россіи.

Храмъ во имя Христа Спасителя! Идея новая. Доселѣ христіанство воздвигало свои храмы во имя какого-либо праздника, какого-нибудь святого; но тутъ явилась мысль всеобъемлющая—

*) Европейской вм. зачеркнутаго: «всемірной».

**) Въ подлинномъ зачеркнуто: «Наполеона».

Ред.

Ред.

2*

она и могла только явиться государю, проникнутому чувствомъ религіознымъ — каковъ тогда былъ императоръ Александръ.

Я видѣлъ императора Александра въ Казанскомъ соборѣ, въ то время, когда еще врагъ попиралъ грудь Россіи, когда Москва готовилась сдѣлаться добычею его; видѣлъ какъ онъ являлся въ народъ смущеннымъ, падшимъ духомъ, какъ бы стыдился пораженій своихъ. Конечно, эта эпоха бѣдствій сильно подѣйствовала на его душу; онъ, нѣбогда уступившій мощному генію Наполеона, подписавшій тильзитскій миръ, тогда объявлялъ, что до гибели не положить оружія.

Въ то время, увидѣвъ всю ничтожность силы міра сего, въ немъ зародилась мысль религіозная, которой онъ остался вѣренъ и одушевленный коею, онъ Богу отдалъ свои побѣды и его возжелалъ благодарить храмомъ симъ.

Я понималъ желаніе Александра, и въ душѣ артиста оно должно было найти вѣрный отголосокъ. Къ сему присоединилось еще одно чувство: я пламенно желалъ, чтобъ храмъ сей удовлетворилъ требованію царя и былъ достоинъ народа. Россія, мощное, обширное государство, столь сильно явившееся въ мірѣ, не имѣетъ ни одного памятника, который былъ бы соотвѣтственъ ея высотѣ. Я желалъ, чтобъ этотъ памятникъ былъ таковъ. Но чего можно было ждать отъ нашихъ художниковъ, кромѣ блѣдныхъ произведеній шкёлы, безцвѣтныхъ подражаній! Слѣдственно надлежало обратиться къ странамъ чуждымъ. Но развѣ можно было ждать произведенія народнаго, отечественнаго, русско-религіознаго, отъ иностранца? Его произведеніе могло быть хорошо, велико, но не соотвѣтствовать ни мысли отечества, ни мысли государя.

Я понималъ, что этотъ храмъ долженъ быть величественъ и колоссаленъ, перевѣсить, наконецъ, славу храма Петра въ Римѣ; но тоже понималъ, что и выполнивъ сіи условія, онъ еще будетъ далекъ отъ цѣли своей. Надлежало, чтобъ каждый камень его и всѣ вмѣстѣ были говорящими идеями религіи Христа, основанными на ней, во всей ея чистотѣ нашего вѣка; словомъ, чтобъ это была не груда камней искуснымъ образомъ расположенная; не храмъ вообще—но христіанская фраза, текстъ христіанскій. Храмъ наружный долженъ состоять изъ формъ и украшеній; но формы сіи могутъ быть произвольными или извлеченными изъ

самой религии. Если кто-либо скажетъ, что это не нужно, то мы сошлемся на людей, которые часто живутъ цѣлую жизнь безъ всякой высокой идеи. Ну, конечно, они живутъ; но это ли полная, настоящая жизнь!

Даже и Витрувій (римскій архит. при Августѣ и Тиберіи) извлекалъ свои пропорціи изъ формъ тѣла человѣческаго.

Но каковъ же храмъ, чисто христіанскій?

«Вы есте храмъ Божій и Святыи Духъ въ васъ обитаетъ».

И слѣдственно изъ самой души человѣка надлежало извлечь устройство храма.

Но что такое человѣкъ?

Дошедши до сего, естественно ли человѣку, умѣющему чувствовать, не стараться всѣми силами понять, постигнуть мысль, которая внезапно является ему окруженная мракомъ, но которой свѣтъ онъ предчувствуетъ. Долго занимала она меня; но не занимаясь никогда архитектурой и полагая невозможнымъ успешное рѣшеніе моей задачи, я съ скорбью долженъ былъ ограничиться одной идеею.

Въ то время многіе уже занимались составленіемъ проектовъ, которые должны были быть внесены на высочайшее усмотрѣніе. Разсматривая проекты нѣкоторыхъ изъ товарищей моихъ по Академіи, я видѣлъ во многихъ таланты, но ни въ комъ идея меня одушевлявшей. Мучимый и приводя ее въ болѣшую ясность, я отправился въ Москву. Взявъ отпускъ изъ Академіи, въ Петровъ день 1813 года, оставилъ я Петербургъ, и тогда въ первый разъ разстался съ родимымъ городомъ и съ родителемъ.

Давно желалъ я видѣть первопрестольный градъ Россіи. Можно себѣ представить, какъ онъ долженъ былъ на меня подѣйствовать, сожженный, обгорѣлый, пустой и надъ развалинами воего царилъ величественный Кремль, одинъ уцѣлѣвшій среди гибели памятникъ древнихъ несчастій—одинъ перенесшій и этотъ ударъ.

Я явился въ графу Ростопчину, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ въ 1812 году, вслѣдствіе моего большаго рисунка Марса Посадница, который весьма понравился его патриотическому чувству, и который я поднесъ ему *).

*) «Графъ увидѣлъ у конференцъ-секретаря Лабзина мою картину «Марса Посадницу».

Графъ приглашалъ меня къ себѣ и желалъ, чтобъ я занялся вишетами и картинами для предполагаемаго имъ описанія патриотическихъ подвиговъ отечественной войны, которое впрочемъ не состоялось, по ипохондріи, его начинавшей безпокоить. Графъ предлагалъ мнѣ съ сею цѣлью комнату у себя подлѣ кабинета, но я не предвидѣлъ успѣшности занятій въ такой близости у вельможи и предпочелъ предлагаемую квартиру г. Рунича, управляющаго почтамтомъ. Съ нимъ и еще однимъ знакомымъ часто гуляли мы по Москвѣ, и наконецъ, приведши меня въ Кремль, спросили мое мнѣніе для рѣшенія ихъ спора: одинъ думалъ, что предполагаемый императоромъ храмъ всего приличіе воздвигнуть въ Кремлѣ, другой почиталъ, что это мѣсто тѣсно и неудобно.

Рожденный въ Петербургѣ, на плоскомъ мѣстѣ, ввошедши въ Кремль, я былъ пораженъ красотою его положенія, величественностью вида раскрывающаго полгорода. Мысль храма, соединенная съ изящностью мѣста, возобновилась въ душѣ моей. Мы взопли въ Спасскія ворота, и я, замѣтивъ низкое пустое мѣсто между Москворѣцкою башней и Тайницкими воротами, оставилъ пріятелей и пошелъ туда, чтобъ снизу отъ Москвы-рѣки взглянуть на Кремль и возвратился въ нимъ въ Тайницкія ворота. Бывшія неустроенныя, смутныя идеи храма тѣснились въ головѣ моей, и одушевленный прелестью мѣста, я высказалъ имъ мою мысль о храмѣ и о превосходствѣ онаго въ Кремлѣ, и новыя идеи исполненія, рожденныя самимъ мѣстомъ, прибавились къ религіозной идеѣ. И самые два взрыва, сдѣланные въ стѣнѣ, казались мнѣ превосходнѣйшими мѣстами для учрежденія двухъ великолѣпныхъ входовъ въ храмъ. Мѣсто Кремля мнѣ нравилось и рѣкою и гористымъ положеніемъ, гдѣ можно устроить три храма по восточному.

Одушевленный моею идеею, я распространился о мысляхъ моихъ насчетъ храма, и Руничъ*), одаренный горячею душою, просилъ меня убѣдительно, неотступно, для него хотя въ альбомѣ набросать главный очеркъ моихъ идей храма. Я отвѣчалъ, что легко было говорить мнѣ, чувствуя это; но не зная архитектуры, мудрою мнѣ было (бы) исполнить его просьбу. Странно, что внутренно я чувствовалъ совсѣмъ другое: въ то же

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «приведенный въ восторгъ».

время, какъ я отказывалъ ему, твердо рѣшился уже заняться. И говоря, что я не знаю архитектуры, моя внутренняя мысль возражала мнѣ: но кто же мѣшаетъ тебѣ знать ее? Ибо чего не зналъ сегодня, то могу знать завтра и т. д. Когда Провидѣніе дадо способность, то отъ твердой воли зависитъ уже развитіе *) оной. И слово хочю положило основаніе моему занятію.

Между малымъ числомъ книгъ, я случайно нашелъ Витрувія**), котораго философскій взоръ на архитектуру раскрылъ мнѣ многое. Занятія эти были мной производимы въ мезонинѣ московскаго почтамта, гдѣ я пользовался двухдѣтнымъ гостеприимствомъ Рунича, которое тѣмъ болѣе мнѣ цѣнно, что, уклоняясь отъ прочихъ занятій, средства мои были ограниченны.

Съ другаго же дня я началъ означать чертежами мои мысли. Само собою разумѣется, что первыя произведенія были смѣшныя уроды; но это не пугало меня. Воля была сильна, жива, но трудъ чрезвычайный; я взялся за архитектурныя книги, чтобъ правиламъ науки подчинить свои мысли. Совѣтываться было не съ кѣмъ. Я зналъ, и не занимаясь архитектурой, ограниченность понятій болѣею части нашихъ зодчихъ. Я началъ изучать древности, и безъ всякаго пособія посторонняго труда, рылся въ книгахъ и въ сочиненіяхъ знаменитѣйшихъ писателей. Руководимый внутреннимъ инстинктомъ, я несомнѣвался въ успѣхѣ, зная свой талантъ въ исторической живописи, за которую я получилъ всѣ медали отъ Академіи и былъ назначенъ путешествовать на счетъ оной.

Я провелъ два года въ непрерывныхъ трудахъ. Спустя полгода, я показывалъ Руничу уже довольно удовлетворительный эскизъ. Идеаль прояснялся, принималъ форму болѣе опредѣленную. Мечта моя облекалась въ правильную вещественность.

Но я оставилъ всѣ прочія занятія, даже разсѣянности, и употребилъ все время на одинъ предметъ, ободряемый внутреннимъ голосомъ, который ярко говорилъ мнѣ, что проектъ мой долженъ удовлетворить требованію государя.

Между тѣмъ двухмѣсячный срокъ моего отпуска миновался, и Академія требовала моего возвращенія, ссылаясь на требова-

*) «Развитіе», вм. зачеркнутого: «употребленіе».

Ред.

**) Зачеркнуто на полѣ: «чертежи храма Солнца въ Палермѣ»...

Ред.

ніе адмиралтействъ-коллегіи, которой я общалъ даромъ росписать плафонъ въ церкви кронштадтской.

Это было слѣдующимъ образомъ: желая, по нѣкоторымъ причинамъ, удалиться на время изъ Петербурга и, еще болѣе, желая произвести нѣчто изящное въ плафонной живописи и вполнѣ понимая недостатки плафона въ Казанскомъ соборѣ Шугуева, гдѣ несоблюдена ни оптика, ни перспектива, я взялся за самую умѣренную цѣну (4,000 р.); но вскорѣ, призвавъ меня въ адмиралтействъ-коллегію, объявили мнѣ тамъ, что кто-то изъ членовъ Академіи беретъ дешевле. Я замѣтилъ имъ, что ежели хотять дѣлать подрядъ *), то я несогласенъ, объясняя имъ притомъ, изъ какихъ побудительныхъ причинъ я взялся за сію работу,—но они не поняли меня.

Они говорили о пользѣ казны, о необходимости соблюдать ее.

— Тогда я еще сдѣлаю полезнѣе для казны, что возьму еще дешевле, т.-е. даромъ и чтобъ они спросили другого, согласенъ ли онъ сдѣлать?

Они удивились и спрашивали какая мнѣ отъ того выгода? Но наконецъ согласились на сію сходную цѣну.

Тогда мнѣ представился случай ѣхать въ Москву, которымъ я и воспользовался, считая что меня не могутъ послѣ того понудить къ скорому исполненію добровольной жертвы. Но какъ я сказалъ, времени прошло много и Академія, поручившаяся за меня, настоятельно требовала моего возвращенія. Я писалъ имъ о перемѣнѣ моихъ занятій, о цѣли оной, но не внимая сему, требовала она, чтобъ я явился. Тогда, увлекаясь первыми порывами, писалъ я въ Академію о неблагородномъ поступкѣ адмиралтействъ-коллегіи, и по счастью вице-президентъ не пустилъ въ ходъ этой бумаги, которая навлекла бы мнѣ огромный вредъ. Но все это беспокоило меня, отрывало отъ занятія, которому я предался всею душою и одинъ голосъ извѣстнаго поэта и государственнаго мужа Ив. Ив. Дмитріева **) успокоилъ меня и

*) «Подрядъ» вмѣсто зачеркнутого: «переторжка».

Ред.

**) Ив. Ив. Дмитріевъ, слыша о моемъ проектѣ, желалъ его видѣть, былъ у меня и я вполнѣ увидѣлъ, какъ душа поэта всегда сильно сочувствуетъ всякой мысли высокой и живой. Съ того времени мы остались знакомыми; наконецъ онъ просилъ меня помочь въ расположеніи его дома, и по моему проекту былъ выстроенъ онъ у Спиридонія.

А. В.

заставлялъ скорѣе рѣшиться оставить Академію и всеѣ выгоды, нежели свои труды *).

Навонецъ надежды мои стали сбываться, мысль моя ближе и ближе выражалась въ красотѣ, приходила въ опредѣленную ясность и хотя я далеко былъ отъ того, чтобы быть имъ довольну, но чувствовалъ, что я сталъ на ту дорогу, гдѣ только надлежало усовершенствовать, а главное, основное готово.

Трудны были эти два года. Много было жертвы принесено проекту и моей идеѣ. Занятія, которыя могли меня обезпечить и въ настоящемъ и въ будущемъ, вояжъ, который предстоялъ мнѣ на счетъ Академіи и который я ожидалъ 6 лѣтъ, наконецъ знакомство, связи—всѣмъ пренебрегъ я для одного невѣрнаго, какъ казалось многимъ, занятія.

Но каковъ же результатъ былъ всѣхъ сихъ усилій и жертвъ? Здѣсь мѣсто сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Что заставляло рѣшиться на столь трудное и важное предпріятіе?

Съ восторгомъ видѣлъ я мысль Александра воздвигнуть храмъ во имя Христа Спасителя—эти три слова раскрыли мнѣ новую жизнь императора, искушаемаго бѣдствіями и скорбями; я видѣлъ его высокое христіанское одушевленіе—и вотъ начало перваго желанія удовлетворить требованію царя достойнымъ храмомъ. Могли ли его удовлетворить обыкновенные храмы, въ числѣ которыхъ множество произведеній высоко изящныхъ, но созданы безъ всякой религіозной идеи? И могли-ли они быть таковыми, когда по большей части зодчіе пеклись только объ архитектурной красотѣ, не имѣя мысли религіознаго взгляда.

Вотъ требованія новаго храма: Чтобы всѣ наружныя формы храма были отпечаткомъ внутренней идеи. Какъ писаніе говорить, что человекъ самъ храмъ, то надлежало искать идеи для храма наружнаго во внутреннихъ идеяхъ самого человека. Разсматривая себя, найдемъ, что онъ состоитъ изъ трехъ началъ (principium): тѣла, души и духа.

Эту тройственность необходимо было выразить, сколь возможно ясно, въ частяхъ храма.

---

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что впоследствии трудъ мой совершенно извѣстнымъ К. Брюловымъ, который тогда уже начиналъ оказывать высокія дарованія.

Мнѣ казалось недостаточнымъ, чтобы храмъ удовлетворялъ тою требованіямъ церкви греко-россійской — но вообще всѣмъ христіанскимъ, ибо самое посвященіе его Христу показывало его принадлежность всему христіанству. Слѣдственно храмъ долженъ былъ быть тройственный, т.-е. храмъ тѣла, храмъ души, храмъ духа; но такъ какъ человѣкъ, пребывая тройственнымъ, составляетъ одно, такъ и храмъ, при своей тройственности долженъ былъ быть единымъ. Эта тройственность вездѣ: и въ Божествѣ и въ природѣ, даже въ мысленіи.

Въ жизни Спасителя мы находимъ три періода, которые согласны съ его тройственностью. Воплощеніе Христа — принятіе на себя смертнаго тѣла, Преображеніе, показывающее до какого просвѣтленія очищенное тѣло душевными свойствами доведено быть можетъ—и Воскресеніе, показывающее въ какое духовное состояніе тѣло доведено быть можетъ. Тѣмъ болѣе надлежало выразить три храма тремя моментами жизни Спасителя, что весь храмъ долженствовалъ быть Ему посвященнымъ. Впрочемъ мое дѣло было только собрать изъ священнаго писанія мѣста и раскрыть ихъ и приложить къ искусству, на что я и чувствовалъ призваніе. Разумѣется, что и самыя наружныя формы храма должны были соотвѣтствовать своему внутреннему смыслу. Понимая, что ничего не можетъ быть произвольно въ жизни Спасителя, я размышлялъ о таинствѣ Христа, я чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ находя, что я оное вполнѣ ясно не понимаю и опасался возраженій остраго ума; каковъ былъ у Вольтера. Это было мнѣ прискорбно. Долго мучась сей идеею, однажды внутреннее возрѣніе меня привело къ слѣдующему:

Я вообразилъ себѣ Творца точкою. Назвавъ ее единицею, Богомъ, поставилъ циркуль и очертилъ кругъ, коего центръ эта точка; эту периферію назвалъ множественностью—твореніемъ. Итакъ, я имѣлъ единицу и множественность, Творца и твореніе. Какъ эта точка можетъ соединиться съ периферіею, наблюдая за черченіемъ я видѣлъ, что расходящіяся ножки циркуля дѣлаютъ прямую линію, коихъ безконечное множество одной величины составляютъ кругъ и которые всѣ, пересѣкаясь въ центрѣ, составляютъ кресты; и слѣдственно крестомъ соединяется съ Творцомъ природа. Такимъ образомъ я получилъ три формы: линію, крестъ и кругъ,

составляющія одну таинственную фигуру, совершенно успокоившую меня; и съ этой минуты я постигъ сію тайну.

Я мгновенно рѣшилъ воспользоваться симъ открытіемъ и мгновенно приспособить ее къ храму, тѣмъ болѣе что я нашелъ, что уже многіе писатели (кои мнѣ были неизвѣстны), занимавшіеся таинствомъ природы (?), я нашелъ важность сихъ фигуръ и въ послѣдствіи у натурфилософовъ, которые въ оныхъ началъ выводили ее важность. Форму линіи въ природѣ наилучше выражаетъ параллелограмъ, коего одна сторона безконечно-малая. Сію форму я присвоилъ первому храму, названному храмомъ тѣлеснымъ, тѣмъ болѣе что и математическая линія, превращаясь въ тѣло, производитъ параллелепипедъ. Сверхъ того уже и потому эта форма приличествовала, что тѣло человѣческое безъ духа полагается въ могилу той же формы, ибо не предстоить надобности класть тѣло въ другую форму. Этотъ храмъ долженствовалъ быть прислоненъ къ землѣ, такъ какъ и тѣло человѣческое прислонено къ ней.

Тремя сторонами находясь въ горѣ, а съ выходящей восточной стороны, съ которой онъ принималъ свѣтъ, и далѣе углубляясь въ мрачность (онъ) оканчивался катакомбами. Алтарь долженъ былъ быть освѣщенъ посредствомъ прозрачнаго изображенія Рождества на огромныхъ стеклахъ и никакого другого свѣта не должно было быть въ алтарѣ. Христосъ есть свѣтъ міра. Гранитные столпы, какъ первозданная матерія, твердые, должны были поддерживать сводъ храма и стѣны украшенныя мрамора чернаго, дикаго и бѣлаго.

Перейдемъ къ украшеніямъ. Я убѣжденъ, что они не должны быть употребляемы для одной красоты, но они должны быть іероглифами, языкомъ религіи. Нынѣ поступаютъ съ ними произвольно и небрежно. Египтяне и индѣйцы посредствомъ наружныхъ фигуръ передавали свои внутреннія мысли, которыя могли пониматься только тѣми, кто углублялись въ ихъ разборъ. Они не заботились о красотѣ. Греки, заимствовавъ свое просвѣщеніе у египтянъ, получили отъ нихъ одну символику для аллегоріи, и гоняясь за одной наружной красотой производили украшенія изящныя, но безсильныя, доставшіяся въ наслѣдство новымъ художникамъ. Древніе христіане отвергли ихъ совсѣмъ, относя все это къ язычеству и отдаляясь отъ нихъ, въ послѣдствіи приняли наконецъ готизмъ. Готическая архитектура, можетъ неимѣющая

той высокой изящности греческой архитектуры, имѣть свое величіе: большая часть ея зданій были воздвигнуты людьми посвятившими всю жизнь на воздвиженіе храмовъ; и гдѣ же болѣе должно искать строгости украшеній, какъ не въ храмѣ Божиѣмъ, гдѣ всякая черта должна говорить о истинахъ религіи. Вслѣдствіе сего храмъ тѣлесный украшенъ во вкусѣ только греческомъ большимъ барельефомъ, занимающимъ обѣ стѣны; этотъ барельефъ заключаетъ въ себѣ исторію смерти Апостоловъ и Христа, чѣмъ самымъ научаетъ какимъ образомъ должно приносить тѣло смертное въ жертву Христу. Мѣсто его могло ли быть приличнѣе какъ не вдавленное въ землю, одна восточная сторона его выходитъ наружу, чтобъ воспринимать свѣтъ. Такимъ образомъ общій характеръ его выражаетъ мрачность—катакомбу. Къ сему тѣлесному храму почель я приличнымъ примѣнить воспоминаніе о жертвахъ 1812 года, кои положили животъ свой за отечество; т.-е. богатую катакомбу, которая предала бы потомству память всѣхъ убиенныхъ за отечество воиновъ, имена коихъ отъ солдата до военачальника должны были быть написаны на стѣнахъ катакомбы гдѣ долженствовала быть и панихида о нихъ. Тѣлесный храмъ оканчивается катакомбою, находящеюся въ серединѣ фундамента второго храма. Катакомба освѣщается термолотинами. Такъ какъ, въ греко-россійской церкви, владется подъ престоломъ частица мощей, людей въ жертву принесшихъ себя Христу, такъ и тутъ, въ основу тѣлесному храму, положены-бы были тѣла погибшихъ жертвъ за тѣлесное отечество, и въ храмѣ, въ воспоминаніе 1812 года воздвигнутомъ, служили бы потомству воспоминаніемъ сихъ событій, и смерть сихъ воиновъ причина воздвиженія онаго.

Нижній храмъ посредствомъ внутреннихъ лѣстницъ соединялся со вторымъ храмомъ, храмомъ душевнымъ или моральнымъ, который начинался уже на поверхности горы, открытой со всѣхъ сторонъ. Форма сего храма должна была состоять изъ креста; какъ первый состоялъ изъ линіи, такъ второй изъ пересѣченія двухъ линій. Какъ форма параллелограмма приличествовала смертному тѣлу, такъ форма креста приличествуетъ душѣ, т.-е. тѣлу, оживленному духомъ, составляющимъ настоящую нашу жизнь и дѣйствованіе. Тамъ форма тѣла была сложная, здѣсь распростертыя руки составляютъ крестъ, хотя казать-

ся можетъ, что одно тѣло распинается, но не мертвое, а тѣло одушевленное духомъ, гдѣ воля его можетъ рѣшиться или нѣтъ на страданіе; и слѣдственно крестъ принадлежитъ душевной части человѣка и есть какъ бы середина между смертнымъ духомъ и бессмертнымъ духомъ его,—есть соединеніе тѣла съ духомъ, есть средство соединенія человѣка съ Богомъ. Здѣсь храмъ во имя Преображенія, т.-е. тѣло просвѣтленное, очищенное*) волею души. Въ этомъ среднемъ храмѣ алтарь долженъ освѣщаться Преображеніемъ Христовымъ. Какъ форма храма должна приличествовать его наименованію, такъ и самое освѣщеніе; онъ долженъ имѣть полусвѣтъ, такъ какъ и есть наша жизнь смѣсь добра и зла. Знатокъ живописи и музыки знаютъ пріятность для взора полусвѣта . . . . . **) и для слуха полуслуха, имѣющаго столь огромное вліяніе на душу, что все вмѣстѣ напоминаетъ намъ средину нашего бытія. Какъ въ нижнемъ храмѣ составляетъ украшеніе смерть, такъ здѣсь жизнь; т.-е. барельефъ овружающій весь второй храмъ долженъ заключать жизнь и дѣянія Христа и его апостоловъ какъ указаніе того, какъ это смертное тѣло, одушевленное духомъ Божиимъ, должно жить.

Изъ второго храма ведутъ лѣстницы въ третій, верхній, составляющій храмъ духовный (божественный). Какъ второй храмъ состоялъ изъ креста, который есть слѣдствіе линіи, такъ третій состоитъ изъ чистаго круга, слѣдствіе креста. Сверхъ того, какъ кругъ не имѣетъ ни начала ни конца, то онъ есть лучшею линіею для выраженія безконечности.

Какъ крестъ объясняется въ отношеніе къ душевной части, такъ здѣсь периферіею выражается духъ (насколько матерія можетъ выразить оный). Здѣсь алтарь освѣщается чрезъ Воскресеніе Христа Спасителя. Самый же храмъ ярко освѣщенъ, насколько архитектура позволяетъ оное, чтобы какъ нижній долженъ быть мраченъ, такъ храмъ духа самый яркій, и сей-то храмъ духовный сообщаетъ свѣтъ храму душевному. Отсего и происходитъ полусвѣтъ средняго храма, т.-е. часть мрака и часть свѣта.

Окны размѣщены такъ, чтобы изъ нижняго они не были видны, инако они разрушили бы полутонъ его освѣщенія. Вмѣсто же

*) «Очищенное», вмѣсто зачеркнутого: «божественнаго».

Ред.

**) Одно слово не разборчиво.

Ред.

обыкновеннаго свѣта въ куполѣ 3-го храма должно было видимо быть ярво освѣщенный большой искусственный свѣтъ на плафонѣ купола, изображающаго отверстие небо и освѣщеннаго своими окнами невидимыми.

Какъ во 2-мъ храмѣ украшенія были изъ дѣяній апостольскихъ (относящ. къ душевнымъ свойствамъ), такъ здѣсь барельефъ, обружающій сей храмъ, представляетъ исторію Спасителя въ видѣ духа, то-есть тѣ случаи, кои были послѣ воскресенія, когда Христосъ является въ духовномъ тѣлѣ *), является ученикамъ, и наконецъ вознесеніе, какъ отшествіе изъ сего міра.

Такимъ образомъ въ храмѣ выражалась и изображалась вся исторія Спасителя, имени коего онъ посвящался.

Такова идея этого тройственнаго храма относительно внутреннихъ его частей; но наружность его должна была представлять одно цѣлое, единое зданіе. Такъ какъ внутренній храмъ долженъ былъ представить духовнаго человека, такъ и наружный долженъ былъ не отрываться отъ сей идеи въ своей общности.

Идея главнаго входа съ нижней площади храма состояла въ томъ: лѣстница раздѣляетъ большую терассу на двѣ половины; съ терассы входъ въ нижній храмъ и съ обѣихъ сторонъ улицы, ведущіе на верхнюю площадь ко второму храму.

Вокругъ сквозной чугунной колонады, поддерживающей главный куполъ храма желѣзной конструкціи, кольцеобразно помѣщены были съ каждой стороны пять статуй главнѣйшихъ добродѣтелей. Съ одной стороны добродѣтели Ветхаго завѣта, съ другой Новаго завѣта, означающія что для того, чтобъ войти въ истинный храмъ Христовъ, въ самого себя, нельзя войти безъ прохожденія главнѣйшихъ добродѣтелей, которымъ научаемся изъ двухъ Завѣтовъ и которыя суть слѣдующія: вѣра, надежда, любовь, чистота и смиреніе. Для большей ясности тутъ должны были быть означены тексты священнаго писанія, такимъ образомъ и сама терасса невольно назидала бы проходящаго.

Наружность втораго храма, обходъ, украшена одними изображеніями пророковъ, свидѣтельствовавшихъ еще въ ветхозавѣтномъ храмѣ о пришествіи Христа, но которые сами не могли быть въ

*) Зачеркнуто: «своемъ въ аду».

храмъ новомъ. Соображаясь съ догматами церкви сдѣланъ обходъ кругомъ втораго храма, гдѣ бы могли совершать всѣ процессіи не терпя препятствій отъ погоды.

Третій храмъ, духовный, украшаютъ духовныя существа—ангелы, окружая весь храмъ въ верхней его части. Весь стиль храма надлежало избрать въ греческомъ характерѣ, который своей правильностью и изящностью формъ придавалъ-бы возможное величіе зданію, поражая своею простотою. Согласно мѣстности примыкала къ нижнему храму колонада, составляющая какъ бы бокъ горы. Стѣна украшена барельефами исторіи побѣдъ 1812 г. съ помѣщеніемъ надъ ними важнѣйшихъ реляцій и манифестовъ. По концамъ ея два памятника изъ завоеванныхъ пушекъ, которыя впоследствии времени перемѣнились въobelisks *).

Но что побуждало меня къ сей жизни труда и занятія? Три причины могутъ побудить человѣка къ лишеніямъ и трудамъ:

- 1) корысть, — самая низкая страсть, матеріальная;
- 2) слава — побужденіе уже высшее, облагороженное, настолько выше, насколько мысль, идея, выше всякой матеріи;
- 3) любовь божественная, прославленіе Творца, столько же выше 2-й, сколько вѣра выше мысли, ангелы выше человѣка.

Много можетъ перенести человѣкъ, побуждаемый славой, но онъ падеть не видя успѣха; но напутствуемый вѣрою можетъ перенести все, и ропотъ не вырвется изъ груди его. Мысль посвятить мою жизнь Богу, торжественною пѣснью ему, вотъ что занимало меня и, разумѣется, при первомъ прочтеніи программы я увидѣлъ возможность совершить сіе. Не зданіе хотѣлось мнѣ воздвигнуть а молитву Богу.

Такимъ образомъ продолжалъ я трудиться для осуществленія моей идеи. Много стоило это труда, быть въ одно время учени-

*) Въ 1817 г. Каподистрія, бывшій король Греціи, желалъ чрезвычайно, чтобъ объясненіе сего храма было издано и даже поручилъ оное сдѣлать своему секретарю Стурдзѣ, который что-то и печаталъ очень неудовлетворительное. Въ 1817 г. Каподистрія давалъ для меня обѣдъ, состоявшій изъ весьма малаго числа лицъ и тамъ очень горячо убѣждалъ издать описаніе храма; но я отговаривался тѣми усовершенствованіями, которыми я намѣренъ еще заняться и что еще не пришло время для публікаціи, которую онъ бралъ на себя. Кстати замѣтимъ, что тутъ присутствовалъ графъ Воронцовъ, желавшій, чтобъ подобный храмъ въ маломъ видѣ былъ воздвигнуть у него въ Крымскихъ вѣнцахъ, но я не могъ согласиться на это.

комъ и учителемъ и облевать столь трудную религіозную идею въ вещественность, сохраняя при томъ требованія искусства. Подражать нельзя было и не хотѣлось; оригинальная идея требовала оригинальнаго изображенія. Часто увлекался я то изящностью язычества греческаго, то готизмами христіанскихъ храмовъ; очень понималъ я, что готическій храмъ, имѣющій свое величіе, произошелъ отъ желанія христіанъ ярко отдѣлать себя отъ всего языческаго; но съ тѣмъ вмѣстѣ я не могъ согласиться принять безотчетность готическихъ формъ преимущественно передъ простотою и изящностью греческихъ. Мнѣ казалось, что это однажды излившаяся красота, которая какъ бы превратилась въ норму, осуществивъ идею изящнаго. Посему эта красота и остановила меня. Конечно, величественная простота языческихъ храмовъ не удовлетворяла храму христіанскому; давно старались замѣнить тѣмъ, что въ христіанскихъ храмахъ, начали воздвигать куполы на языческихъ портикахъ. Я сколько возможно разсматривалъ важнѣйшія зданія сего рода, въ особенности храмъ св. Петра. Сколько ни имѣетъ онъ достоинствъ, но стиль его нечистъ, неизященъ и въ немъ множество недостатковъ. Но несмотря на то онъ авторитетомъ своимъ долго связывалъ мои идеи, и потому въ первомъ проектѣ я удержалъ эллипсоидальную форму купола, хотя въ то же время изящна полусфероидальная форма Римскаго Пантеона. Несмотря на всѣ усилія, я долго не могъ сладить всѣхъ требованій, и недовольный ничѣмъ я въ безпрестанныхъ занятіяхъ выработывалъ свой проектъ, который вполнѣ былъ совершенъ, понять въ идеѣ; но который выразить и развить я не могъ еще во всей ясности, согласно со всѣми требованіями искусства, перенеся на бумагу однѣ главнѣйшія мысли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА,

строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ

р. 1787 † 1855 г.

II *).

Прежде нежели я приступлю къ дальнѣйшему повѣствованію о приѣздѣ въ Петербургъ, я долженъ разсказать нѣкоторые факты частной жизни, имѣвшіе большое вліяніе на меня.

Лѣтомъ 1815 года, услышалъ (я) о возвращеніи императора въ Петербургъ. Ив. Ив. Дмитріевъ, одушевленный идеєю храма моего, какъ поэтъ, совѣтывалъ мнѣ стараться, чтобъ объясненіе сего храма было сдѣлано мною на словахъ императору, ибо «живое слово, говорилъ онъ, болѣе дѣйствуетъ нежели письмо».

Я возражалъ ему, что у меня на это нѣтъ никакихъ средствъ, и что я объ этомъ заботиться не буду, ибо ежели суждено мо-

*) См. «Русскую Старину» 1872 г., т. V, стр. 16—32. Къ первой главѣ Записокъ Витберга — П. Н. Петровъ сообщилъ намъ слѣдующія примѣчанія:

«Русск. Стар.», т. V, стр. 18. Въ Академіи были тогда возрасты, а не курсы. Витбергъ кончилъ курсъ Академіи въ 1809 г., слѣдовательно не могъ быть выпущенъ изъ Академіи въ 1807 году, когда получилъ онъ вторую золотую медаль и оставленъ пансіонеромъ для возможности получить въ слѣдующій выпускъ первую золотую медаль; этой вождельной награды удостоенъ онъ отъ Академіи въ собраніи 1 сентября 1809 года, выполнивъ картину по программѣ «Андромаха, оплакивающая Гектора». Картина эта теперь находится въ академическомъ музеѣ. Только съ первой медалью воспитанники имѣли право получать пенсію отъ казны на пребываніе за границею на извѣстное число лѣтъ.

Стр. 21. Сюжетъ изъ Марѣи Посадницы былъ общею программою по Академіи для историческихъ живописцевъ въ 1808 году, и въ годовое собраніе 1 сентября никому не было дано первой золотой медали, а вторая—досталась Дмитрію Ивановичу Иванову, съ которымъ Витбергъ не хотѣлъ состязаться въ живописи, выполнивъ одинъ только эскизъ въ рисунокѣ. Картина Иванова

ему проекту быть избраннымъ, онъ будетъ избранъ, а нѣтъ—предоставляю волѣ Провидѣнія.

По окончаніи проекта и когда слухъ о немъ носился по Москвѣ, я объяснялъ *) его у графа Ростопчина, при многочисленномъ собраніи, собираясь ѣхать въ Петербургъ, чтобъ передать оберъ-прокурору св. синода, князю Ал. Нив. Голицыну, проектъ свой (ему назначено было собирать проекты). Тамъ графъ Левъ Кирилловичъ Разумовскій желалъ имѣть подробнѣйшее объясненіе у себя дома, видя что при многочисленномъ собраніи я не могъ такъ свободно объяснять его.

Графъ былъ очень тронутъ идеей до слезъ, и съ восторгомъ спросилъ: чѣмъ онъ можетъ быть полезнымъ, чтобъ дать этому дѣлу ходъ, предвидя затрудненія, которыя оному сдѣлаютъ.

— «Братъ мой министръ просвѣщенія (тогда онъ былъ президентомъ Академіи Художествъ)**). Онъ можетъ многое (сдѣлать) для васъ; я полагаю не лишнимъ снабдить васъ при поѣздкѣ въ Петербургъ письмомъ къ брату».

Я возражалъ: «Извините графъ, ежели отвѣтъ мой покажется страненъ и невѣжливъ. Сердечно благодарю за участіе принимаемое (вами) въ семъ дѣлѣ. Но строгость моихъ правилъ, коимъ

теперь въ Эрмитажѣ. Подъ именемъ картины у Лабзина Витбергъ конечно разумѣетъ маленькій эскизъ свой, также оконченный, какъ и тотъ («Изведеніе Петра изъ темницы»).

На стр. 24, по крайней неразборчивости рукописи, вкралась ошибка: напечатано «Шугуева», вмѣсто Шебуева. Василій Козмичъ Шебуевъ, воспитанникъ Академіи, потомъ пансіонеръ ея, профессоръ и ректоръ живописи, дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, написалъ въ стилѣ Пуссена — которому онъ обыкновенно старался подражать въ своихъ композиціяхъ—эскизъ плафона въ главный куполъ Казанскаго собора, но до исполненія въ натурѣ не дошло. Произведеніе Шебуева существуетъ, оно было на Лондонской всемірной выставкѣ 1862 г.

П. П.

Съ своей стороны считаемъ не лишнимъ отмѣтить одну обмолвку автобіографа: на стр. 31, въ подстрочномъ примѣчаніи, Витбергъ называетъ графа Каподистрія — королемъ Греціи; онъ былъ — ея президентъ. Всѣ слѣдующія примѣчанія къ настоящимъ мемуарамъ сдѣланы, по нашей просьбѣ, также П. Н. Петровымъ, извѣстнымъ знатокомъ исторіи русскаго искусства.

Ред.

*) «Объяснялъ» вмѣсто зачеркнутаго: «показывалъ».

Ред.

**) Министръ народнаго просвѣщенія съ 1812 года по 1827 годъ имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ императорскую Академію Художествъ, но управлялъ ею до 1817 года вице-президентъ П. П. Чекалевскій (1750—1817), а послѣ него президентъ—А. Н. Оленинъ (1763—1843 г.).

П. П.

измѣнить не могу, запрещаетъ мнѣ пользоваться всякимъ искательствомъ, а письмо ваше будетъ походить на протекцію; ибо я поставилъ правиломъ по этому дѣлу ничего не просить, чтобъ видѣть волю и указаніе Провидѣнія. Какъ трудъ мой важенъ, то я боюсь искательствами натянуть успѣхъ и взять на себя столь трудное дѣло, сопряженное съ раздраженіемъ многихъ и ежели тогда я не въ силахъ буду выполнить. Еслиже, вопреки моимъ правиламъ, дѣло будетъ имѣть надлежащій ходъ и успѣхъ, тогда я заключу, что оно имѣетъ назначеніе свыше, и въ такомъ случаѣ я въ состояніи буду перенести всѣ препятствія».

Графъ нашель мой отзывъ не тоюмо не обиднымъ, но былъ радъ, что я такъ разсуждаю, хотя впрочемъ считалъ не излишнимъ письмо къ брату.

Я отвѣчалъ, что пожалуй приму его; но только, чтобъ онъ замѣтилъ, что я не прошу оное.

Многія другія особы показывали вниманіе *).

Наконецъ я собрался въ 1815 году въ Петербургъ. Но я всѣхъ менѣе былъ доволенъ моимъ проектомъ, видя впрочемъ, что онъ удовлетворяетъ характеру серьезной архитектуры. Впрочемъ увѣренность была, что мой проектъ будетъ избранъ и (я) твердо полагался.

На дорогѣ въ Петербургъ, я остановился въ Твери у почт-мейстера Нововщенова, съ которымъ я познакомился въ Москвѣ, ибо и онъ жилъ въ почтамтѣ; я провелъ тамъ съ недѣлю, желая ему оставить памятникъ моихъ трудовъ, гдѣ я познакомился съ свѣдущимъ математикомъ Карбоньеромъ, впоследствии инженеромъ, и о которомъ упоминаю потому, что послѣ мы съ нимъ встрѣтились инако. Онъ въ моемъ проектѣ особенно вникалъ въ конструцію купола, который у меня былъ проектированъ изъ желѣза. Въ Твери нашель я обѣщанное письмо къ Алексѣю Кирилловичу Разумовскому и, сверхъ того, къ Александру Николаевичу Голицыну—отъ Льва Кирилловича Разумовскаго.

Между тѣмъ, слухъ о моемъ проектѣ дошелъ до многихъ и предупредилъ меня въ Петербургѣ. Я уже говорилъ, что нѣкоторые изъ моихъ товарищей тоже занимались имъ, въ числѣ ихъ былъ одинъ Мельниковъ, нынѣ профессоръ Академіи Ху-

*) Въмѣсто этого было написано и зачеркнуто: «Многія особы въ Москвѣ оказывали чрезвычайное вниманіе моему проекту.....»

дожествъ*); онъ мнѣ показывалъ свой проектъ еще прежде отъѣзда въ Москву; но могъ-ли онъ мнѣ понравиться, когда никакой мысли не лежало въ основаніи его идеи. Несмотря на то, что Мельникова программы обыкновенно были хороши, ибо онъ имѣлъ хорошей талантъ, но его проектъ былъ испещренъ мелочами.

Слухъ о моемъ проектѣ и о духѣ, въ коемъ онъ составленъ, дошелъ до него. Возвратясь въ Петербургъ, я встрѣтился съ нимъ на улицѣ; онъ вспыхнулъ въ лицѣ и я понялъ этотъ румянецъ, и первое слово было о моемъ проектѣ; удовлетворяя его желанію, я звалъ его на другой день придти посмотрѣть оный.

Въ назначенный часъ онъ явился. Внимательно смотря на проектъ, первый вопросъ его былъ: «И неужели ты самъ чертилъ его?»

— Твой вопросъ обиденъ, возразилъ я. Это похоже на то, ежели бы у сочинителя спросили, самъ ли онъ перебѣлилъ такъ хорошо.

— Все такъ; но, помилуй, ты прежде не умѣлъ чертить.

— Умѣю теперь.

— Но такъ скоро?

— Стоитъ твердо желать и успѣхъ несомнѣненъ. Сначала я чертилъ дурно и мысли мои выражались уродствами, потомъ занятіе, размышленіе дали мнѣ силы, одушевленіе; любовь довершила остальное. Вотъ смотри рядъ, черезъ который я дошелъ до проекта, сказалъ я ему, подавая портфель гдѣ хранились у меня всѣ чертежи отъ перваго до послѣдняго.

Съ жадностью перебиралъ Мельниковъ эти листы и удивленіе его не уменьшалось. Онъ былъ доволенъ, хвалилъ; но я требовалъ его мнѣнія какъ товарища и артиста, на что онъ отвѣчалъ:

---

*) Профессоръ, потомъ ректоръ архитектуры въ императорской Академіи Художествъ, Авраамъ Ивановичъ Мельниковъ, (1784—1854) былъ художникъ съ высокимъ талантомъ и съ большими практическими знаніями строительнаго дѣла. Композиція его отличалась глубокою обдуманностью и замѣчательны вкусомъ и тактомъ. Онъ строилъ церковь Николая Чудотворца, въ Грязной (нынѣ Николаевской) улицѣ. Съ отзывомъ автобіографа о Мельниковѣ трудно согласиться буквально, а слѣдуетъ принимать его только въ смыслѣ различія взглядовъ на предметъ, его и Витверга. П. П.

— Стыдно ихъ сказать, они есть, но такія мелочи, что совѣстно говорить.

Окончивъ это, онъ просилъ сказать ему идею, внутреннюю мысль храма.

— Мельниковъ, сказалъ я ему, ты занимаешься тѣмъ же предметомъ; много уже я сдѣлалъ, показавъ тебѣ свой проектъ; но ты хочешь еще знать и внутреннюю идею,—этого не дѣлается; но я докажу довѣренность, которую имѣю къ тебѣ; человѣкъ съ талантомъ не можетъ быть подлецомъ.

Послѣ этого я объяснилъ ему храмъ свой; но объясненіе мое было не систематично, безъ послѣдовательности, разбивчиво, и я скрылъ отъ него главную синтетическую мысль, изъ коей развивались всѣ частности зданія. Впрочемъ онъ и не могъ бы понять меня; хорошій артистъ, онъ далегеъ былъ отъ религіознаго взора на эти предметы. Казалось онъ довольствовался моимъ объясненіемъ и въ душѣ его не возникало дальнѣйшихъ вопросовъ.

Когда я кончилъ, я видѣлъ, что его удивленіе не прошло и въ тоже время что-то грустное, обиженное было на лицѣ его.

— Вотъ тебѣ и объясненіе, сказалъ я ему въ заключеніе: хотя я и не предполагаю, чтобы ты когда-либо воспользовался имъ съ черной цѣлью; но ежели бы и хотѣлъ, то вотъ тебѣ моя рука, что это для тебя рѣшительно невозможно; ты все перепутаешь.

И въ самомъ дѣлѣ могъ ли человѣкъ, неимѣющій самъ той идеи и еще болѣе неспособный ее имѣть, слыша объясненіе нѣкоторыхъ частей, въ разбивку, безъ порядка, могъ ли онъ удовлетворительно, отчетливо, не зная общности, передать эти мысли и не должны ли были они у него перепутаться съ другими мыслями и слѣдственно дойти до нелѣпности.

Мельниковъ увѣрялъ.

Впослѣдствіи увидимъ, какъ поступилъ онъ и увидимъ всю вѣрность высказаннаго здѣсь мнѣнія. Теперь прибавлю, что г. Мельниковъ распространилъ въ Академіи слухъ о достоинствѣ такого труда и съ похвалою относился о моемъ проектѣ.

III.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ собиралъ проекты и я тотчасъ явился къ нему, и съ письмомъ отъ графа Разумовскаго. Князь сказалъ, что онъ давно слышалъ о моихъ занятіяхъ и хотѣлъ со мною познакомиться, притомъ замѣтилъ, что онъ не можетъ ничего особеннаго сдѣлать для моего проекта, а какъ и всѣ прочіе повергнетъ разсмотрѣнію императора.

— Я и не прошу ничего особеннаго, возразилъ я, но вотъ, впрочемъ одна просьба: я письменнаго объясненія храма не сдѣлаю и непременно хочу оное сдѣлать лично; доведите это до свѣдѣнія императора.

Князь обѣщалъ. Онъ назначилъ (мнѣ) на третій день явиться съ проектомъ и сдѣлать полное объясненіе онаго.

Князь сказалъ, что вѣроятно проектъ мой потребуетъ большихъ издержекъ; «это одно можетъ остановить выборъ его и потому хорошо было бы, ежели вы занялись отдѣлкою другаго *) проекта въ меньшемъ видѣ. Государь еще будетъ не скоро успѣть можете».

Я обѣщалъ **), понявъ всю важность словъ князя.

Являсь въ назначенное время, я нашелъ (у князя) архимандрита Филарета, впоследствии столь извѣстнаго, Александра Александровича Ленивцева друга князя, и оберъ-шенка Кошелева и камергера Кологривова. При сихъ лицахъ сдѣлалъ я полное объясненіе своего проекта. Я наиболѣе обращалъ свои замѣчанія Филарету,—который тогда сталъ обращать вниманіе своими проповѣдями,—желая знать, нѣтъ ли чего противнаго догматамъ россійской церкви? съ какою цѣлью, вѣроятно, князь его и пригласилъ. Филаретъ вполне оправдывалъ мои идеи и весьма находилъ ихъ приличными греко-россійской церкви, сдѣлавъ одно замѣчаніе:

— Вы помѣстили семь добродѣтелей: вѣру, надежду, любовь, чистоту, смиреніе, благодать и славу, которыя, какъ вы говорите, помѣщены на извѣстномъ образѣ храма Премудрости; но я полагаю, что послѣднія двѣ добродѣтели: слава и бла-

*) «Другаго», вмѣсто зачеркнутаго «экономическаго».

Ред.

**) Въ подлинникѣ слова: «понявъ всю важность словъ князя и началъ заниматься» — зачеркнуты.

Ред.

годать, болѣе бы могли относиться ко внутренности храма, нежели ко внѣшности его.

Найдя замѣчанія его весьма основательными, тотчасъ измѣнилъ это. Князь остался весьма доволенъ.

При прощаніи, сказалъ онъ мнѣ:

— Ежели любите хорошее служеніе, каждое воскресенье въ моей домовоѣ церкви собираются мои пріятельи, приглашаю и васъ.

Я не преминулъ быть, и князь спрашивалъ:

— Какъ вамъ нравится церковь?

— Довольно хороша для домовоѣ церкви, но иконостасъ съ погрѣшностями; но наиболѣе не нравятся мнѣ царскія врата (онѣ были устроены извѣстнымъ Воронихинымъ).

— Да, мнѣ и самому не очень нравится иконостасъ, сказалъ князь; но что именно находите вы въ царскихъ вратахъ?

— Во-первыхъ, самыя врата имѣютъ характеръ грубый, въ то время, какъ по своей идеѣ онѣ должны быть прозрачны и легки; далѣе, главнѣйшій недостатокъ, что завѣса голубаго цвѣта.

— Какого-жъ цвѣта должна она быть? спросилъ князь съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Именно краснаго.

— Почему?

Отвѣтъ мой состоялъ изъ текста св. Павла: «имущему дерзновение, братіе, входитъ во Святаѣя, кровію Иисусъ Христовоѣя чрезъ завѣсу путемъ новымъ и живымъ, его же обновилъ есть намъ, сирѣчь плотію своею».

Князь былъ изумленъ рѣзкостью идеи и тотчасъ меня просилъ сдѣлать чертежъ для царскихъ вратъ, который я ему сдѣлалъ, торопясь удовлетворить просьбу его, ибо онъ желалъ, чтобъ они были готовы къ приѣзду императора, который часто посѣщалъ его церковь и, слѣдовательно, могъ бы увидѣть трудъ мой.

Я сдѣлалъ рисунокъ, по коему царскія врата состояли какъ бы изъ лучей свѣта изъ иконостаса; находя хорошо изображенными эти лучи въ образѣ Троицы, я составилъ царскія врата изъ продолженія ихъ. Внизу помѣщенъ былъ бѣлый квадратный красугольный камень, на которомъ, въ видѣ барельефа, изображены были Благовѣщеніе и 4 Евангелиста, ниже, на самомъ

камнѣ, текстъ вышепрописанный. На камнѣ лежали на поставѣ потиръ, а выше, въ самыхъ лучахъ, какъ бы носился самый вѣнецъ терновый. Сквозь лучи видна завѣса, составленная изъ краснаго креста на бѣломъ полѣ, чтобы отдѣлить христіанскую завѣсу отъ ветхозавѣтной въ храмѣ Соломоновѣ; къ сему велъ и слѣдующій текстъ: «И убѣлиши ризы своя въ крови агнчей» (Апокалипсисъ).

Между тѣмъ съ другимъ письмомъ явился я къ министру просвѣщенія, подѣ влияніемъ котораго находилась Академія Художествъ. Графъ принялъ чрезвычайно благосклонно письмо и назначилъ въ тотъ же день быть у него съ проектомъ. Я исполнилъ это. Около двухъ часовъ провелъ я у него въ кабинетѣ съ величайшимъ удовольствіемъ. Графъ былъ пораженъ новостью идеи и сказалъ:

— Это новая поэзія въ архитектурѣ.

Надежить знать, что графъ слылъ человѣкомъ неприступнымъ и гордымъ; онъ удалялся ото всѣхъ, даже отъ своихъ домашнихъ. Члены Академіи никогда не удостоивались быть принимаемы имъ. Ласки его къ молодому человѣку-пансіонеру Академіи, два часа проведенные съ нимъ въ кабинетѣ, наконецъ похвалы моему проекту, который онъ называлъ чистымъ произведеніемъ вдохновенія, раздражили Академію.

Несмотря на размолвку мою съ Лабзинимъ, я, занимаясь столь важнымъ предметомъ, находилъ нужду забыть неприятности и явился къ нему *); но я хотѣлъ показать ему, что благодарность къ нему у меня не изсякла. Сверхъ того, я хотѣлъ представить свой проектъ на разсмотрѣніе Академіи въ ея общее засѣданіе, которое скоро надлежало быть, а Лабзинъ былъ конференцъ-секретаремъ. Несмотря на гордый характеръ Лабзина, онъ принялъ меня съ сердечнымъ удовольствіемъ.

— Покажи-же, братъ, свои труды, о которыхъ такъ много говорятъ.

— Мнѣ весьма будетъ пріятно слышать ваше мнѣніе, возразилъ я, по предмету столь близкому его душѣ.

Вскорѣ удовлетворилъ я его желаніе. Сначала все шло хорошо и Лабзинъ былъ доволенъ; но среди самаго объясненія произошелъ горячій споръ.

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «пріемъ былъ холоденъ».

Я сказалъ: «Вотъ, Александръ Федоровичъ, вы хвалите мои труды теперь, а когда я жилъ въ Москвѣ, не вы ли съ Академіей затрудняли меня письмами и мучили своими требованіями, вмѣсто того, чтобы способствовать развитію моему. Въ васъ и въ Академіи я нашелъ наибольшее препятствіе, и теперь я отъ нее ничего хорошаго не жду».

Лабзинъ спросилъ: «Но чего же ты хочешь отъ Академіи, вѣдь ты ее оставилъ и отказался отъ вояжа?»

— Быть баллотировану въ члены Академіи по сему проекту, который я хочу представить.

Лабзинъ вспыхнулъ и вскричалъ:

— Это не по формѣ, ты знаешь порядокъ, Академія назначаетъ тему...

— Но я никакой другой программой не буду заниматься; сверхъ того, Академія за три года предлагала мнѣ быть членомъ, отъ чего я отказался въ пользу путешествія; отчего-же теперь она откажетъ послѣ столь важнаго труда. Я посвятилъ себя одному храму, на него употреблены всѣ силы души моей, и для выполненія формъ Академіи не хочу чертить какую-нибудь конюшню.

Кончилось тѣмъ, что не желая слышать колебія слова, я завернулъ свой проектъ, не продолжая объясненіе,—и откланялся. Въ тотъ же день я явился съ той же цѣлью къ вице-президенту академіи Чекалевскому, который былъ очень обрадованъ моимъ приходомъ. Я объявилъ ему желаніе представить проектъ для баллотированія въ члены.

— Очень радъ, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ; но скажите, любезнѣйшій, вы прежде вѣдь не занимались архитектурой? Какъ-же вы сдѣлали такой огромный проектъ, и какъ предпринять такое трудное дѣло?

— Правда, что я прежде не занимался архитектурой, но кто же можетъ поставить предѣлъ Тому, кто раздаетъ таланты и дарованія? не показываетъ ли самое слово, что это дается свыше тому, кому Онъ возжелаетъ.

Чекалевскій сдѣлалъ престранную фізіономію; обыкновенная доброта перемѣшалась съ сомнѣніемъ и онъ сказалъ: «хорошо, хорошо».

Онъ былъ занятъ и я разстался съ нимъ.

И каково-же было мое удивленіе черезъ нѣсколько дней узнать, что добрый Чекалевскій съ сердечнымъ участіемъ говорилъ: «какъ жаль, вѣдь Витбергъ помѣшался. Онъ мнѣ говорилъ о какихъ-то откровеніяхъ, о Богѣ».

Этотъ языкъ, коимъ я говорилъ, казался имъ языкомъ безумія!

Хотя мнѣ было и очень смѣшно, но однако я боялся, что этотъ слухъ распространится и что странно будетъ Академіи разсматривать проектъ умалишеннаго. Изъ размолвки съ Лабзиннымъ, тѣмъ болѣе, что я уже зналъ раздраженіе (противъ меня) академиковъ за пріемъ министра, я понялъ уже, какія препятствія я долженъ былъ встрѣтить въ общемъ собраніи Академіи.

Между тѣмъ, какъ до 1-го сентября (время баллотированія въ Академіи), оставалось времени довольно, то оно посвящено было составленію меньшаго проекта въ тѣхъ же идеяхъ.

Наконецъ, наканунѣ 1-го сентября, я явился къ князю Александру Николаевичу.

— Завтра намѣренъ я представить проектъ мой на разсмотрѣніе Академіи; но какъ я надѣюсь на большія затрудненія тамъ, то прошу ваше сіятельство. Я почти увѣренъ, что гг. архитекторы употребятъ всѣ усилія, чтобъ меня не баллотировали по проекту не ими заданному, имѣя въ сей формѣ предлогъ отказа. Я уже передалъ вице-президенту Академіи бумагу, которой объясняю всѣ мои труды въ Москвѣ, въ видѣ отчета; тамъ просилъ я его, ежели не вѣрятъ въ мои успѣхи, то сдѣлать мнѣ строгій словесный экзамень изъ всѣхъ частей архитектуры, какого ни одинъ архитекторъ у насъ не выдерживалъ. И потому прошу ваше сіятельство, чтобъ профессора не могли меня отринуть, когда предложитъ вице-президентъ; то (и вы) какъ членъ Академіи, (благovolите) дать голосъ въ пользу экзамена.

Въ Академіи, когда было это предложено, сначала обращались къ Гваренги, но онъ возразилъ, что какъ почетный членъ, онъ предоставляетъ (это дѣло) гг. профессорамъ. Старшій профессоръ Михайловъ *) замѣтилъ, что «дѣйствительно мы знаемъ, что г. Витбергъ никогда не занимался архитектурой, и потому не можетъ не казаться страннымъ проектъ столь огромный».

*) Андрей Алексѣевичъ Михайловъ, потомъ ректоръ архитектуры въ Академіи Художествъ, уволенный въ отставку при введеніи въ дѣйствіе устава 1830 года. А. А. Михайловъ строилъ церковь св. Екатерины мученицы на Васильевскомъ острову, близъ Тучкова моста.

Добрый вице-президентъ замѣтилъ, что Витбергъ желаетъ быть по этому проекту подвергнутъ словесному экзамену, и надѣется удовлетворить членовъ Академіи въ основательности своихъ познаній.

— Но столь огромный проектъ, сказалъ г. Михайловъ, потребуетъ слишкомъ много времени и гг. члены, вѣроятно, не могутъ посвятить на это столько времени.

Г. профессоръ едва кончилъ свое замѣчаніе, какъ г. конференцъ-секретарь Лабзинъ сказалъ довольно велегласно и важно:

— Такъ какъ г. Витбергъ въ своемъ отчетѣ, о занятіяхъ въ Москвѣ, довольно подробно говоритъ о занятіяхъ по механикѣ, гидравликѣ, архитектурѣ, то, я полагаю, всего приличнѣе, чтобъ составить изъ ученыхъ лицъ по тѣмъ предметамъ комитетъ, который могъ бы рассмотреть его труды и оцѣнить ихъ.

Надобно согласиться, что Лабзинъ, какъ умный человекъ, сдѣлалъ замѣчаніе умное и улыбка на устахъ профессоровъ показала, что всѣ согласны съ предложеніемъ конференцъ-секретаря. Съ изумленіемъ глядѣлъ я на князя Александра Николаевича, молчащаго, и на президента*), который не употребилъ своего голоса; впрочемъ, на его лицѣ видно было негодованіе. Наконецъ министръ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— На чемъ остановились члены, я считаю неумѣстнымъ возражать и въ первыя минуты горячности могъ-бы наговорить вещей лишнихъ.

Министръ, уѣзжая, сказалъ:

— Въ Академіи всегда происки, кабалы.

Съ внутреннимъ раздраженіемъ явился я на другой день къ князю Александру Николаевичу, но онъ меня предупредилъ:

— Явно, что профессора архитектуры слишкомъ противъ васъ раздражены.

— Это натурально; но я ожидалъ отзыва вашего сіятельства, какъ почетнаго члена, насчетъ моего экзамена.

— Нельзя было этого сдѣлать, когда всѣ согласились составить комитетъ.

---

*) Президента тогда не было, а управлялъ Императорскою Академіею Художествъ, какъ мы замѣтили уже, вице-президентъ П. П. Чекалевскій. Можно думать, что президентомъ называетъ автобіографъ министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго.

— Но я не такъ недалновиденъ, сказалъ я, чтобъ не понимать цѣли этого комитета; страшно мнѣ было-бы согласиться экзаменоваться изъ всѣхъ частей, которыми я занимался мимоходомъ и только въ отношеніи къ архитектурѣ, по предложенію конференцъ-секретаря. Впрочемъ, я увѣренъ, что ни одинъ изъ профессоровъ Академіи не можетъ выдержать подобнаго экзамена.

Не помню, какъ князь отдѣлался *), и совѣтовалъ заниматься болѣе всего вторымъ проектомъ—что я и исполнилъ.

Между тѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, явился я въ совѣтъ Академіи съ вопросомъ, намѣрена ли Академія удовлетворить моему избранію въ члены по проекту или нѣтъ?

Михайловъ отвѣчалъ **).

— Вы знаете порядокъ: примите программу отъ Академіи и она не откажетъ вамъ въ достодолжномъ вознагражденіи.

— Но я уже сказалъ, что я никакими предметами, кромѣ храма, не могу заниматься въ архитектурѣ, тѣмъ болѣе, что я въ скоромъ времени намѣренъ оставить Петербургъ.

— Въ такомъ случаѣ Академія не можетъ удовлетворить вашего требованія.

Я снова спѣшилъ удалиться, чтобъ удержаться въ границахъ умѣренности.

Между тѣмъ, приближалось время приѣзда государя и мнѣ—ѣхать для бракосочетанія въ Москву; почему я счелъ за нужное писать къ графу Алексѣю Кирилловичу***), которому писалъ, что скоро ѣду изъ Петербурга и потому мнѣ рѣшительно нужно знать, намѣрена-ли Академія удовлетворить справедливому требованію? И ежели нѣтъ, то я долженъ буду несправедливость отказа сего поставить на видъ государя императора.

Вслѣдствіе сего, министръ при первомъ свиданіи съ вице-президентомъ и конференцъ-секретаремъ сказалъ имъ о полученномъ отъ меня письмѣ и совѣтывалъ черезъ нихъ (членамъ) Академіи быть осторожными въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Я понимаю характеръ этого молодаго человѣка, онъ много трудился, исполненъ дарованій; эти люди не унижаются и тверды;

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «но ловко».

***) «Михайловъ отвѣчалъ», вм. зачеркнутаго: «мнѣ было сказано, что».

***) Разумовскому, министру народнаго просвѣщенія.

хуже будетъ, ежели онъ напишетъ государю, а онъ приважетъ Академіи исполнить его требованія, тогда стыднѣе будетъ намъ!*)

На это Лабзинъ отвѣтствовалъ:

— Академіи нимаго не будетъ стыдно исполнить волю монарха.

Министру нечего было спорить и онъ, прекращая разговоръ, сказалъ:

— Дѣлайте, что хотите, но я бы совѣтовалъ кончить доброй манерой.

Все и кончилось «доброй манерой». Одинъ знакомый совѣтовалъ мнѣ еще разъ сходить къ вице-президенту; мнѣ не хотѣлось, я боялся увлечься негодованіемъ, долго не рѣшался, но наконецъ пошелъ, именно потому, что не хотѣлъ. Отъ него-то я узналъ, что академики потому не внимали моей просьбѣ, что боялись, что я имъ загорожу дорогу, и что они, долгое время работающіе на этомъ поприщѣ, должны будутъ уступить мнѣ. Но я брался объяснить профессорамъ, что не загорожу имъ дороги.

Добрый вице-президентъ узнавъ, что я ищу званіе члена для того, чтобъ имѣть какое-либо значеніе, вступая въ бракъ, совѣтывалъ мнѣ баллотироваться не по архитектурѣ и для этого послать Академіи какой-нибудь изъ прежнихъ трудовъ.

Я говорилъ, что все это ученическіе опыты и болѣе всего (обработанъ сюжетъ «Освобожденіе ап. Петра»).

Эскизъ (этотъ) освобожденія ап. Петра изъ темницы (и) былъ мною доставленъ вице-президенту. Составили экстраординарный совѣтъ изъ всѣхъ профессоровъ**) и единогласно избрали меня въ

*) Въ подлинномъ, на полѣ, приписка: «Проектъ Михайлова, представленный у князя Александра Николаевича съ моимъ объясненіемъ». Ред.

**) Витбергъ выбранъ въ академики живописи по рѣшенію совѣта 31 января 1816 г. Въ журналѣ этого собранія, въ пунктѣ 13-мъ, это обстоятельство прописано подробно (см. стр. 74 II ч. «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ»). Вотъ это опредѣленіе Совѣта в Академіи 1816 г. 31 января: «Г. вице-президентъ представилъ Совѣту картину, писанную бывшимъ пансіонеромъ сей Академіи, Карломъ Витбергомъ, представляющую освобожденіе ангеломъ св. Петра изъ темницы, съ таковымъ объясненіемъ, что оный Витбергъ, во время долговременнаго пребыванія его въ Москвѣ, за разными своими занятіями, не имѣлъ случая произвестъ по его художеству въ живописи исторической чего-либо особеннаго для сужденія о его талантахъ, но написалъ сію картину по эскизу, который еще, бывши въ ученикахъ, онъ дѣлалъ и который тогда заслужилъ ему одобреніе Академіи и предложилъ, не

члены; изъ 30 балловъ были только 3 черныхъ. Вице-президентъ увѣрялъ, что я ѣду изъ Петербурга и, вѣроятно, женившись, брошу архитектурныя занятія. Узнавши причину, почему я искалъ, они съ радостью исполнили предложеніе вице-президента. Вице-президентъ поздравлялъ меня письменно, замѣчая, что никто не былъ баллотированъ одними профессорами и съ такимъ большинствомъ. Черезъ нѣсколько дней прислали и дипломъ *).

IV.

Между тѣмъ и второй (малый) проектъ пришелъ къ окончанію. Распоряженіе Академіи о принятіи меня членомъ было совершенно во времени, ибо черезъ нѣсколько дней оно уже не доставило-бы мнѣ того удовольствія.

Вскорѣ послѣ того воспослѣдовало прибытіе государя императора изъ чужихъ краевъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, по приѣздѣ императора, прислалъ за мною князь Александръ Николаевичъ, который мнѣ объявилъ, что на другой день надлежало быть готовымъ: предстать предъ лицо государя.

— Государь будетъ у меня у обѣдни; встати императоръ увидитъ кое-что изъ вашихъ трудовъ у меня въ церкви (царскія врата были уже сдѣланы), и послѣ обѣдни будетъ разсматривать поступившіе ко мнѣ проекты, въ томъ числѣ и вашъ; итакъ, будьте здѣсь, чтобъ тотчасъ явиться, ежели государь спроситъ.

разсудить-ли совѣтъ по сей картинѣ его, Витберга, какъ воспитанника Академіи и потому художника извѣстнаго, удостоятъ званія академика, почему приглашены были и другіе гг. профессора, не составляющіе членовъ совѣта, и дѣло сіе предложено на рѣшеніе баллотированіемъ и большинствомъ балловъ, онъ, Витбергъ, избранъ въ академики».

Что касается до проекта храма Спасителя,—въ томъ видѣ, какъ былъ онъ у составителя въ 1816 году,—то это была первая идея, нисколько не обработанная и безъ объясненій автора, по собственнымъ словамъ его, могла быть непонятна. Для техникувъ же строительнаго дѣла—каковы профессора архитектуры—подобное произведеніе любителя не могло служить предметомъ серьезнаго разбора, потому, очень естественно, и отнеслось такъ къ нему собраніе; еще, къ тому же, на актѣ стѣсняемое присутствіемъ министра и кандидата на министерство,—какимъ оказывался князь Н. А. Голицынъ, въ октябрѣ этого года вступившій и въ управленіе de facto.

II. II.

*) Въ подлинномъ зачеркнуто: «Дипломъ этотъ былъ маленькимъ утѣшеніемъ въ большихъ неприяностяхъ».

Ред. ,

Приглашеніе сіе было согласно съ тѣмъ условіемъ, которое я сдѣлалъ, что иначе не могу объяснить какъ лично мой проектъ.

На другое утро я проснулся очень рано. Естественно, что хотя давно я ожидалъ сего дня, но что по приближеніи онаго я былъ озабоченъ: 1) я никогда не имѣлъ счастья быть представленъ государю, слѣдовательно, боялся (чтобъ) не смѣшаться; 2) я объяснялся не довольно громкимъ голосомъ, а государь худо слышалъ; 3) я не могъ не понимать, что объясненія, мною дѣлаемые, были довольно пространны, несвязны и наполнены повтореніями, но здѣсь надлежало объяснить кратко и, съ тѣмъ вмѣстѣ, столько полно, чтобъ ни одна изъ главныхъ идей не была пропущена.

Впрочемъ, эти мысли не сбивали меня; я надѣялся сладить со всѣмъ, (потому что) чистота намѣренія и вѣра въ Провидѣніе заставляли меня думать, что я превозмогу, или что само собою все учредится.

Въ такихъ мысляхъ я оставался покойнымъ.

Проснулся часа въ три; вставать было рано: всѣ спали въ въ домѣ сестры, гдѣ я жилъ, и я, не вставая, началъ обдумывать новую методу объясненія, которая была-бы несравненно вороче и яснѣе. О подробностяхъ я не думалъ и расположилъ только главные части его, предоставляя *) настоящему одушевленію остальное. Я былъ доволенъ имъ. Такимъ образомъ, въ надлежащее время явился я въ домъ князя Александра Николаевича **).

По окончаніи обѣдни, въ кабинетъ князя былъ поданъ завтракъ. Послѣ завтрака, я былъ потребованъ въ кабинетъ.

Несмотря на сповойное состояніе духа, въ которомъ я былъ, я смутился въ это время. Я взошелъ. Государь, въ другой сторонѣ кабинета занимаясь съ княземъ Александромъ Николаевичемъ, держалъ въ рукѣ книгу. Замѣтивъ мой входъ, сложилъ книгу и кивнувъ головою, взглянулъ на меня, и взглянулъ такъ, что все смущеніе въ одно мгновеніе прошло: я былъ развязанъ, столь много исполненъ былъ этотъ взглядъ добротою, взглядъ унаслѣдованный отъ императрицы Екатерины. Государь послѣ продолжалъ разсматривать книгу; спустя нѣсколько минутъ, поло-

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «минутому».

Ред.

***) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «обѣдня уже кончилась».

Ред.

жилъ книгу и подошелъ къ столу*). Нѣсколько проектовъ лежали на большомъ столѣ, среди кабинета. Въ числѣ сихъ проектовъ былъ проектъ Гваренги, въ родѣ Пантеона, извѣстнаго водчаго, который строилъ ассигнаціонный банкъ въ С.-Петербургѣ; за его проектъ весьма ходатайствовала императрица Марія Федоровна; (былъ) присланный изъ Италіи еще проектъ, совершенно не соотвѣтствующій греческой церкви; (изъ) нашихъ водчихъ—Воронихина (въ византійскомъ вкусѣ); Михайлова — которому принадлежитъ проектъ Петровскаго театра въ Москвѣ, произведенный г. Бове, который дозволилъ, чтобъ ему присвоили сей проектъ, а чугунныя укрѣпленія ложъ принадлежать тоже не Бове, а — Девису, тоже желѣзныя укрѣпленія, стропилы.....

Государь обратился ко мнѣ и съ необыкновенной благосклонностью сказалъ мнѣ:

— Я разсматривалъ вашъ проектъ и съ нетерпѣніемъ жду слышать объясненія. (Императоръ имѣлъ обыкновеніе, видя первый разъ человѣка, говорить вы).

Я поспѣшилъ подойти къ столу, чтобъ арранжировать мѣсто; но государь предупредилъ меня, сдвинувъ въ сторону свертки, взялъ стулъ, подвинулъ его къ столу и сѣлъ; съ одной стороны сѣлъ князь Александръ Николаевичъ. Государь указалъ мнѣ на стулъ, съ другой стороны стоявшій; но я этимъ не воспользовался, но, стоя съ правой стороны, началъ свое объясненіе. Я развернулъ оба проекта; но государь замѣтилъ, чтобы я отложилъ маленькій проектъ, который хорошъ, но похожъ на прочіе изъ числа обыкновенныхъ вещей.

— Мнѣ нравится большой проектъ. Въ немъ я замѣтилъ особенную оригинальность.

Александръ слушалъ съ необычайнымъ вниманіемъ, часто глядя мнѣ въ глаза. Остерегался прерывать мою рѣчь и тогда только спрашивалъ повторенія, когда не дослышалъ чего. Переспрашивая что-то, государь указывалъ рукою на планъ; пламенно объясняя, я сдвинулъ руку императора и былъ до того увлеченъ, что даже забылъ извиниться и впоследствии уже догадался о несообразности сего дѣйствія. Передъ окончаніемъ я замѣтилъ слезу на глазахъ Александра.

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «ко мнѣ».

Цари рѣдко плачутъ! Вотъ была полная награда для меня, которую нельзя промѣнять на ордена и отличія.

По окончаніи полнаго объясненія (государь) сказалъ:

— Я чрезвычайно доволенъ вашимъ проектомъ. Вы отгадали мое желаніе, удовлетворили моей мысли объ этомъ храмѣ. Я желалъ, чтобы онъ былъ не одна куча камней, какъ обыкновенныя зданія, но былъ одушевленъ какой-либо религіозной идеею; но я никакъ не ожидалъ получить какое-либо удовлетвореніе, не ждалъ, чтобы кто-либо (былъ) одушевленъ ею, и потому скрывалъ свое желаніе. И вотъ я разсматривалъ до 20-ти проектовъ, въ числѣ которыхъ есть весьма хорошіе, но все вещи самыя обыкновенныя. Вы же заставили камни говорить. Но увѣрены-ли вы, что всѣ части вашего храма будутъ удобоисполнимы?

Натурально государь ждалъ получить отвѣтъ удовлетворительный; но вышло другое.

— «Нѣтъ, государь», отвѣчалъ я.

Этотъ отвѣтъ привелъ государя въ недоумѣніе, и недождаюсь другаго вопроса, я прибавилъ:

— «Представленный вашему величеству проектъ мой есть трудъ охотника, изучавшаго архитектуру на самомъ проектѣ. И потому весьма вѣроятно, что въ немъ много найдется, что надлежитъ привести въ лучшій порядокъ при практическомъ исполненіи. Я довольствовался *) выразить тоюмо мои мысли объ этомъ предметѣ, предоставляя архитекторамъ привести оное въ исполненіе. Съ своей стороны, я уже вполне награжденъ воззрѣніемъ вашего величества на мой трудъ».

Тутъ же я указалъ на одинъ предметъ, затруднявшій меня.

— Такъ вы до этого времени не занимались архитектурой?

— «Нѣтъ, государь, я изучился ей надъ этимъ проектомъ».

— Какъ же вы могли рѣшиться на столь трудное предпріятіе, не занимаясь архитектурой? спросилъ государь съ удивленіемъ, и выжидая моего отвѣта.

— «На этотъ вопросъ, ваше величество, я ничего болѣе сказать не могу, какъ только то, что сильно желалъ заняться этимъ предметомъ, чтобы выразить свою мысль; твердо бывъ увѣренъ, что все зависить отъ твердой воли нашей, и что, имѣя какія-

*) «Я довольствовался», вм. зачеркнутаго: «я чувствовалъ себя обязаннымъ».

либо способности можемъ сегодня успѣть въ томъ, чего мы вчера не знали».

— Да, это справедливо, мы сейчасъ говорили объ этомъ съ княземъ; человекъ все можетъ, ежели захочетъ. И вы тоже доказываете своимъ трудомъ. Но,—разсматривая меня, сказалъ государь,—я желалъ бы знать нѣсколько ходъ вашего воспитанія.

— Я родился въ Петербургѣ и лѣтъ десяти былъ отданъ родителями въ Горный кадетскій корпусъ. Спустя годъ, состоялся высочайшій указъ объ отдачѣ въ оспенный домъ всѣхъ дѣтей, неизлѣвленныхъ оспы; родители, боясь сего, взяли меня домой; докторъ привилъ мнѣ дурную матерію, слѣдствіемъ чего скопившаяся матерія въ правомъ боку составила опухоль. Сдѣлана была операція. Рана была открыта и продолжалась два года, вслѣдствіе чего я долженъ былъ оставить корпусъ. Я былъ отданъ въ пансіонъ лютеранской (церкви) св. Анны, гдѣ по совѣту почтеннаго Шлейсера, (меня) оперировавшаго, долженъ былъ обучаться латинскому языку для того, чтобъ впослѣдствіи учиться медицинѣ. Но когда я оканчивалъ свой курсъ въ сказанномъ пансіонѣ, то во мнѣ стало открываться другое желаніе. Во-первыхъ, по чувствамъ моимъ, я не могъ хладнокровно предаваться наукѣ, (въ) коей (не) прилежаніе и небрежности могли быть смертельными несчастнымъ страдальцамъ, и потому имѣлъ уже отвращеніе отъ самой науки. Напротивъ, большую склонность имѣлъ я къ изящнымъ искусствамъ, къ чему меня поощряли еще болѣе слова учителя, говорившаго, что «самъ Богъ велитъ вамъ быть въ Академіи». Я открылъ моему родителю желаніе. Онъ не хотѣлъ мнѣ препятствовать *) и я поступилъ въ Академію, избравъ историческую живопись, какъ высшую часть. Въ четыре года я успѣлъ превзойти всѣхъ моихъ товарищей и получить всѣ медали. Я былъ назначенъ для усовершенствованія путешествовать въ чужіе края на счетъ Академіи. Случившаяся война и упадокъ курса воспрепятствовали путешествію, ибо давали 800 р. въ годъ, которые составляли за границей 200 (червон.). Такимъ

---

*) По семейнымъ преданіямъ, напротивъ, отецъ Витверга сильно противился поступленію сына въ Академію;—добывая себѣ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ кончатнаго живописца и даже, какъ говоритъ преданіе, росписывая гербы на экипажахъ—старикъ смотрѣлъ на живопись, какъ на ремесло, далеко не привлекательное. См. «Русск. Стар.» т. V, стр. 18.

образомъ прошли 6-ть лѣтъ въ ожиданіи. Въ 1815 г. представился случай ѣхать въ Москву; я взялъ отпускъ отъ Академіи. Съ самаго изданія манифеста вашего величества о намѣреніи соорудить храмъ, мнѣ казалось, что я отгадываю или понимаю вашу мысль. Идея моя была безъ исполненія, по незнанію архитектуры; наконецъ въ Москвѣ, при воззрѣніи (sic) Кремля, гдѣ два пріятели желали знать мое мнѣніе о построеніи храма въ Кремлѣ, идея моя усилилась, и я, осмотрѣвъ мѣстоположеніе Кремля, рѣшился исполнить мысль свою и заняться проектомъ и изучить архитектуру, пренебрегая всѣми (посторонними) занятіями. Такимъ образомъ трудился я два года, и наконецъ составилъ проектъ, который имѣю теперь счастье представить вашему величеству. Итакъ, этотъ проектъ есть только выраженіе мысли моей. Если проектъ вашему величеству нравится и если угодно вашему величеству, чтобъ онъ былъ осуществленъ, то я желаю бы имѣть время на поправленіе его, съ помощію Того, Кому онъ посвящается, и тогда, я надѣюсь, что онъ будетъ изъять всѣхъ ошибокъ.

— И я увѣренъ, сказалъ пылко императоръ, ударивъ меня по плечу.

Этимъ разговоръ кончился. Государь далъ *) знакъ удалиться, склоненіемъ головы; я вышелъ.

Я былъ въ восторгѣ отъ императора. Это чувство любви, разлитое въ его взорахъ, заставило бы меня влюбиться въ него, ежели бы я былъ (женщиной). Чего не въ состояніи сдѣлать подданный для такого царя!

Итакъ, исполнилось то, въ чемъ я былъ, страннымъ образомъ, увѣренъ темнымъ предчувствіемъ, увлекавшимъ меня въ занятіе новое, неизвѣстное, безъ задатка школьнаго ученія **).

V.

На другой день я явился къ князю (Голицыну).

— Объясненіе ваше вчерашнее было прекрасно, сказалъ онъ, несравненно лучше всѣхъ предъидущихъ. Государь былъ чрезвычайно вами доволенъ. Но онъ несогласенъ предоставить

*) Зачеркнуто: «бла» — вѣроятно «благосклонно».

Ред.

**) Все послѣдующее отдѣлено въ подлинникѣ толстою чертою и на полѣ написано: «ко 2-му отдѣлу».

Ред.

12*

производство дѣла другимъ; онъ хочетъ, чтобы вы были (строителемъ), полагая, что ежели вы въ состояніи были создать этотъ проектъ и выучиться архитектурѣ, то можете обработать и дальнѣйшее при помощи людей, но подѣ личнымъ вашимъ руководствомъ. Теперь государь даетъ вамъ время обработать, по вашему желанію, проектъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, причисляетъ васъ въ своему Кабинету, съ полученіемъ 2,000 руб. жалованья, и жалуетъ единовременную награду, состоящую изъ 5,000 р.

На это возразилъ я*), что весьма высоко цѣню милость государя, но что же я буду дѣлать въ Кабинетѣ; гораздо лучше желалъ бы я помѣститься гдѣ-нибудь по вѣдомству Путей Сообщенія.

— Хорошо, сказалъ князь, помолчавъ, я вамъ дамъ письмо къ генер. Бетанкуру**). Государь замѣтилъ сдѣланныя подѣ руководствомъ вашимъ царскія врата, и нашелъ въ нихъ новую идею, которая весьма понравилась. Что же касается до нѣкоторыхъ подробностей по практической части, государь желаетъ, чтобы вы посовѣтовались съ Стасовымъ, отъ котораго можете многое заимствовать и не терять времени за собственнымъ обработываніемъ.

Это оскорбило меня нѣсколько и я возразилъ:

— «Ежели государь считаетъ меня достойнымъ на избранное дѣло, то я найду время на обработываніе. А совѣтоваться съ архитекторами мнѣ будетъ непріятно. Они мнѣ теперь враги, и чего же я могу ждать отъ ихъ совѣта? Боюсь ихъ швольнаго ученія. И вы, князь, знаете мои чувства на этотъ счетъ».

— Вы хотите, спросилъ онъ, чтобы я передалъ ваши слова императору?

— Да, непременно, ваше сіятельство; лучше пусть онъ заблаговременно знаетъ меня. Впрочемъ, прибавилъ я, противъ Стасова ничего не имѣю, и напротивъ, уже одно то, что онъ учился не въ Академіи и гонимъ ею***) говоритъ въ его пользу, хотя я его и не знаю.

*) Слова: «на это...» до «государь замѣтилъ» въ подлинникѣ зачеркнуты.
Ред.

***) Генералъ Огюстенъ де-Бетанкуръ, извѣстный механикъ, былъ въ это время управляющимъ публичными сооруженіями и путями сообщеній. П. П.

***) Стасова, Василья Петровича (1769—1848), Академія Художеств не могла ни гнать, ни поощрять, потому что онъ былъ только почетнымъ воль-

Князь передалъ мои слова государю, но государь велѣлъ мнѣ сказать, что зная чувства Стасова, онъ рекомендовалъ мнѣ (его), что и теперь повторяетъ свои совѣты.

Нечего было дѣлать, я отправился къ Стасову. Въ немъ нашель я совсѣмъ не ученаго педанта, но истиннаго артиста, высоко образованнаго, съ превосходнымъ взглядомъ на науку, и который точно во многомъ способствовалъ къ объясненію нѣкоторыхъ, не совсѣмъ ясныхъ мѣстъ архитектуры. Стасовъ мнѣ сказалъ, что императоръ уже говорилъ о моемъ проектѣ съ нимъ, и что онъ ему весьма нравится; но сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчания, кои были столь основательны, что я ими тотчасъ и воспользовался.

Впослѣдствіи князь Николаевичъ объявилъ мнѣ, что государю не угодно, чтобъ храмъ былъ воздвигнутъ въ Кремлѣ, ибо неприлично разрушать древній Кремль и самое зданіе будетъ неумѣстно, смѣшиваясь съ византійскими зданіями Кремля. Вслѣдствіе чего князь обѣщалъ меня снабдить инструкціею для отъѣзда въ Москву, ибо государь предоставилъ мнѣ избраніе мѣста,—куда я и самъ просился для совершения брава.

Передъ отъѣздомъ моимъ, однажды, я былъ внезапно потребованъ къ графу Аракчееву, черезъ курьера, пришедшаго отъ князя Александра Николаевича. Графъ самъ подѣзжалъ къ дому князя и строжайшимъ образомъ приказалъ эзекутору, чтобъ я самъ явился къ нему въ извѣстный часъ по волѣ государя. Мнѣ было очень странно и грозное приглашеніе, и то, что онъ самъ подѣзжалъ къ дому князя, отъ коего я зналъ вполнѣ объ отношеніяхъ графа. Послѣ я узналъ, что причина этого спѣха была та, что онъ (графъ) забылъ приказаніе государя, а въ тотъ день въ обѣдъ надлежало ему донести о томъ государю.

Я явился къ графу. Онъ принялъ меня весьма благосклонно.

нимъ общникомъ ея и всегда, по мѣсту служенія, бывалъ независимъ отъ академическаго начальства и совѣта. Напротивъ того, при императорѣ Николаѣ I, Академія и президентъ ея Оленинъ очень дорожили добрыми отношеніями со Стасовымъ и, во многихъ случаяхъ, за время даже Александра I, Академія выражала къ этому строителю свое уваженіе. Въ общники избранъ Стасовъ безъ всякаго заявленія съ своей стороны—единогласно, что вовсе не свидѣтельствуеетъ о враждебности къ нему. Въ академіи же Стасовъ, избранный въ назначенные, прямо не попалъ, потому что не бралъ программы.

II. II.

Онъ объявилъ что государь поручилъ ему сказать мнѣ, что «прежде нежели вы уѣдете въ Москву, его величеству угодно разсмотрѣть со мною *) проектъ въ Таврическомъ дворцѣ», куда ежели потребуютъ меня, чтобъ я былъ готовъ. А если за мною не пришлютъ, то чтобы я явился къ нему въ 5-ть часовъ.

Въ назначенное время я явился къ графу, который объявилъ мнѣ, что государь думаетъ, что горка на Яузѣ **) мѣсто весьма удобное для храма, которое имѣетъ и косогоръ и рѣку, входящую въ составъ проекта.

«По подробномъ разсмотрѣннн проекта вы немедленно пришлете свое мнѣніе; впрочемъ, относитесь къ князю Александру Ниволаевичу, отъ котораго вы и будете получать нужныя предписанія».

Получивъ всѣ нужныя предписанія, я отправился въ Москву. Сверхъ того, мнѣ было выдано, по высочайшему повелѣнію, за наемъ квартиры 1,500, и на дорогу 1,000.

VI.

Приѣхавши въ Москву, весною 1816 г., я не могъ остановиться у Рунича въ почтамтѣ, ибо мѣсто его уже занималъ К. Я. Булгаковъ. Тотчасъ явился я къ архіепископу Августину, съ которымъ я уже былъ знакомъ черезъ извѣстнаго доктора М. Я. Мудрова ***).

Я въ немъ (въ Мудровѣ) видѣлъ человѣка съ особенными дарованіями, и, несмотря на горячій нравъ свой, одареннаго весьма добрымъ сердцемъ. Онъ былъ доволенъ моими идеями и не находилъ ни-

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «съ графомъ».

Ред.

**) Это такъ-называемая Вшивая горка, на высокомъ крутомъ берегу Москвы-рѣки, при впаденіи въ нее рѣки Яузы, противъ Воспитательнаго дома, гдѣ, на вершинѣ холма, стоитъ каменная церковь Благовѣщенія, построенная при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, очень оригинальной архитектуры, извѣстная Москвѣ (по приѣзду Никиты мученика) подъ именемъ Никиты мученика на Вшивой горкѣ. Она дѣйствительно занимаетъ картинный пунктъ, съ котораго, какъ на блюдечкѣ, видны разомъ: и Кремль, и Замоскворѣчье, и часть города, идущая къ Андроникову монастырю. П. П.

***) Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, медикъ, профессоръ московскаго университета, пріятель А. Ѳ. Лабзина, воспитывавшаго его племянницу вмѣсто дочери. Мудровъ сдѣлалъ ссылаемому въ 1822 году Лабзину торжественную встрѣчу; онъ не устранился неприятностей за оказаніе почести человѣку, находящемуся подъ гнѣвомъ монарха. П. П.

чего противнаго въ нихъ грекороссійской церкви. Мы съ нимъ сблизились и я часто бывалъ у него. Черезъ него познакомился я еще съ московскимъ духовенствомъ. Августинъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами:

— Ну, поздравляю васъ съ успѣхомъ; я впередъ былъ увѣренъ, что проектъ будетъ одобренъ, и потому уже очистилъ мѣсто для храма.

— «Благодарю, ваше преосвященство; но вѣроятно тутъ встрѣтится ошибка, ибо государю не угодно, чтобы храмъ былъ строенъ въ Кремлѣ, и я теперь приѣхалъ для разсмотрѣнія мѣста на Вшивой-горѣ» *).

— Ну не бѣда, возразилъ Августинъ, сломанная церковь Николая Гастунскаго, противъ архіерейскаго дома**), всегда была не на мѣстѣ.

Архіепископъ приглашалъ меня остановиться въ одномъ изъ его подворьевъ, подъ названіемъ Заборовскаго. Я благодарилъ за предложеніе; но замѣтилъ, что я скоро отправляюсь для бракосочетанія, и что мнѣ, женатому, можетъ быть, будетъ неприлично жить въ архіерейскомъ подворьѣ.

— «Ничего, для васъ можно позволить. Итакъ, прошу свободно расположиться въ Заборовскомъ подворьи». Тамъ я и помѣстился.

Немедленно занялся я разсматриваніемъ мѣста на Вшивой-горѣ; послѣ сего доносилъ я кн. Александру Николаевичу, что слѣдующія неудобства находятся при выборѣ сего мѣста: 1) что не доставало достаточнаго пространства для нужной площади храма; 2) что многіе изъ вупцовъ, имѣвшіе тутъ дома, успѣли уже обстроиться послѣ пожара и что слѣдовало всѣмъ сии дома пріобрѣсть покупкою, что могло потребовать большую сумму, особенно, принявъ въ уваженіе, что (тутъ-же) и прекрасный огромный домъ Шепелева, который одинъ могъ стоить болѣе милліона и безъ котораго мѣсто было бы недостаточно; 3) а какъ при таковыхъ покупкахъ не обходится безъ того, чтобъ богатый не былъ въ выгодѣ, а бѣдный притѣсенъ, теряя свой послѣдній домъ, то

*) Въ подлинникѣ вездѣ пишется: «Шиввая-гора»—явная ошибка. Ред.

**) По всей вѣроятности, подъ именемъ Николая разстрѣяннаго слѣдуетъ разумѣть бывший въ старину, въ Кремлѣ, противъ Чудова монастыря—резиденція мѣстныхъ архипастырей—храмъ Николая Гостунскаго, сильно пострадавшій во время бытности французовъ и, затѣмъ, разобранный. П. П.

прилично ли на такомъ основаніи воздвигать храмъ, предоставляю на благоразсмотрѣніе правительства.

По отправленіи сей бумаги въ Петербургъ, (отправился я въ) Смоленскую губернію, въ помѣстье будущаго моего тестя.

Подробности о семъ будутъ въ своемъ мѣстѣ.

Бракосочетаніе мое было въ селѣ Царево-Займище, въ церкви деревянной. Она замѣчательна, какъ построенная еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и потому, что тутъ князь Кутузовъ принялъ команду надъ арміею.

Спустя нѣсколько времени, я возвратился въ Москву, куда ожидали императора и царскую фамилію, чтобы оттуда ѣхать въ Петербургъ.

По возвращеніи въ Москву, послѣ свадьбы, куда прибѣжала и царская фамилія, я былъ потребованъ графомъ Араччевымъ, который мнѣ объявилъ, что такъ какъ я нахожу неудобнымъ мѣсто на Вшивой-горѣ, (то) государь приказываетъ осмотрѣть мѣсто пороховыхъ магазиновъ, близъ Симонова монастыря, и чтобы къ 5-ти часамъ вечера я доставилъ письменно мое мнѣніе.

Отправясь въ назначенное время, я узналъ, что въ монастырѣ былъ графъ, и что слѣдственно имъ оно избрано, и что нужно будетъ мнѣ оспаривать его, ибо мѣсто негодилось. Но какъ я рѣшилъ во всѣхъ дѣйствіяхъ поступать прямо, то я рѣшился и тутъ мнѣніе мое высказать все, которое въ назначенному времени я и представилъ. Неудобства были слѣдующія: 1) Хотя мѣстоположеніе превосходно, но нижняя площадь храма должна будетъ подвергаться разлитію Москвы рѣки; 2) проѣздъ въ храму не можетъ быть прямой, а съ боку, отъ Рогожской заставы, что для важности предмета есть уже недостатокъ; 3) еслибъ проложить прямую дорогу, минуя заставу и сдѣлать мостъ черезъ рѣку, прямо противъ фасада храма, то это не имѣло бы успѣха, ибо дорога шла бы самой бѣдной частью города, состоящей изъ однѣхъ лачугъ; 4) самый Симоновъ монастырь, хорошій теперь, въ византійскомъ (sic) вкусѣ, потерялъ-бы много, будучи возлѣ новаго зданія, въ греческомъ (sic) стилѣ. Съ другой стороны и новое зданіе пострадало бы отъ пестроты стараго.

Графъ сильно сталъ оспаривать мои доказательства, то находя, что площадь можно возвысить, то что дорогу можно проложить. Я не считалъ приличнымъ уступать и опровергалъ всѣ до-

казательства графа, какъ по справедливости дѣла, такъ и потому, что графъ могъ для испытанія спорить, чтобы увидѣть твердь ли я во мнѣннн и не уступлю ли ему изъ угожденія.

Наконецъ разговоръ нашъ принялъ видъ горячаго спора. Можетъ графъ давно уже не слышалъ, чтобы опровергали его мысли. Преніе продолжалось добрыхъ полчаса; я не поддался, и каково же было мое удивленіе, когда графъ вдругъ сказалъ:

— «Однако же я согласенъ съ вами», чѣмъ почти и подтвердилъ мое подозрѣніе. «Но какое же другое мѣсто вы бы имѣли въ виду?»

— Кромѣ Воробьевыхъ горъ, ни одного.

— «Вы хотите, чтобы я такъ государю и доложилъ?»

— Прошу, ваше сіятельство.

— «Въ такомъ случаѣ будьте готовы; вѣроятно, его величество завтра утромъ позоветъ васъ».

Мы разстались.

На слѣдующее утро я, по приказанію императора, явился къ нему. Когда я вошелъ въ кабинетъ, государь встрѣтилъ меня слѣдующими словами:

— «Ты избираешь Воробьевы-горы; я радъ, что мы такъ согласны. Хотя я прежде и назначилъ мѣсто хорошее, Вшивую-горку, но ты мнѣ объяснилъ неудобства; сверхъ того, оно и потому не хорошо, что зданіе путалось бы съ городскими строениями. Напротивъ, на мѣстѣ Воробьевыхъ-горъ оно чисто и открыто, и горы, какъ корона Москвы, совершенно приличествуютъ (sic). Ктому же, это мѣсто мое».

Сказавъ нѣсколько словъ въ пользу сего мѣста, я приводилъ нѣкоторые примѣры мѣстоположенія извѣстныхъ зданій въ Европѣ, которыя рѣдко помѣщались въ самомъ городѣ.—«Если мѣсто это кажется отдаленнымъ, то, во-первыхъ, полагаю, совершенно согласно съ мнѣніемъ вашего величества, что оно совершенно открыто, и въ самомъ городѣ нѣтъ достаточнаго мѣста, необходимаго для чизящнаго зданія. Это же не есть обыкновенная церковь, куда стекается народъ,—ихъ много и въ городѣ;—но съ тѣмъ вмѣстѣ и великолѣпный памятникъ. Церковь св. Петра въ Римѣ за стѣною города *), также въ Лондонѣ церковь св. Па-

*) Это не точно. Петровская базилика за Тибромъ, но стѣна городская тутъ никогда не проходила.

вла далека отъ центра города. Ибо нельзя обнимать красоту зданія, когда нельзя его видѣть свободнымъ на довольно большое пространство, которое въ городѣ имѣть трудно. Здѣсь еще превосходное удобство дѣлаетъ Дѣвичье-поле, позволяющее видѣть зданіе въ его геометральномъ видѣ. Не менѣе пріятно видѣть на этомъ мѣстѣ рощу, посаженную великимъ Петромъ. Долгое время мѣсто сіе, по красотѣ своей имѣло загородный дворецъ и не неприлично, чтобъ вмѣсто дома царскаго былъ воздвигнутъ домъ Божій. Я смотрѣлъ съ этого мѣста на Москву: сколь городъ ни обширенъ и ни великъ, но онъ кажется ничтожнымъ съ мѣста храма; величина города, поглощенная отдаленіемъ, смиряется передъ храмомъ».

— Да, или, лучше сказать, Москва лежитъ какъ бы у ногъ храма Спасителя.

— Еще одна изъ главнѣйшихъ историческихъ причинъ избранія сего мѣста есть та, что оно лежитъ между обоими путями непріятели, взшедшаго по Смоленской дорогѣ и вышедшаго по Калужской; окраины горы были какъ бы послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ былъ непріятель. Наконецъ, не менѣе важно и то, что мѣсто сіе изобилуетъ глиною и пескомъ, что очень полезно для построенія, и составляющіе (sic) капиталъ для зданія и, сверхъ того, находясь выше Каменнаго моста, по теченію рѣки, даетъ безпрепятственную возможность для доставленія водою матерьяловъ. Условныя требованія были: рѣка и востокъ; здѣсь они выполнены вполнѣ и востокъ даетъ еще возможность обратить въ садъ востокъ, что одушевитъ зданіе и будетъ служить мѣстомъ отдохновенія.

Государь съ большимъ вниманіемъ слушалъ доводы, соглашался съ ними и, прощаясь, сказалъ, что скоро надѣется видѣться со мною въ Петербургѣ.

— «Гдѣ, вѣроятно, ты скоро представишь мнѣ нѣкоторыя усовершенствованія твоего проекта и примѣненія къ избранному мѣсту».

Государю угодно было такого-то дня (sic) самому осмотрѣть это мѣсто; то оному я сталъ готовить генеральный планъ. Государь обѣдалъ въ этотъ день у князя Н. Б. Юсупова, въ с. Васильевскомъ, находящемся на Воробьевыхъ-горахъ, возлѣ избираемаго мѣста, и оттуда предположено было отправиться къ мѣсту осмотра. Между тѣмъ, я приготовилъ планъ мѣстоположенія для удобнѣйшаго озна-

комленія государя императора съ общностью идей. Я не успѣлъ его (сдѣлать) заблаговременно и едва окончивъ, отправился на горы, спѣша на мѣсто; я поѣхалъ съ однимъ пріятелемъ, который былъ свидѣтелемъ моихъ занятій,—чиновникомъ почтамта Серапинымъ. На Дѣвичьемъ-полѣ взоры мои были обращены на Воробьевы-горы, боясь, что опоздалъ. Тамъ было большое стеченіе народа; день былъ совершенно ясный, небо чисто; но надъ самыми горами, гдѣ толпился народъ, на совершенно чистомъ небѣ линія облаковъ, коихъ форма, число обратило особенное вниманіе. Я глядѣлъ на нихъ, не говоря моему товарищу; но и тотъ самъ замѣтилъ.

— «А видите ли, какое странное явленіе?»

— Да, я уже видѣлъ; это, конечно, присутствіе Благословеннаго царя привлекають небеса *) въ этому мѣсту.

— «Нѣтъ, сказалъ товарищъ, это оиміамъ будущаго храма вашего» NBI.

Съ трудомъ, прибывши на горы, я могъ добраться къ государю черезъ толпы народа. Изображеніе облаковъ я, въ видѣ рисунка, довелъ до его величества, гдѣ (sic) онъ, вѣроятно, хранится. Государь замѣтилъ, что много встрѣчается страннаго относительно храма.

Послѣ сего я вскорѣ отправился въ Петербургъ и занялся обработываніемъ своего чертежа, и дѣломъ 1817 года имѣлъ счастье представить государю обработанный проектъ. Когда назначилъ онъ явиться мнѣ, я былъ боленъ и боялся не быть въ состояніи объяснить государю чертежа. Но князь Александръ Николаевичъ говорилъ, что надлежитъ себя переломить, и что Богъ знаетъ, когда государь будетъ имѣть опять свободное время, и что онъ предваритъ государя о болѣзненномъ состояніи моемъ. Я явился во дворецъ, гдѣ уже находился князь Александръ Николаевичъ. Государь принялъ чрезвычайно благосклонно, спрашивалъ о моей болѣзни, о причинѣ оной, требовалъ, чтобъ я сѣлъ, и я долженъ былъ исполнить.

(Государь) остался весьма довольнымъ перемѣнами, сдѣланными мною въ чертежѣ.

Наконецъ было положено, чтобъ я отправился въ Москву для

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «самые облака».

приготовленія фундамента для закладки храма; для содѣйствія мнѣ въ семь я былъ снабженъ письмомъ—отъ 6-го августа 1817 г., день Преображенія—отъ князя Александра Николаевича, по приказу его величества, къ графу Торماسову, главнокомандующему въ Москвѣ,—чтобъ оно было готово къ приѣзду въ Москву государя, и закладка назначена 12 октября, т.-е. въ день изгнанія непріятели.

VII.

Въ Москвѣ остановился я опять въ Заборовскомъ подворьѣ, августъ 1817 г. Немедленно явился я къ графу Тормасову съ требованіемъ содѣйствія, что и предоставлено имъ было требовать отъ строительной комиссіи.

Проложивъ главную проекціонную*) линію и очистивъ кособоръ отъ кустарниковъ, чтобы можно было дойти свободно до мѣста, гдѣ надлежало положить первый камень, я просилъ Августина лично окропить и благословить мѣсто закладки.

Пресвященный не могъ въ тотъ день удовлетворить моей просьбѣ, но на другой день обѣщался быть, будучи близко, въ Даниловомъ монастырѣ, гдѣ освящаль раку Св. . . .**), куда и меня пригласилъ, и тутъ мы были на монашеской трапезѣ, я и Мудровъ.

Послѣ обѣда поѣхали на Воробьевы-горы, гдѣ пресвященный съ духовенствомъ необыкновенно радостно отслужилъ молебенъ съ водосвятиемъ. Окропилъ мѣсто святою водою и водрузилъ на показанномъ мѣстѣ простой крестъ; тутъ же составленный работниками. Послѣ чего, на другой же день, началась выемка земли и приготовленіе фундамента, оставляя конусообразно мѣсто креста. Несмотря на всю мою торопливость, работники не могли прежде окончить выемку земли, какъ только къ 13-му сентября,—день празднованія обновленія храма. Хотя я собирался утромъ туда, но отвлеченный иными дѣлами явился послѣ обѣда и только къ этому времени поспѣли работники. Призвавъ священника съ Воробьевыхъ-горъ, который отслужилъ молебенъ, я снялъ крестъ, водруженный пресвященнымъ Августиномъ, держалъ его въ рукѣ до тѣхъ поръ, пока работники срыли находящійся подъ нимъ конусъ земли, и опустивши, водрузилъ

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «дистанціонную».

**) Имя святого въ рукописи не обозначено.

Ред.

Ред.

его въ грунтъ, положивъ крестообразно 4 камня около него. Священникъ и бывшіе тутъ довершили обладываніе камнями креста. Оставя работникамъ дальнѣйшее забучиваніе фундамента, я поспѣшилъ въ Успенскій соборъ, куда согласился я быть съ Мудровымъ, чтобы видѣть богослуженіе воздвиженія креста, которое я никогда не видѣлъ, и которое только совершается въ Успенскомъ соборѣ. Каково же было мое удивленіе, когда, взоидя въ соборъ, я увидѣлъ дѣйствіе, много сходное съ совершеннымъ на горахъ. Торжество сіе весьма великолѣпно и состоитъ въ томъ, что архипастырь, то воздвигалъ, то понижалъ съ благоговѣніемъ боготоржественный и увѣнчанный розами крестъ, при пѣніи священныхъ гимновъ, и когда крестъ понижали, то два іерея поливали на него розовую воду. Множество свѣчей придавали особую торжественность этой процессіи.

Съ окончаніемъ фундамента устраивалась терраса *) для процессіи закладки, достаточной величины, чтобы могла помѣститься царская фамилія, главное духовенство и придворный штатъ и отъ террасы—лѣстница до верха горы и дорога отъ Москвы-рѣки, съ лѣстницами-же на крутыхъ сватахъ.

Между тѣмъ, я узналъ, что понтонная рота находится близъ Тарутина и просилъ главнокомандующаго, чтобы его содѣйствіемъ отражено было два понтона въ Москву и были бы наведены ко дню закладки храма, ибо шествіе должно было начинаться съ Дѣвичьяго-поля. Графъ сначала согласился; но на другой день предложилъ мнѣ, не лучше-ли сдѣлать временной деревянный мостъ на сваяхъ. Я возразилъ, что такой мостъ будетъ стоить довольно дорого**), а понтоны ничего нестоятъ.

— Впрочемъ, я это предоставляю распоряженіямъ вашего сіятельства. Мои занятія оканчиваются горами и ежели ваше сіятельство возьметъ на свою отвѣтственность, то я не вхожу въ сіи подробности.

— «Послѣ этого дайте мнѣ письменный отзывъ, что вы не требуете такого моста».

На это я возразилъ, что поелику я ни письменно, ни сло-

*) Сбоку рукописи на полѣ: «Въ полугорѣ, на 15 саж. вертикальной высоты отъ воды». Ред.

**) На полѣ отмѣтка: «Мостъ по смѣтѣ долженствовалъ стоить до 19,000 р.». Ред.

весно такого моста не требоваль, то не нахожу надобности давать объ этомъ письменнаго отзыва.

Какъ я могъ замѣтить, графъ былъ недоволенъ.

Въ другой разъ графъ спрашиваль меня откуда начнется шествіе: изъ Кремля или изъ (Ново) Дѣвичьяго монастыря, и что ему это нужно знать потому, что по осеннему времени надлежитъ устроить отъ (Ново) Дѣвичьяго монастыря до рѣки деревянную дорогу.

Я отвѣчалъ, что не знаю откуда государь прикажетъ начать шествіе, и спросилъ, что могла бы, по мнѣнію графа, стоять такая дорога?

— Съ чѣмъ-то 20,000 руб.

Находя, что эта сумма довольно значительна, я (отвѣчалъ, что) не имѣлъ никакого порученія съ другой стороны рѣки распоряжаться.

Графъ старался убѣдить, что это необходимо для приличія церемоніи, и я отвѣчалъ, что его воля и его отвѣтственность.

Между тѣмъ терасса покрывалась досками. Чувствуя себя нездоровымъ, я дни два не былъ на горахъ, однако зналъ о томъ, что Карбонье начиналъ готовить матеріалы *).

Государь императоръ прибылъ въ Москву и того-жъ дня вечеромъ поздно, около полуночи, я былъ потребованъ къ его величеству. Первые слова государя императора были: «каково теперь твое здоровье?» Тутъ только далъ я полную цѣну словамъ, сказаннымъ мнѣ передъ отъѣздомъ до С.-Петербурга.

Государь спрашиваль: «все ли будетъ готово къ надлежащему дню?»

Государь мнѣ сказалъ, (что) ему сказали, будто терасса довольно прочно устраивается.

— Ее еще и не начинали укрѣплять, ваше величество. И вѣроятно это-то самое сбило понятія лица, доложившаго вашему императорскому величеству, тѣмъ болѣе, что она уже покрывается досками. Позднее осеннее время заставляло опасаться ненастья и снѣга; въ такомъ случаѣ ежели бы я занялся укрѣпленіемъ стоекъ терассы, то работники должны были бы безъ за-

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «Между тѣмъ за нѣсколько дней до прибытія царской фамиліи, однажды вечеромъ является ко мнѣ отъ генерала инженерный майоръ Хозиусъ, говоря, что генералъ Карбонье».... См. ниже.

крышки производить не такъ успѣшно работу, а увѣрять стойки все равно прежде или послѣ. Предположеніе мое оправдалось. Не успѣли закрыть настилку, какъ сырая погода и потомъ снѣгъ случились.

Государь остался доволенъ объясненіемъ и сказалъ, что увѣренъ, что я въ этомъ случаѣ не ошибусь.

— «Тормасовъ, продолжалъ государь, мнѣ что-то говорилъ о дорогѣ и о мостѣ черезъ рѣку и что ты не соглашаешься съ нимъ, то я желаю знать твое мнѣніе» *).

Я объяснилъ его величеству вышесказанное о мостахъ и о дорогѣ, поставляя на видъ, что кромѣ цѣны моста, понтоны очень приличны, ибо они служили и въ самую войну — что весьма понравилось государю. Что же касается о дорогѣ черезъ Дѣвичье-поле, это тоже не нужно.

— «Что касается до меня, я довольно привыкъ ходить во время кампаніи, жена не отстанетъ отъ меня, а духовенство вѣроятно не затруднится тѣмъ. Итакъ, нѣтъ надобности бросать 40 т. для двухъ часовъ и когда можно безъ нихъ обойтись».

На другой день утромъ явился ко мнѣ инженерный майоръ Хозиусъ, сказавъ, что начальникъ его, генералъ Карбонье, поручилъ ему спросить, должна ли стелиться деревянная дорога по Лужницкому полю?

— Обстоятельство это до меня не касается; это дѣло главнокомандующаго въ Москвѣ, которому я уже говорилъ мое мнѣніе.

Хозиусъ оставался въ недоразумѣніи, что ему дѣлать, говоря, что матеріалъ навезенъ.

Я возразилъ, что — «вѣроятно начальникъ вашъ знаетъ, что дѣлать».

— Конечно такъ, но онъ самъ, кажется, не увѣренъ, угодно ли это будетъ государю, или нѣтъ?

— Въ такомъ случаѣ я вамъ скажу, что рѣшительно государю это не будетъ угодно, ибо я изустно вчера слышалъ въ 12 часовъ вечера, а съ тѣхъ поръ никакого приказанія быть не могло.

Хозиусъ поблагодаривъ, съ нѣкоторыми озоличностями спросилъ: «а какъ быть съ дорогою на Воробьевыхъ-горахъ?»

*) Въ подлинникѣ на полѣ: «Вѣроятно вопреки мнѣнія, здѣсь приведеннаго госуд. импер., дорога сія была сдѣлана».

— Съ какою?

— Я, по приказанію генерала, началъ выравнивать дорогу и срывать нѣкоторыя крутыя мѣста, а въ другихъ надлежитъ сдѣлать лѣстницы.

— А! это дѣло другое, это касается собственно до моего лица, и какъ смѣли вы, г. маіоръ, и вашъ генералъ распоряжаться тамъ, не испросивъ моего согласія? Таковое дѣйствіе считаю я насильственнымъ и оскорбительнымъ для меня, а о такомъ самовольномъ поступкѣ гг. инженеровъ я доведу до свѣдѣнія государя.

Тутъ я разгадалъ, кто императору говорилъ о терассѣ.

Хозіусъ испугался и сказалъ, что все это можно оставить.

— Нѣтъ, сказалъ я, не оставить, а привести все въ прежній видъ, насыпать, гдѣ срыли и срыть гдѣ насыпано, чтобъ вашего труда нигдѣ не было.

Съ тѣмъ вмѣстѣ я вынулъ чертежъ иной дороги и сказалъ: «вашъ генералъ напрасно хотѣлъ меня предупредить; вотъ здѣсь назначено все, что нужно сдѣлать».

Послѣ сего явился я къ графу Торماسову: во-первыхъ, объявить ему, что государь вполнѣ одобрилъ мое мнѣніе противъ деревянной дороги и моста, съ тѣмъ вмѣстѣ и о сказанномъ государемъ императоромъ о терассѣ. А такъ какъ въ лицѣ доносителя я вижу лицо неблагопріятствующее мнѣ, кромѣ графа, дознать, кѣмъ это было сказано.

— Это я докладывалъ государю.

— Но это вы не могли, графъ, сказать отъ себя, кто же вамъ донесъ? ибо вы не знаете этихъ дѣлъ.

Графъ затруднился; въ это время взомелъ генералъ Карбонье и графъ, извиняясь, что нужно ѣхать, указалъ на генерала и сказалъ, что онъ объяснитъ.

Я, обращаясь къ г. Карбонье, сказалъ ему, какое подозрѣніе на него наводятъ послѣднія слова графа и довольно горячо упрекалъ его въ предосудительности чернить дѣло, еще недоконченное.

Карбонье говорилъ, что терасса не будетъ болѣе укрѣпляться и боялся за царскую фамилію.

— Въ такомъ случаѣ вы должны были бы сообщить мнѣ ваше мнѣніе и узнали бы неосновательность его, а теперь вы сдѣлали доносъ.

Разговоръ разгорячался. Карбонье своими шагами ходилъ по горницѣ. Не считая приличнымъ продолжать разговоръ, я оставилъ его и вышелъ. Потомъ отправился я на горы и нашелъ, что г. Хезіусъ распорядился такъ, какъ я требовалъ.

На другой день я отправился на работы послѣ обѣда, не успѣвъ посѣтить ихъ въ обыкновенное утреннее время. Когда я хотѣлъ возвращаться, то замѣтилъ, что снизу тянется команда военнорабочихъ солдатъ отъ рѣки, которая идетъ прямо къ терассѣ. Я остался ожидать ихъ прибытія. Офицеръ вскорѣ вошелъ туда, взывая туда команду.

— Зачѣмъ вы сюда идете? спросилъ я его.

Офицеръ не желая меня обращать на меня вниманія, дерзко отвѣчалъ, что ему велѣно поставить команду для испытанія терассы.

— Этого я вамъ не позволю сдѣлать, воротитесь назадъ и скажите это вашему начальнику.

Офицеръ, засмѣявшись, сказалъ, что это невозможно, ибо онъ дѣлаетъ вслѣдствіе приказанія.

— Но, пошевелъ, будетъ возможно, если вы силою захотите настаивать, то я силою велю рабочимъ ее прогнать. Впрочемъ, не совѣтую доводить до этого. Я здѣсь одинъ, по высочайшему повелѣнію, непосредственный начальникъ; теперь вы видите, что имѣю право на это.

Офицеръ сдѣлался въживымъ и былъ въ затруднительномъ положеніи, что дѣлать. Я сказалъ ему, что сейчасъ поѣду къ графу Тормасову и чтобы онъ не боялся за слѣдствіе. Что и было сдѣлано; но какъ графъ отдыхалъ въ это время (то) я оставилъ графу записку, въ коей, описавъ дѣло, заключилъ, что когда терасса будетъ укрѣплена, я извѣщу его сіятельство и тогда, для удостовѣренія, можетъ поставить команду.

Но я не хотѣлъ этого сдѣлать и потому вознамѣрился не укрѣплять терассу до послѣдней ночи передъ процессіей. Такимъ образомъ все было готово снаружи прежде, нежели укрѣплялись стойки, что еще болѣе смущало ихъ.

Наканунѣ торжества, ночью, при огнѣ съ фонарями, вся внутренность терассы была наполнена работниками такъ, что въ два-три часа она была укрѣплена, а утромъ, незадолго до процессіи, извѣстилъ я графа, что терасса укрѣплена. Само собою

понятно, что графъ уже не могъ тогда сдѣлать никакого распоряженія.

Наканунѣ императоръ явился на горы, гдѣ я все нужное ему объяснялъ. Сходя отъ мѣста закладки (императоръ) сказалъ: «говорять, будто на этомъ мѣстѣ есть много ключей?»

— Да, государь, и вотъ одинъ изъ самыхъ прелестнѣйшихъ, и я ими воспользуюсь для извѣстныхъ, вашему величеству, водныхъ украшеній. Впрочемъ, ненадобно полагать, чтобъ сіи ключи служили препятствіемъ важнымъ, хотя и потребуютъ нѣкоторыхъ издержекъ.

— Конечно, я не могу надѣяться что-либо видѣть при себѣ, — (сказалъ государь), но, при предпріятіяхъ огромныхъ, нечего смотрѣть на какія-нибудь издержки.

12 октября 1817.

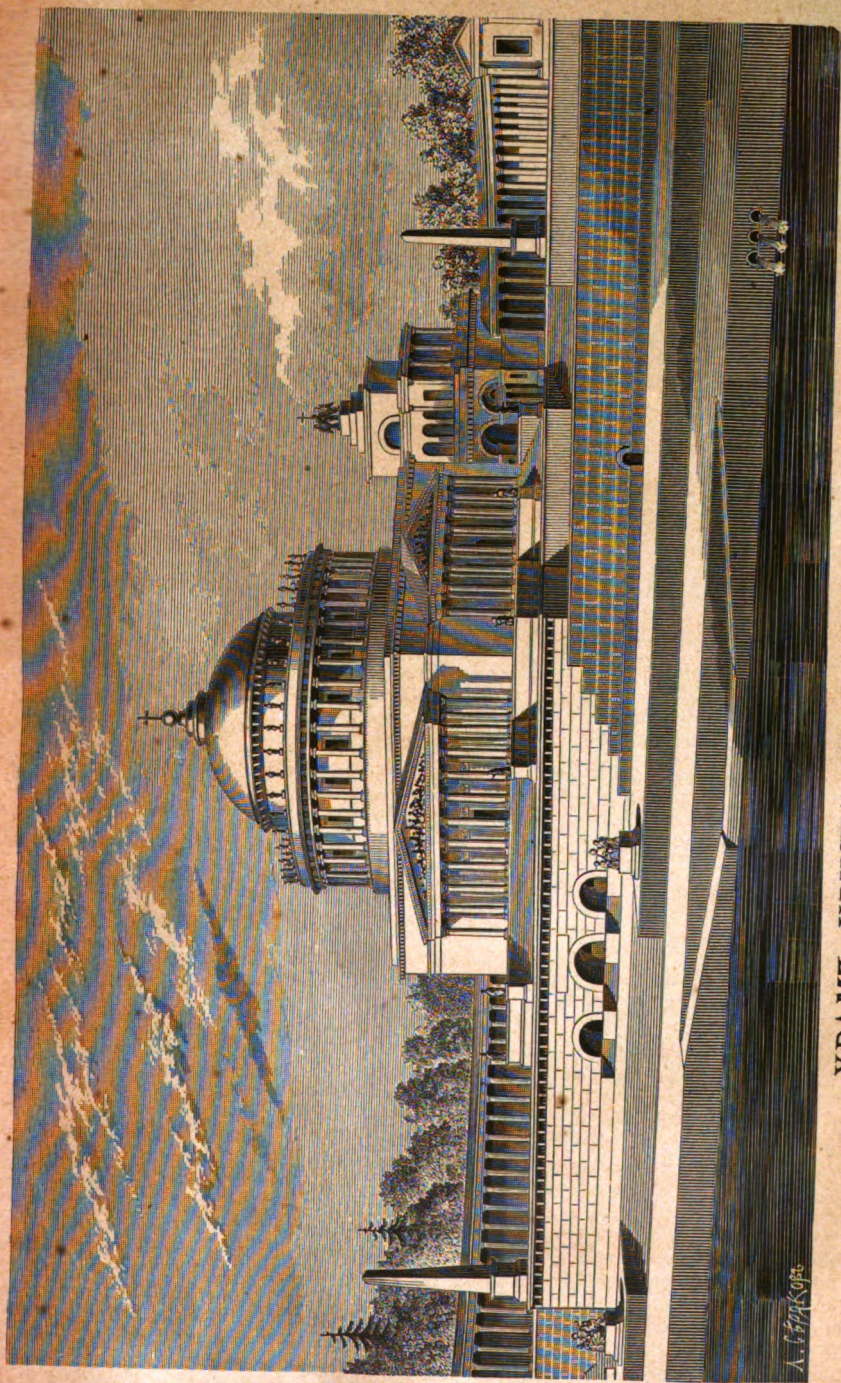
Подробности о закладкѣ находятся въ особой книгѣ, изданной около того времени въ Москвѣ, соч. Соколова.

Закладка стоила безъ малаго 24,000 руб.

Деньги получались изъ строительной комиссіи по счету генерала Карбонье. Счетъ этотъ показываетъ, на какихъ основаніяхъ онъ дѣланъ. Матеріалъ остался отъ дороги, но неизвѣстно, куда поступилъ. Сверхъ того показаны порціоны военнорабочимъ съ августа до марта; а какъ закладка была 12 октября, (то) спрашивается, что же они дѣлали 5 мѣсяцевъ для сего предмета?

(Продолженіе будетъ).

**ХРАМЪ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ ВЪ МОСКВѢ,
ПРОЕКТЪ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 марта 1872 г.

1817 г.

Печатня В. И. Головина, Владимирская, № 15.

ЗАПИСКИ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА,

строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

р. 1787 † 1855 г.

VIII *)

Я душевно былъ преданъ Августину и часто бывалъ у него. Разумѣется, разговоръ, по большей части, былъ религіозный. Онъ зналъ мои чувства, зналъ какъ я возставалъ всегда противъ раздѣленія христіанъ, какъ желалъ соединенія въ одинъ храмъ христіанъ.

Однимъ утромъ, при многочисленномъ духовенствѣ, Августинъ сталъ убѣждать меня присоединиться къ греко-россійской церкви.

— «Не стыдно ли вамъ, говорилъ онъ, вы духомъ и всѣмъ принадлежите Россіи, въ ней родились, въ ней воспитаны, теперь предпринимаете такое высоко-религіозное дѣло и остаетесь чужды нашей церкви и иностранцемъ между нами!»

Внутренно я желалъ этого; но считалъ неприличнымъ такую перемѣну. Сверхъ того знакомство мое съ Лабзинимъ, ревност-

---

*) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г. т. V стр. 16—32; 159—192. Приводимъ къ предыдущимъ страницамъ записокъ Витберга два-три примѣчанія сообщенныя П. Н. Петровымъ:

а) Къ стр. 165-й: «Андрей Никифоровичъ Воронихинъ (1760 — 1814) самоучка-строитель, профессоръ-преподаватель архитектуры въ Академіи Художествъ, — былъ по происхожденію дворовый человекъ, а затѣмъ другъ дома графа Александра Сергѣевича Строганова; онъ же сопутствовалъ сыну графа въ его путешествіяхъ по Европѣ; во время этихъ странствій Воронихинъ занимался архитектурой; произведенъ въ академики за перспективный (видъ дачи Строганова), что противъ Каменнаго острова, на Невкѣ; эта дача имъ же и построена. Представилъ проектъ Казанскаго собора въ 1799 г. и

нымъ сыномъ греческой церкви, меня сблизило съ нею. Обряды ея мнѣ нравились давно, по глубокимъ идеямъ и указаніямъ, въ нихъ заключеннымъ.

Но прежде нежели я изложу результатъ, къ которому меня привели эти разговоры, считаю нужнымъ распространиться нѣсколько о моемъ религіозномъ развитіи. Первое религіозное основаніе наслѣдовалъ я отъ моего родителя, который въ свою очередь оную заимствовалъ отъ дѣда моего, человѣка очень строгой жизни и высокихъ религіозныхъ понятій *). Онъ, служивши молодость свою въ военной службѣ, былъ вовлеченъ въ дуэль, поразилъ своего соперника и это тяготило его совѣсть до гроба. Далѣе можемъ узнать его внутреннюю духовную жизнь въ видѣніи, случившемся незадолго до его смерти. Просыпаясь однажды ночью, слыша музыкальную гармонію удивительной сладости, долго не могъ онъ убѣдиться въ томъ, не сонъ ли это, и когда совершенно увѣрился, что не спитъ, онъ замѣтилъ свѣтъ, распространяющійся въ горницѣ, и въ то время, сѣвши на кровать, увидѣлъ на колѣняхъ разверстую книгу на шведскомъ языкѣ; онъ началъ ее читать съ первой страницы, прочелъ двѣ стра-

за него получилъ прямо званіе профессора. Воронихинъ былъ и строителемъ нынѣ существующаго Казанскаго собора въ 1800—1811 гг.

б) Къ стр. 166-й: Витвергъ очень много обязанъ извѣстному мистикъ и издателю «Сіонскаго Вѣстника» Александру Фѣдоровичу Лабзину. Въ знакъ признательности ему — за родственныи пріемъ и ласки — Витвергъ написалъ портреты Лабзина и его жены; знаменитый мистикъ дѣйствовалъ въ пользу молодого художника и провелъ его въ академики живописи.

в) Къ стр. 169: Опасенія профессора Михайлова, высказанныя въ разговорѣ съ вице-президентомъ Академіи Художествъ Чекалевскимъ, относились до того, что разпросы членами Академіи Витверга по поводу его огромнаго проекта, собственно на торжественномъ собраніи Академіи, могли бы ихъ, членовъ, затруднить, такъ какъ на этихъ собраніяхъ все дѣло ограничивается чтеніемъ годового отчета и провозглашеніемъ именъ новыхъ членовъ. Выборы и разсужденія о нихъ происходятъ равнѣ.

д) Къ стр. 182: Симоновъ монастырь — зданіе въ московскомъ вкусѣ, а византійскаго, вопреки словамъ Витверга, въ немъ нѣтъ ничего; и храмъ имъ создаемый — былъ, также вопреки его мнѣнію, не въ греческомъ стилѣ, а какъ называли тогда въ строго-классическомъ, нынѣ же именуется въ академическомъ.

II. II.

*) Карлъ XII любилъ его особенно за строгую честность и правдивость. Онъ былъ наконецъ Land-Fiscal, мѣсто весьма важное, въ которомъ, имѣя нѣск. средствъ для обогащенія, онъ умеръ недостаточнымъ человѣкомъ.

А. Г.

ницы, кончающіяся слѣдующими словами (которыя батюшка мой переводилъ мнѣ на нѣмецкій языкъ слѣдующимъ образомъ):

Bleib nun fest und glaub an Gott
 Halt dich an sein heiligen Geboth,
 Ich will dich in Freuden führen.
 Um dein Gebeth in Gnaden hõhren.

На шведскомъ языкѣ они составляли весьма правильные стихи.

По прочтеніи сихъ словъ, онъ хотѣлъ перевернуть листъ, но все исчезло. Желая знать, не существуютъ ли сіи стихи въ какой-нибудь книгѣ, онъ долго искалъ, спрашивалъ у духовныхъ; но нигдѣ не нашлись. Отсюда можно заключить, въ какомъ духѣ воспитывалъ онъ сына.

Шведы имѣютъ особый характеръ религіозности: это спокойное, почившее въ себѣ убѣжденіе, а не судорожное чувство итальянцевъ и испанцевъ; они все тѣ же норманны, твердые, гордые, спокойные въ своемъ достоинствѣ, убѣжденные въ своихъ правахъ. Это спокойствіе самое влечетъ ихъ въ таинственному. Этотъ характеръ шведовъ мнѣ былъ очень знакомъ, потому что я съ дѣтства бывалъ у шведскаго посланника Штедингга и еще болѣе убѣдился я въ достоинствѣ онаго, когда въ 1826 г. я *) въ Москвѣ часто бывалъ у него; — прежде я не могъ хорошо судить, но тутъ, испытавши всю горечь злобы людей, — меня поразили благородный, открытый нравъ шведской молодежи, окружавшей посланника, ихъ взглядъ безъ лубавства.

Рожденный въ церкви протестантской, я видѣлъ, что она, не довольствуясь одними наружными обрядами, стремится къ развитію духа религіи. Но находясь съ малолѣтства въ двухъ российскихъ казенныхъ заведеніяхъ, я не могъ не находить то (того?), что заключается въ прекрасныхъ обрядахъ российской церкви. Вообще отъ самой природы было у меня врожденное чувство въ истинѣ и къ религіи. Предметы религіозные весьма занимали меня. Въ особенности же близкое знакомство съ ученымъ конференцъ-секретаремъ Лабзинымъ, извѣстнымъ издателемъ «Сіонскаго Вѣстника», служило пищею внутреннему влеченію. Часто сужденія его объ обрядахъ греко-россійской церкви имѣли на меня большое вліяніе и я рѣшительно увидѣлъ, что ежели для

*) Зачеркнуто: «снова».

церкви обряды нужны, то они всего лучше въ греческой церкви, ибо они заключаютъ столь много глубокихъ указаній.

При такомъ направленіи, духа не удивительно, что слова Августина и духовенства имѣли на меня чрезвычайное вліяніе; какъ уроженецъ російскій и пользуясь благодѣяніями сей страны и дѣлаясь участникомъ столь важнаго памятника греческой церкви, я считалъ неприличнымъ, чтобы не принадлежать къ ней. Съ тѣмъ вмѣстѣ мнѣ все казалось, что этотъ шагъ не должно дѣлать и духовенство не могло опровергнуть моихъ доводовъ. Я не могъ согласиться съ ними, что греко-россійская церковь лучше другихъ, ибо считалъ всѣ христіанскія — равными.

Они говорили: «если все равно, то и надлежитъ перемѣнить».

Я отвѣчалъ, что потому-то и не слѣдуетъ того дѣлать, что все равно.

— Ну полно-те, полно-те упираться; и безъ того, знаю, что вы весь нашъ, дѣло за наружнымъ—сказалъ Августинъ; я предвижу, что будетъ такъ, и впередъ даю мое пастырское благословеніе.

Между тѣмъ предметъ сей меня очень занималъ въ то время, какъ я готовилъ закладку храма, и я рѣшился объ этомъ сказать князю Александру Николаевичу (Голицыну), чтобъ онъ сказалъ о томъ его величеству: не находитъ ли онъ сего нужнымъ по предпринятому занятію?

Князь *) докладывалъ государю императору и онъ велѣлъ мнѣ сказать, что «не находитъ надобности въ наружной перемѣнѣ, зная такъ хорошо христіанство. Я съ своей стороны также надобности въ этомъ не нахожу. Впрочемъ, оставляю это на его собственную волю».

При семъ рассказалъ мнѣ князь довольно странное событіе. Послѣ того, какъ онъ сталъ заниматься религіозными предметами, у него было обыкновеніе ежедневно утромъ читать священное писаніе, продолжая по порядку. Передъ закладкою (храма) нѣсколько дней занятый очень дѣлами, онъ не читалъ. Въ самый же день закладки, урвавъ минуточку, онъ сталъ читать съ того мѣста, гдѣ остановился, и это было именно на томъ, какъ Іорамъ (?) началъ выбирать работниковъ для построенія храма Соломонова.

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «На другой день».

— Много страннаго при этомъ храмѣ, сказалъ князь; хорошо бы было, ежели бы вы вели журналъ всѣмъ происшествіямъ сооруженія храма; онъ будетъ занимателенъ.

Это было и мое желаніе, но отвлеченный сначала дѣлами, потомъ интригами меня окружавшими, я оставался при одномъ намѣреніи.

Вечеромъ того же дня, когда была закладка, я всемилостивѣйше былъ пожалованъ чиномъ коллежскаго ассесора, и когда явился къ князю Александру Николаевичу съ благодарностью, то князь объявилъ порученіе государя императора, что хотя бы и не имѣлъ надобности въ присоединеніи къ греческой церкви, но теперь видить въ томъ нужду для народа, если это согласно съ собственнымъ моимъ желаніемъ.

Я согласился, но съ тѣмъ вмѣстѣ меня занимало то, что я могу огорчить симъ моего родителя, ревностнаго протестанта. Зная его желаніе, что онъ желалъ давно быть соединенъ со мною и желая, чтобъ онъ приобрѣлъ большую осѣдлость въ Москвѣ, я просилъ государя о переименованіи его въ русскіе дворяне изъ шведскихъ (ибо шведское дворянство не давало здѣсь ему правъ), — ставя на видъ, что онъ несъ службу при Екатеринѣ.

Императоръ изъявилъ согласіе и его перевели съ 1-мъ офицерскимъ чиномъ, и тѣмъ я хотѣлъ утѣшить старика. Такъ какъ въ греко-россійской церкви имени Карла не существуетъ, то я принялъ имя Александра, ибо и самъ императоръ изъявилъ желаніе быть (моимъ) воспреемникомъ.

Въ сочельникъ, 24 декабря (1817 г.), въ домово́й церкви архіепископа Августина совершилось присоединеніе мое къ россійской церкви, при священнодѣйствіи Августина. Отъ имени государя былъ князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ). По желанію моему, кромѣ моей жены, постороннихъ свидѣтелей не было. Августинъ былъ въ восторгѣ.....

Отъ редакціи. Прерываемъ разсказъ Витберга, чтобы вставить подлинное его письмо по поводу описываемыхъ выше событій*). Это письмо (помѣщаемъ его въ переводѣ съ нѣмецкаго) — къ отцу Витберга, Лаврентію Самойловичу, изъ Москвы, отъ 24 ноября 1818 г., т.-е.

*) Документъ этотъ сохранился въ бумагахъ Оедора Александровича Витберга, въ переводѣ котораго онъ и помѣщается.

писано почти годъ спустя послѣ перехода нашего академика въ православіе:

„Достопочтеннѣйшіе и любезнѣйшіе родители! Сердечно сожалѣю, что такъ долго не былъ въ состояніи писать къ вамъ, дорогіе родители. Причиной этого былъ, во-первыхъ, пріѣздъ родственниковъ, которые два дня тому назадъ уѣхали домой и съ ними отправилась на нѣкоторое время и моя жена: у нихъ готовится свадьба, — другая сестра ея выходитъ замужъ. Дѣла мои не позволили мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нею. По своей обязанности, я долженъ дожидаться возвращенія государя, потому что до сихъ поръ онъ не имѣлъ времени заняться мною и моими бумагами; но какъ скоро я дождусь этого, то также поѣду туда на недѣлю и возвращусь вмѣстѣ съ женой. Сверхъ того, у меня недостаетъ времени справляться со всѣми моими дѣлами. Не проходитъ почти ни одного дня, чтобы съ ранняго утра и до поздняго вечера не надобѣдали мнѣ всякіе любопытные, пріѣзжіе и ищущіе должностей лица; съ другой стороны, мнѣ надо завѣяться и съ тѣми, которые уже опредѣлены на службу, такъ что къ вечеру я бываю иногда совершенно утомленъ. Надъ моими чертежами трудятся въ настоящее время при мнѣ два помощника; но и имъ приходится иногда дожидаться меня, потому что меня часто отзываютъ отъ дѣла. Между тѣмъ я и для васъ, любезный батюшка, успѣлъ приготовить нѣчто особенное и этимъ по совѣсти исполнилъ какъ ваше желаніе, такъ и свой сыновній долгъ, насколько мнѣ это было до сихъ поръ возможно. Я поздравляю васъ съ отмѣнною милостію нашего государя; изъ прилагаемой при семъ копіи вы увидите, что государь всемилостивѣйше повелѣлъ возвести васъ въ званіе потомственнаго дворянина Россійской Имперіи и выдать вамъ надлежащій дипломъ на сіе достоинство, со включеніемъ въ родословную книгу. Далѣе, за вашу 45-ти-лѣтнюю вѣрность россійскому престолу и за вашу 8-ми-лѣтнюю коронную службу, государь намѣренъ наградить васъ чномъ, и если судьба будетъ къ вамъ такъ благосклонна, то, быть можетъ, чномъ титулярнаго совѣтника, — этого, однако, я еще не знаю навѣрное; но будемъ терпѣливы: безъ сомнѣнія, вопросъ этотъ вскорѣ рѣшится. Теперь, конечно, и обѣщанное мною вамъ мѣсто будетъ надежнѣе и приличнѣе. Дорогие родители! Такъ какъ для васъ должна быть пріятна царская милость, доставляющая вамъ на старости и почетъ и спокойствіе, послѣ вашей трудовой до сихъ поръ жизни, то нѣтъ сомнѣнія, что вы должны быть глубоко благодарны ему за это.

„И теперь, когда государь до того благосклоненъ къ вашему сыну, что ему прискорбно видѣть въ немъ чужестранца, въ немъ, которому

онъ довѣряетъ дѣло, долженствующее доставить всесвѣтную славу его народу и привлечь къ колоссу Воробьевыхъ-горъ любопытство иностранныхъ путешественниковъ, то воспротивитесь-ли вы исполненію дорогого желанія нашего милостиваго монарха? И что можно бы было отвѣтить на моемъ мѣстѣ на слѣдующія его слова:

— „Витбергъ! Я знаю, что вы имѣете хорошее понятіе о христіанской вѣрѣ, и что, поэтому, для васъ должно быть все равно, къ какому вѣроисповѣданію вы принадлежите; что до меня касается, то и по мнѣ это все равно, потому что всѣ церкви, коль скоро онѣ содержатъ въ себѣ христіанскую религію, хороши; но ради моего народа, мнѣ было бы желательно, чтобы вы принадлежали къ нашей церкви; потому что таинственное значеніе вашего проекта храма не всякому понятно и простому человѣку онъ можетъ показаться ересью; если же, напротивъ, вы сами перемѣните вѣру, ради построения этого собора, то это произведетъ на него (простого человѣка) особенное впечатлѣніе. Но я васъ къ этому не принуждаю; если только это противорѣчитъ вашей совѣсти, то я и этого, со своей стороны, не желаю. Вы знакомы съ нашими обычаями такъ хорошо, что не всѣ ихъ такъ понимаютъ. Подумайте объ этомъ, усердно помолитесь Богу, чтобы не ошибиться, и потомъ сообщите мнѣ ваше рѣшеніе“.

„Что Провидѣніе ведетъ меня особеннымъ путемъ — можетъ видѣть всякій, кто не слѣпъ и имѣетъ хоть какое понятіе объ этихъ дѣлахъ. Для объясненія я долженъ разсказать здѣсь необыкновенный случай: все, что происходитъ со мною въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, все это было мнѣ вкратцѣ открыто во снѣ 12 лѣтъ назадъ, значить въ 1806 году, во время моей тяжелой болѣзни. Мнѣ снилось, во-первыхъ: что я нахожусь въ огромномъ строящемся храмѣ; во-вторыхъ: что я былъ женатъ и жилъ на прекрасной, украшенной фонтанами горѣ и былъ какъ бы хозяиномъ этого мѣста; въ-третьихъ: у меня было много дѣла съ какимъ-то русскимъ монахомъ, но что это собственно было за дѣло, этого я не могъ понять. Помнится, я какъ-то разсказывалъ вамъ объ этомъ. Такъ какъ два первыхъ приключенія уже сбылись, именно: я занимаюсь теперь постройкой большого храма, уже женатъ и даже, какъ кажется, буду жить на горѣ, гдѣ есть и ключи, изъ которыхъ можно сдѣлать фонтаны, которые къ тому же назначены и на моемъ планѣ, хотя я и не зналъ, что эта мѣстность богата ключами,—то я долженъ имѣть весьма слабую вѣру въ Провидѣніе и весьма ограниченный разсудокъ, чтобы не постичь моего дальнѣйшаго назначенія,—что я долженъ также окончить и дѣло свое съ монахомъ. При этомъ, я могъ

бы указать вамъ на особенный псаломъ, относящійся къ этому случаю, который попался мнѣ, когда я, еще будучи холостымъ, вошелъ въ первый разъ въ мою нынѣшнюю квартиру, — но это лучше всего высказать со временемъ, при личномъ свиданіи. Вслѣдствіе этого я высказалъ все сіе князю (А. Н. Голицыну): что я долженъ неуклонно слѣдовать этимъ указаніямъ и что онъ можетъ сообщить государю, что я не нахожу ничего противнаго моей совѣсти исполнить его желаніе и именно желалъ бы совершить это въ сочельникъ, передъ Рождествомъ, потому что положенный уже, краугольный камень храма въ этотъ день былъ освященъ. Государь былъ очень этимъ доволенъ, самъ пожелалъ быть моимъ воспріемникомъ и далъ мнѣ свое имя — Александръ. Обрядъ совершенъ былъ самимъ архіепископомъ, въ его домовою церкви, и князь Голицынъ занималъ мѣсто государя. По моему желанію, никто изъ постороннихъ при этомъ не присутствовалъ, кромѣ двухъ моихъ друзей, — бывшаго тутъ проѣздомъ изъ Петербурга священника при кадетскомъ корпусѣ и доктора Мудрова, — да еще моей жены съ сыномъ, который вмѣстѣ со мною причастился св. таниъ. Послѣ сего у архіепископа былъ накрытъ для насъ завтракъ. Здѣсь я оканчиваю мое длинное письмо, въ надеждѣ, что одно стоитъ другого, т. е. если вамъ, любезный батюшка; пріятно, какъ я надѣюсь, сдѣлаться на старости лѣтъ дворяниномъ Россійской имперіи, со всѣми его правами, то вы не можете осуждать своего сына, что онъ лучше желаетъ называться сыномъ своего отечества въ странѣ, гдѣ онъ родился и наслаждается всякими благами, чѣмъ носить имя чужестранца...

„Въ прошедшемъ письмѣ вашемъ, любезный батюшка, вы были очень довольны тѣмъ, что самъ государь будетъ членомъ нашей строительной комиссіи, потому что для меня это, конечно, большая выгода; а теперь это еще лучше, потому что я вступилъ съ нимъ въ духовное родство...

„Еще разъ поздравляю васъ, любезный батюшка, дворяниномъ Россійской имперіи“....

Поздравляя отца съ возведеніемъ въ дворянское достоинство, академикъ Витбергъ могъ поздравить и себя: одновременно съ переходомъ въ православіе, онъ сдѣланъ потомственнымъ дворяниномъ, о чемъ тогда же разосланы печатные указы *).....

*) Объ этомъ упоминаетъ сенаторъ Павелъ Степановичъ Руничъ въ имѣющемся у насъ письмѣ къ сыну Дмитрію (вслѣдствіи попечитель петерб. учебн. округа) отъ 24 января 1818 года. Ред.

IX.

На другой день (послѣ принятія мною православія) князь объявилъ мнѣ поздравленіе отъ государя императора и съ тѣмъ вмѣстѣ волю государя, чтобъ я въ наискорѣйшемъ времени занялся составленіемъ проекта коммисіи сооруженія храма, чтобъ можно было приступить къ дѣлу, дабы народъ не думалъ, что государь ограничился одной закладкой, такъ чтобъ къ отъѣзду сего величества было это готово.

Я простудился на закладкѣ и былъ тяжело боленъ, посему и не могъ скорѣе заняться связаннымъ дѣломъ. Князь доложилъ объ этомъ государю и государь вознамѣрился прислать Л. М. Вилье для поданія скорѣйшей помощи, ежели нѣтъ искуснаго у меня доктора. Благодаря князя за вниманіе государя я сказалъ, что совершенно увѣренъ въ Мудровѣ, который былъ въ тѣсныхъ дружескихъ со мною отношеніяхъ.

«Въ такомъ случаѣ Вилье не посылать; они враги, поссорятся при больномъ и надѣлаютъ ему болѣе вреда нежели пользы».

Но, впрочемъ, не Мудровъ меня вылечилъ, а итальянецъ, искавшій мѣста каменнаго мастера, привелъ мнѣ извѣстнаго Сальватора, который увидѣлъ во мнѣ солитера и сдѣлалъ большую помощь.

Такимъ образомъ, хотя гораздо позднѣе, какъ я предполагалъ, но въ скоромъ однако времени, я изложилъ мои общія мысли о учрежденіи коммисіи. Замѣтивъ въ Августинѣ ревностное желаніе участвовать въ семъ дѣлѣ и понимая пользу важнаго духовнаго лица, я помѣстилъ его и генераль-губернатора, какъ высшую власть свѣтскую, первенствующими членами и имѣя въ виду сокращеніе переписки съ сими лицами. И два члена непремѣнные: я и совѣтникъ. Подробность учрежденія находится въ текстѣ, который прилагается *).

Впрочемъ, учрежденіе сіе не было сообразно съ обыкновеннымъ ходомъ дѣла, я писалъ его: полагаясь на себя, одушевленнаго пользою и чистымъ усердіемъ; ежели бы были другія обстоятельства, оно не могло бы годиться для наемщика, служащаго изъ

---

*) «Учрежденіе коммисіи», и другія бумаги, упоминаемныя въ рукописи, къ ней не приложены. Впрочемъ, «учрежденіе коммисіи» находится въ Полномъ Собраніи Законовъ, т. XXXVII № 28,433. Ред.

денегъ. Вездѣ, гдѣ могъ, отрывался я отъ формъ, утомляющихъ силы и сковывающихъ всѣ дѣйствія, и только въ необходимыхъ случаяхъ жертвовалъ рутинѣ обыкновенныхъ нашихъ учреждений.

Князь объявилъ, что императору нравится моя мысль, но находитъ нужнымъ прибавить еще одного первенствующаго члена, московскаго инженеръ-генераль-маіора Карбонье.

Князь зная о случившейся между мною и генераломъ неприятности, съ особымъ видомъ сообщилъ мнѣ это.

— Имѣть въ комисіи генерала Карбонье было и собственное мое желаніе съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ его въ Твери, но вашему сіятельству извѣстны тѣ неприятности, которыя генераль мнѣ дѣлалъ, и потому это дѣло уже невозможное; я долженъ избѣгать его, какъ лицо неблагонамѣренное; гдѣ вражда, дѣло идти хорошо не можетъ; онъ уже попробовалъ взять верхъ надо мною и насильственно вступитъ въ кругъ моихъ занятій.

— Знаю я это, сказалъ князь, но что же дѣлать, государю такъ угодно.

— Но я рѣшительно вмѣстѣ съ Карбонье служить не могу, и въ такомъ случаѣ останется государю избрать, кому быть въ комисіи: Карбонье безъ меня или мнѣ безъ Карбонье, въ кому императоръ будетъ имѣть болѣе довѣренности.

— Хотите вы, чтобъ я это государю такъ и передалъ?

— Да, князь, прошу васъ это; тутъ середины нѣтъ, я или Карбонье!

Слова мои въ точности были переданы императору. Онъ остановился въ дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла и вскорѣ послѣ этого отправился въ С.-Петербургъ, и мнѣ предоставлено было дальнѣйшее обработываніе дѣла и, въ случаѣ надобности, велѣно явиться въ Петербургъ.

Я занялся, вмѣстѣ съ улучшеніемъ проекта, и обработываніемъ плана экономическаго и я нашелъ себя въ необходимости взойти въ новую стихію и знакомиться дотолѣ съ чуждою хозяйственною частью. Совѣтывался съ опытными людьми, придумывалъ, трудился и наконецъ написалъ *) (проектъ положенія), утвержденный впоследствии императоромъ.

Здѣсь имѣютъ мѣсто нѣкоторыя подробности и происшествія

*) Въ мѣсто зачеркнутаго: «предложилъ».

того времени. Когда сдѣлалось гласно, что императоръ представилъ мнѣ выборъ людей, множество архитекторовъ увивались около меня, отыскивая мѣсть. Но все это были люди обыкновенные, съ одною цѣлью обогащенія служившіе, развѣ исключить одного Желарда ¹⁾, образованнаго молодого человѣка и съ талантомъ и Бовѣ, ²⁾ который, можетъ, имѣлъ отъ природы дарованіе, но все это было подавлено страстью пріобрѣтенія и рѣшительно одними правтическими занятіями.

Чтобъ показать направленіе ихъ, вотъ небольшой анекдотъ. Стараніями преосвященнаго Августина отлили огромный колоколъ для Ивановской колокольни. Когда онъ былъ готовъ и надлежало его привезть въ Кремль, тогда только догадались, что діаметръ окружности его внизу нѣсколько шире Боровицкихъ воротъ; затруднились и тотчасъ стали требовать совѣта инженеръ-генераль-маіора Карбонье. Карбонье нашелся, предложилъ сдѣлать подмостъ съ обѣихъ сторонъ Кремлевской стѣны и машинами поднять его и опустить. Издержки должны были быть значительны; но дѣлать было нечего. Однако подрядчикъ, который везъ, мужикъ, рѣшился предложить иное мнѣніе; такъ какъ колоколъ былъ немного пошире воротъ и то въ одной линіи, то онъ совѣтовалъ вынуть по нѣскольку кирпичей въ воротахъ, что сдѣлали и, что разумѣется, почти ничего не стоило.

Въ то же время происходило открытіе памятника Минину и Пожарскому. Проектировалъ его ректоръ академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мартосъ ³⁾. Касаясь монумента, нельзя не высказать моего мнѣнія относительно сего произведенія Мартоса. Многихъ памятникъ сей не поражаетъ, и естественно: авторъ отошелъ отъ первой своей идеи—непростительная ошибка артиста! Я видалъ неоднократно первый эскизъ у Мартоса: онъ состоялъ изъ двухъ стоячихъ фигуръ. Гражданинъ Мининъ, держа лѣвой рукою князя Пожарскаго за его правую, въ которой подыять вверхъ мечъ, правой же—показываетъ съ жаромъ впередъ. Князь, имѣя на лѣвой рукѣ щитъ, на головѣ—шлемъ, обращаетъ взоръ къ небу, какъ бы испрашивая благословенія онаго. Тутъ явнымъ образомъ выражалось все, что потребно исторіи. Всякій видитъ какого-то гражданина, ведущаго война на битву, чего теперъ видѣть нельзя. Что показываетъ теперъ

стоящій гражданинъ сидящему воину? и что сдѣлаетъ воинъ: пойдеть ли или нѣтъ? не знаютъ. Живописецъ и ваятель по смыслу (?) можетъ схватить только одинъ моментъ. Посему художникъ долженъ избирать послѣдній моментъ или самый рѣзкій, а не сомнительной. Въ первой идеѣ Мартоса и выражено; но почему-жъ онъ не удержалъ свою первую идею? Вельможи, посѣщавшіе мастерскую Мартоса и имѣя обыкновеніе совѣтывать, хвалили его проектъ, но находили неприличнымъ, что гражданинъ Мининъ ведетъ князя Пожарскаго, какъ будто этимъ самымъ болѣе чести отдается Минину, забывая, что въ исторіи такъ было. Мартосъ принадлежалъ еще къ тѣмъ выписаннымъ артистамъ, которые отличились своими кліентами; любившій угождать, былъ такъ слабъ, что для угожденія этимъ вельможамъ забывалъ достоинства артиста. Перемѣнилъ свою хорошую идею и рѣшился, для большей важности, посадить его. Вотъ какъ гибельно, когда артистъ, забывая свое дарованіе, даетъ мѣсто пошлымъ расчетамъ!

Къ сему присоединяется еще одно обстоятельство, позже обнаружившееся, но имѣющее непосредственную связь съ памятникомъ. Сначала было уже (сказано), что Мельниковъ, при объявленіи программы, занимался проектомъ, показывалъ его мнѣ и я нашелъ его недостаточнымъ, далѣе какъ я ему ввѣрилъ свои идеи, довѣряя благородству артиста. Но вышло иначе. Мартосъ былъ сначала весьма хорошо расположенъ ко мнѣ; особенно когда я хлопоталъ въ Академіи, онъ мнѣ самъ совѣтывалъ пренебречь Академіею и стараться лично объяснить государю проектъ; но вступивъ въ близкое родство съ Мельниковымъ⁴⁾, за котораго весьма ходатайствовалъ помѣстивъ его профессоромъ въ академіи, совѣтывалъ *) Торماسову опредѣлить при обстроиваніи Москвы одного изъ профессоровъ Академіи, думая помѣстить его. Мельниковъ сдѣлалъ новый проектъ и Мартосъ, зная что мой одобренъ государемъ и имѣя протекцію при графѣ Аракчеевѣ, онъ домогался, чтобъ приняли проектъ его⁵⁾. Въ проектѣ своемъ онъ употребилъ всѣ ему извѣстныя идеи моего проекта. Можетъ, Мартосъ ему и присовѣтывалъ составить проектъ по этимъ идеямъ.

*) Въмѣсто зачеркнутого «просилъ».

Ред.

При какомъ-то докладѣ (вѣроятно графа Аракчеева) въ 1817 году между прочими бумагами находился вложеннымъ сей проектъ. Государь императоръ, увидя его и узнавъ, сказалъ: «на что же его, проектъ утверждень». Тѣмъ и кончилось.

Но мы уже сказали, какъ Мельникову я передалъ свои идеи безъ всякаго порядка; увидимъ теперь, какъ онъ ими воспользовался.

Однажды К. Я. Булгаковъ прислалъ мнѣ номеръ какого-то журнала *), въ которомъ была статья въ видѣ частнаго письма соч. Григоровича, тоже родственника Мартоса⁶⁾, издававшаго журналъ⁷⁾. Какой-то путешественникъ, описывая достопримѣчательности Петербурга въ художественномъ отношеніи, и касаясь Академіи Художествъ, доходитъ наконецъ до проекта Мельникова, необыкновенный и славный, какъ онъ его называетъ, расхваливаетъ до чрезвычайности, «но, чтобъ имѣть тебѣ понятіе о семъ необыкновенномъ произведеніи, сообщу мысли самого артиста». И тутъ начинаетъ онъ излагать мои разбросанныя идеи, которыя только могъ запомнить Мельниковъ, и какъ Мельниковъ былъ весьма недалекъ въ этихъ отношеніяхъ, у него вышла какая-то галиматья. Такъ, напримѣръ, онъ удержалъ рѣку и кособоръ; такъ помнилъ онъ, что храмъ мой тройственный и помнилъ катакомбу при нижнемъ храмѣ, въ которой находилась память убиенныхъ воиновъ,— и онъ сдѣлалъ нижній храмъ въ память убиенныхъ воиновъ. Идея второго храма совершенно скрылась отъ него и потому онъ его назвалъ храмомъ гражданъ, а для третьяго онъ ничего не придумалъ и потому остался онъ у него безъимяннымъ. Помня, что входъ въ храмъ идетъ чрезъ терассы, изображающія добродѣтели, и у него представлены терассы съ добродѣтелями. Но какія, тамъ онѣ произвольны, объ этомъ онъ не говоритъ. Помня, что находилась у меня богатая колоннада, которая имѣла свою необходимость, и онъ помѣстилъ колоннаду. Авторъ статьи замѣтилъ, что «артистъ, при помѣщеніи сей колоннады, имѣлъ въ виду не одну красоту, но и особую высокую идею». Какая же это идея? «Какъ на пути добродѣтели истинный христіанинъ всегда встрѣчаетъ какія-то препятствія, отъ какихъ-то ложныхъ красотъ со-

*) На полѣ рукописи сдѣлана А. И. Герценомъ замѣтка: «Справиться какой журналъ?»

вращающихъ путь его; но истинный воинъ христовъ проходитъ мимо». Право, непонятна эта высокая идея; какое препятствіе дѣлаетъ колоннада, указующая путь, и почему красота, колонны похожа «на совращающую красоту съ пути христіанскаго»? и т. д.

Прочитавъ эту статью, разумѣется, я не могъ не оскорбиться неблагороднымъ поступкомъ Мельникова⁸⁾, и потому взявъ эту книжку журнала, я явился къ князю Александру Николаевичу; показавъ ему, спрашивалъ его совѣта, несмотря на то, что еще не пришло времени, не слѣдуетъ ли мнѣ тоже напечатать *) объясненіе свое, упомянувъ о поступкѣ Мельникова, ибо впоследствии люди, худо знающіе дѣло, узнавъ мое объясненіе, могутъ найти сходство въ читанномъ ими прежде.

Но князь, нѣсколько подумавши, сказалъ, что это не нужно, ибо идеи мои извѣстны государю, многимъ знатымъ особамъ и что слѣдственно можно презирать подобныя происки.

Какъ это согласовалось и съ моимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, то я и обрадовался, что не нужно было входить въ журнальное преніе.

Впоследствии времени я встрѣтилъ однажды Мельникова у Егорова (женатаго на третьей дочери Мартоса⁹⁾), и сказалъ ему, что я читалъ статью о его проскѣ и что «новый проектъ его гораздо лучше», прибавилъ я иронически; Мельниковъ смутился, ничего не сказалъ и вскорѣ ушелъ. Тѣмъ и кончилось.

При отъѣздѣ государя изъ Москвы въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца 1818 г., мнѣ были выданы деньги, издержанныя при закладкѣ (храма), и собственно мнѣ были выданы 3000 рублей.....

Бывши въ деревнѣ у родныхъ и возвращаясь оттуда лѣтомъ въ 1818 году въ Москву, я заѣхалъ, по желанію тещи, въ Саввинскій монастырь**). Подъѣзжая къ монастырю, мы замѣтили большое движеніе и у воротъ монастыря множество чиновниковъ. При приѣздѣ узнали, что туда ожидаютъ великаго князя Николая Павловича и супругу его. Я надѣлъ мундиръ и явился въ соборъ. Всмотриваясь въ лицо генерала, сопровождавшаго великаго князя, я увидѣлъ большое сходство въ немъ съ пріятелемъ

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «написать».

Ред.

***) То-есть Саввинъ Старожевскій м., близъ г. Звенигорода, отъ котораго до Воскресенска 18 верстъ. .

П. П.

моимъ, Гартингомъ, котораго я оставилъ передъ кампаніей штабсъ-капитаномъ; наконецъ я узналъ, что это онъ самъ. Я подошелъ къ нему *). Некогда было говорить, и мы условились съ нимъ видѣться въ Москвѣ; я узналъ, что онъ командированъ для сопровожденія великаго князя по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ происходили сраженія.

На другой день моего приѣзда прислалъ Гартингъ своего адъютанта Пошмана, чтобъ объявить мнѣ, что его высочество желаетъ меня видѣть; замѣтивъ тогда академическій мундиръ, онъ спросилъ у Гартинга, кто я, и узнавъ, сказалъ, что давно уже желалъ видѣть меня и просить. Вслѣдствіе чего, я въ тотъ же день явился къ его высочеству съ моимъ проектомъ. Я объяснилъ великому князю во всѣхъ подробностяхъ проектъ. Онъ остался довольнымъ и заключилъ тѣмъ, что имѣеть ко мнѣ особую просьбу. Дѣло состояло въ томъ, что ему угодно было воздвигнуть придѣлъ во имя Александра Невскаго въ Воскресенскомъ монастырѣ **), въ память рожденія сына.

— «Я поручалъ архитекторамъ, но проекты ихъ такъ обыкновенны; мнѣ бы желалось что-либо новое съ вашими идеями».

Я немедленно занялся маленькимъ чертежемъ и черезъ нѣсколько дней явился съ чертежемъ къ его высочеству, удержавъ въ царскихъ вратахъ ту же идею, какъ въ церкви князя Александра Николаевича (Голицына), съ нѣкоторыми измѣненіями. Онъ желалъ, чтобъ придѣлъ былъ ***) мраморный съ бронзою ****).

Онъ остался доволенъ и просилъ тотчасъ приступить къ исполненію и при немъ, чтобъ сдѣлать закладку. Я заказалъ доску изъ серпуховскаго желтаго мрамора, съ высѣченными словами о имени придѣла и случаѣ, почему оный воздвигается. Отправясь вмѣстѣ съ его высочествомъ въ Воскресенскій монастырь для положенія сего камня, гдѣ и была совершена закладка, на другой день я получилъ отъ его высочества брилліантовый перстень.

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «и началъ съ нимъ говорить. Великій князь, увидя это и обратя вниманіе, спросилъ».

Ред.

**) Называемомъ Новымъ Іерусалимомъ, въ 48 верстахъ отъ Москвы, на рѣкѣ Истрѣ.

П. П.

***) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «бѣлый».

Ред.

****) «Бронзою», вм. зачеркнутаго: «съ золотомъ».

Ред.

Его высочество отправился въ Петербургъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пожелалъ имѣть чертежи для сосудовъ и полной утвари изъ золота и серебра, на которую онъ желалъ употребить блюда, поднесенныя ему московскимъ купечествомъ, по случаю рожденія великаго князя Александра Николаевича. Послѣ чего, я отправился въ Петербургъ.

Въ томъ же году, во время пребыванія въ Москвѣ короля прусскаго съ наслѣднымъ принцемъ, по желанію его величества слышать и видѣть мой проектъ, я имѣлъ счастье ему представиться и лично объяснить. Король былъ доволенъ и слѣдующимъ лаконическимъ образомъ затѣтилъ: «*Ja, das ist wirklich recht gut ausgedacht*». Въ это время вся свита его величества удостоили меня своимъ посѣщеніемъ, въ томъ числѣ инженеръ-генералъ Раухъ, съ которымъ мнѣ было пріятно объясняться нѣсколько подробно по практической части. Многіе совѣтывали прежде всего сондировать землю, но я полагалъ это излишнимъ (хотя и было сдѣлано нѣсколько сондированій), и думалъ что надлежитъ рѣшительно приступить къ выемкѣ земли и тогда преодолевать встрѣчающіяся препятствія. Мы были съ нимъ на самомъ мѣстѣ: Раухъ совершенно одобрилъ мое предположеніе, прибавивъ къ тому, что по выемкѣ всей нужной земли сондировать, ибо являются иногда подъ самымъ хорошимъ грунтомъ опасныя мѣста, съ чѣмъ я и согласился, находя его мнѣніе совершенно справедливымъ.

Организація комисіи и прочія дѣла по храму остановились около *) года; можетъ, къ этому способствовало и то затрудненіе, какое могло произойти отъ отзыва моего на счетъ генерала Карбонье, которое затрудненіе вскорѣ устранилось переводомъ его въ С.-Петербургъ. Къ сему времени относится образованіе министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Министромъ былъ назначенъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Между тѣмъ я продолжалъ заниматься чертежемъ храма и въ особенности обработываніемъ экономическаго проекта. Вотъ въ чемъ состояла идея: 1) текстъ экономическаго проекта; 2) возраженіе министра финансовъ съ поясненіями; 3) положеніе о сооруженіи въ Москвѣ храма на Воробьевыхъ-горахъ.

*) Вмѣсто зачеркнутого: «на дѣлѣ».

По прїѣздѣ моемъ въ 1819 году въ Петербургъ, проектъ экономическій былъ поверженъ къ разсмотрѣнію государя императора.

Онъ ему весьма понравился. «Странно, сказалъ онъ, опять новость; при этомъ храмъ много чрезвычайнаго». Съ тѣмъ вмѣстѣ государь приказалъ, чтобъ я явился къ министру финансовъ Д. А. Гурьеву «отъ котораго вѣдь мы получаемъ деньги» *), и объяснить ему подробности сего проекта.

Вслѣдствіе сего я и былъ у него. Министръ казался довольнымъ; при этомъ былъ его правитель канцеляріи (или директоръ) Дружининъ. Министръ сказалъ: «Вы такъ много озаботились о выгодахъ казны, что, кажется, даже можно бы прибавить крестьянамъ что-нибудь къ суммѣ, назначенной имъ для годичнаго продовольствія».

На это я возразилъ, что «все мое стараніе было для возможнѣйшаго облегченія казны; но что мнѣ будетъ очень пріятно, ежели казна сдѣлаетъ какую либо прибавку.»

Государь утвердилъ мои предположенія и повелѣлъ приступить къ начальному опыту. Меня причислили къ министерству духовныхъ дѣлъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пять лицъ, представленные мною (двое по хозяйственной, двое по искусственной и одинъ по письменной), причислены къ оному и прикомандированы ко мнѣ по предмету высочайше возложеннаго на меня порученія. Какъ я опасался, что разглашеніе порученія о покупкѣ имѣній возвысило бы цѣны на имѣнія, то я и просилъ, чтобъ оное было секретно, посему и дали видъ моему порученію прискиванія матеріаловъ по разнымъ губерніямъ, съ выдачею 5000 руб. на необходимые по сему расходы, какъ-то разѣзды и прочее. Вмѣстѣ съ симъ всемилостивѣйше повелѣно: производить жалованье изъ кабинета не 2000, а 3000 руб.

Х.

Исполненіе сихъ порученій шло довольно успѣшно; для отыскиванія имѣній и матеріаловъ, я осматривалъ берега Оки и Москвы. Собралъ чрезъ генераль-губернатора свѣдѣнія о находящихся каменоломняхъ, я узналъ, что кромѣ Мячковской, внизъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «для показанія ему сего положенія».

«РУССКАЯ СТАРИНА», т. V. 1872 г. АПРѢЛЬ.

по Москвѣ-рѣкѣ верстѣ 20 и Татаровской¹⁰⁾ на верховья верстѣ 60 отъ города, другихъ нѣтъ или не знаютъ. Изъ коихъ Татаровская хотя и доставляла твердый дикій камень, воишь выложена набережная у Москвы-рѣки, но что она довольно истощена; а Мячковская, состоящая изъ мягкаго известняка, не представляла мнѣ выгодъ и потому, при собственномъ объѣздѣ, я предполагалъ искать новыхъ каменоломней отъ верховья Москвы до Оки, и по самой Окѣ близъ Алексина, Серпухова....

Вслѣдствіе чего открыты были много мѣстъ, изобилующихъ хорошими камнями; одно изъ нихъ на верховьяхъ Москвы при каменныхъ деревняхъ Григоровѣ и Ладыгинѣ¹¹⁾ (гдѣ оныя и открылись). Сему мѣсту далъ я преимущество, потому что видѣлъ возможность доставлять оный (т.-е. камень) Москвою до Воробьевыхъ-горъ, сдѣлавъ судоходною оную. Съ тѣмъ вмѣстѣ отысканы были нѣсколько помѣщичьихъ имѣній, совершенно согласныхъ моимъ требованіямъ и по многу назначеннымъ дешевымъ цѣнамъ, даже съ нѣкоторымъ пониженіемъ противъ высочайше утвержденной цѣны.

Въ 1820 г. я отправился въ Петербургъ для донесенія о благополучномъ успѣхѣ возложенныхъ порученій. Князь, въ которомъ я явился, сказалъ, что я весьма хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ, ибо онъ получилъ формальное опроверженіе отъ министра финансовъ противъ моего экономическаго проекта.

Въ тотъ же день, отправляясь по набережной Невы на Васильевскій островъ, неожиданно встрѣтился съ прогуливающимся императоромъ. Какъ государю не могъ еще быть извѣстнымъ мой пріѣздъ и думая, что онъ не узнаетъ меня одѣтаго по зимнему, я думалъ, что пройду незамѣченнымъ имъ; но когда я былъ довольно близокъ къ нему, я увидѣлъ по взгляду, что государь узналъ меня и шелъ прямо ко мнѣ. При семъ нельзя не замѣтить слѣдующаго маленькаго происшествія:

Какой-то человѣкъ шелъ по тому же тротуару; государь, подойдя ко мнѣ, вдругъ остановился возлѣ меня; этотъ человѣкъ, полагая, что государь пойдетъ мимо, а можетъ и не узнавъ его, столкнулся съ государемъ. Государь, прежде нежели далъ ему время опомниться, самъ извинился передъ нимъ съ величайшимъ добродушіемъ. Потомъ, обращаясь ко мнѣ: «Давно ли ты пріѣхалъ?».

«Нынче утромъ, ваше величество».

— Это хорошо, что ты здѣсь, надобно будетъ заняться дѣломъ,—сказалъ онъ и, поклонившись, пошелъ.

И въ то же время подошелъ ко мнѣ полицейскій чиновникъ съ разспросами, кто я, чтò я говорилъ съ государемъ, не просилъ ли чего; но которому я сказалъ, что онъ могъ видѣть, что не я остановилъ государя, а онъ, и что ни кто я, ни о чемъ говорилъ, до него не касается — онъ и отсталъ послѣ этого. Послѣ чего я тотчасъ возвратился къ князю и рассказалъ ему мою встрѣчу.

На другой день мнѣ было передано по высочайшей волѣ мнѣніе министра финансовъ, съ тѣмъ, чтобъ я сдѣлалъ на оное свои поясненія, которыя и будутъ приложены.

Я спросилъ князя, чтò это: замѣчаніе или опроверженіе?

Князь сказалъ: «болѣе опроверженіе».

— Въ такомъ случаѣ вѣроятно это ошибочно, ибо истина одна и выгода моего проекта очевидна.

Признаться надлежитъ, я предполагалъ, что опроверженіе, писанное въ министерствѣ финансовъ людьми, всю жизнь посвятившими сему предмету, по крайней мѣрѣ будетъ такъ хитро и обдуманно, что мнѣ трудно со всѣмъ убѣжденіемъ возражать на оное. Но прочитавъ оное, я улыбнулся и увидѣлъ, какъ нестрашны хитрости людей неблагонамѣренныхъ для разбора напутствуемаго чистымъ намѣреніемъ и прямымъ взглядомъ.

Тутъ вспомнилъ я, какъ знаменитый Оксенштиерна*) назначилъ юнаго сына своего, только что кончившаго курсъ наукъ, на конгрессъ. Юноша испугался, какъ ему бороться со всѣми этими людьми, посѣдѣвшими въ дипломатиі. Но онъ ему сказалъ: «ступай, и ты увидишь, какъ легко человѣку съ дарованіемъ, идучи по прямому пути, побороть эти ложные умы». Его слова сбылись.

Я написалъ опроверженіе. То и другое прилагаются **). Государь остался доволенъ онымъ, говоря что въ мнѣніи Гурьева

*) Оксенштиерна Аксель, извѣстный шведскій дипломатъ время Густава-Адольфа, по смерти коего за малолѣтствомъ королевы Христины, во время 30-ти-лѣтней войны, былъ регентомъ Швеціи; ум. въ 1654 г. Ред.

**.) При подлинникѣ записокъ — «Опроверженія» этого не имѣется. Ред.

есть даже логическія ошибки и приказалъ князю Александру Николаевичу прочесть ему мое опроверженіе и сказать, что его величество въ полной мѣрѣ согласенъ со мною. При семъ случаѣ, министръ сказалъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ дать 10.000.000, когда не былъ приготовленъ на то. Князь объявилъ мнѣ объ этомъ.

— «Я зналъ, что у министра финансовъ денегъ не будетъ для строенія храма и потому я заранѣе озаботился и имѣю въ виду 10.000.000, т.-е. заемъ въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ, а министръ финансовъ, обѣщавшійся ежегодно отпускатъ 2.000.000, пускай уплачиваетъ оними долгъ».

Это было доведено княземъ до свѣдѣнія государя.

Опять довольно странно, что и тутъ найдено средство преодолѣть препятствіе. Государь велѣлъ объявить министру финансовъ, который замѣтилъ, что опекунскій совѣтъ не можетъ ссудить сей суммой.

Я объявилъ князю, что я не осмѣлился бы сдѣлать невозможное предположеніе, и потому передъ отъѣздомъ я справлялся въ совѣтѣ и узналъ готовность онаго сдѣлать сіе. Тогда было приказано оффиціально спросить Н. Л. Львова, старшаго члена совѣта, о возможности такого займа. Спустя двѣ недѣли былъ полученъ удовлетворительный отвѣтъ.

Казалось, препятствія были устранены; тогда министръ (Гурьевъ) прибѣгнулъ къ новому извороту, говоря, что такой заемъ нельзя учредить, ибо это противно комисіи погашенія долговъ. На это я представилъ прилагаемое мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что оборотъ сей, доставляющій приобрѣтеніе, не есть долгъ, въ собственномъ смыслѣ слова, но распоряженіе, необходимое въ сіе время, само собою уничтожающееся и совершенно сообразное съ началами принятой нынѣ финансовой системы, почти всѣхъ европейскихъ государствъ.

Послѣ сего министръ уже не дѣлалъ опроверженій—и мнѣніе мое состоялось. При семъ нельзя не замѣтить явнаго противудѣйствія со стороны министра финансовъ. Причина сего кажется ясна: распоряженіе мое было слишкомъ выгодно для казны и слишкомъ невыгодно для министерства, коего требованія довольно видны въ возраженіи министра, «что никто не захочетъ продавать своихъ имѣній, по многу назначенной низкой цѣнѣ»;—

на что я возразилъ согласіемъ помѣщиковъ не токмо по сей, но и по низшей цѣнѣ уступить казнѣ.

Вслѣдъ за симъ утвержденъ императоромъ проектъ комисіи съ экономической частью.

Съ сего времени начинается новый образъ дѣятельности по сему предмету, и посему мы остановимся тутъ.

7-го іюля 1820 г. состоялся рескриптъ на имя князя Александра Николаевича *):

„Князь Александръ Николаевичъ! Манифестомъ даннымъ въ Вильно въ 25-й день декабря 1812 года, возвѣстилъ я намѣреніе соорудить въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя, вслѣдствіе чего и заложенъ сей храмъ октября 12 дня 1817 года на Воробьевыхъ горахъ по утвержденному мною плану академика коллежскаго ассесора Витберга.

„Нынѣ для производства строенія по сему плану и для распоряженія назначаемыми къ тому денежными и другими пособіями, призналъ я за нужное учредить комисію изъ двухъ первенствующихъ и двухъ непремѣнныхъ членовъ: первенствующими членами сей комисіи повелѣваю быть митрополиту московскому Серафиму и московскому военному генераль-губернатору князю Голицыну; непремѣнными — коллежскому ассесору Витбергу, въ званіи директора строенія и экономической части, и одному совѣтнику, который отъ меня впредь назначенъ будетъ.

„Я поручаю вамъ привести сіе въ надлежащее исполненіе и объявить о семъ первенствующимъ членамъ комисіи. Пребываю вамъ всегда благосклонный Александръ“ (**).

Обанчивая сію часть, нельзя не упомянуть съ благодарностью о томъ вниманіи, которое оказывали моему проекту люди извѣстные, ученые, путешественники, посланники почти всѣхъ европейскихъ дворовъ, ... о томъ горячемъ желаніи, съ которымъ старались его видѣть; о многихъ уже было сказано; изъ про-

*) Далѣе въ подлинникѣ отиѣткой «текстъ рескрипта», но его не приведено. Выписываемъ этотъ документъ изъ П. С. З. т. XXXVII, № 28,349. Ред.

**) При рескриптѣ приложены: штатъ комисіи для сооруженія храма Христа Спасителя въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ. См. П. С. З. книгу штатовъ, къ № 28,347. Совѣтникомъ въ комисію впоследствии времени былъ назначенъ по ходатайству Витберга—Арвадій Павловичъ Руничъ, братъ его друга Дмитрія Рунича; къ этому послѣднему имѣется подлинная записка Витберга; увѣдомляя объ этомъ назначеніи, онъ заключаетъ записку: «...нынѣ въ особенноти пріятно обо всемъ этомъ извѣстить перваго васъ, — вчерась вечеромъ въ 9 часовъ говорилъ я объ этомъ съ государемъ....». Ред.

чихъ скажемъ о нѣкоторыхъ тоѣмо особенно замѣчательныхъ: сардинскій посланникъ (въ 1817 году) разсматривая какъ художникъ, какъ итальянецъ, замѣтилъ одному изъ спрашивавшихъ его, что «этотъ храмъ выше храма св. Петра, строеннаго во вкусѣ падшей (нашей) архитектуры того времени». Это сужденіе мнѣ много льстило. Итальянецъ, отрекающійся отъ своего св. Петра!

Герцогъ Девонширскій обратилъ вниманіе на другую часть проекта: какъ англичанинъ, на—экономическую, и съ тѣмъ глубокимъ сознаніемъ дѣлъ финансовыхъ, которыя имъ такъ врожденны, какъ артистическія понятія—итальянцамъ, съ восторгомъ сказалъ: «Такиа средства имѣеть одна Россія!»

Лестные отзывы, похвалы стремились отвсюду; съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я письмо знаменитаго Вибинга въ Мюнхенѣ, который, издавая архитектурную книгу, въ коей помѣщая знаменитѣйшія зданія нашего вѣка, просилъ прислать ему мой проектъ, о которомъ онъ писалъ какъ о первомъ зданіи нашего вѣка. Но тогда мнѣ было не до того; я не могъ его удовлетворить,—тогда уже начались всѣ гнусности интриги, которая завлекла меня.

Говоря объ этихъ мнѣніяхъ, нельзя умолчать о мнѣніи знаменитаго генерала нашего Милорадовича, который спросилъ меня: «изъ чего будутъ колонны?»

«По недостатку хорошаго камня, онѣ будутъ изъ того дикаго камня, который можно найти въ Московской губерніи, или даже изъ кирпича».

— «Почему же не изъ финляндскаго гранита?»

«Это чрезмѣрно будетъ дорого, возразилъ я, по огромности колоннъ и по дороговизнѣ самой доставки».

— «По моему тѣмъ-то и лучше, чѣмъ дороже; чѣмъ труднѣе, тѣмъ болѣе славы для памятника Россіи; дешевое, легкое—всякій можетъ сдѣлать».

Такъ люди, отличные въ какомъ бы отношеніи ни были—сочувствуютъ великому!

Вотъ еще встрѣча другого рода: *) зимою 1817 года Воробьевскій священникъ пришелъ ко мнѣ рассказать, что былъ ка-

*) Далѣе зачеркнуто: «въ 1817 г. приѣхавшій изъ Константинополя грекъ Ставопуло»...

кой-то грекъ изъ Царяграда у него, по имени Станонуло, съ чудотворною иконою живоноснаго источника (зоондохопіи) *). Онъ просилъ отслужить ему молебень на мѣстѣ закладки храма, прося взять для этого случая икону съ собою, имъ принесенную, о которой мы сказали; ибо имѣлъ трибратное видѣніе во снѣ св. Николая, который повелѣвалъ ему идти въ Москву служить молебень на Воробьевыхъ горахъ, на мѣстѣ заложенаго храма. Во время молебна священникъ замѣтилъ потокъ воды на иконѣ. Грекъ замѣчалъ, что въ этой иконѣ сокрыто свойство появленія сего потока. Священникъ же замѣтилъ, что когда они пришли, на террасѣ снѣгъ былъ расчищенъ, не зная впрочемъ кѣмъ. Во время самаго молебна грекъ вынулъ какой-то сосудъ и лилъ изъ него воду на камень и, по окончаніи, вручилъ ему записку, которую просилъ, чтобы онъ довелъ до своего начальства, и что нельзя ли слова, написанныя на ней, написать гдѣ-либо въ храмѣ, и что онъ уже донесъ объ этомъ преосвященному Августину. На сожалѣніе мое, что я не видалъ этого монаха, священникъ сказалъ, что онъ по тому же видѣнію идетъ въ Петербургъ; но по возвращеніи его обѣщался бытъу меня; какъ и случилось. Мнѣ очень хотѣлось знать подробности сего происшествія. Въ одну ночь, просыпаясь, онъ видитъ свѣтлое изображеніе, въ которомъ узнаетъ святителя Николая, повелѣвающаго ему идти въ Москву, несмотря на всѣ препятствія, и отслужить тамъ молебень на мѣстѣ вновь заложенаго храма. Это было три раза и наконецъ съ угрозами. Сверхъ того изъ Москвы видѣніе повелѣвало ему идти въ Петербургъ, для причащенія въ Александро-Невской лаврѣ. Послѣ перваго явленія онъ нашелъ у себя на груди образъ. Онъ собирался, медлилъ, и въ третій разъ явился св. Николай съ угрозами, и онъ немедленно отправился съ образомъ и взялъ воду изъ особаго славящагося источника. Такимъ образомъ онъ дошелъ до Москвы. Это было въ началѣ греческой войны.

Передаю сей случай какъ мнѣ было рассказано, не вникая ни въ какія изслѣдованія. Объ этомъ можно справиться въ донесеніи, сдѣланномъ тогда синоду.

Въ это же время познакомился я съ Кочубеемъ, который вни-

*) Далѣе зачеркнуто: «и что самъ священникъ замѣтилъ на той иконѣ потокъ воды»... Ред.

каль во всѣ подробности проекта и даже сообщил мнѣ весьма важное замѣчаніе, которымъ я и воспользовался въ полной мѣрѣ, тѣмъ страннѣе, что множество художниковъ смотрѣвшихъ не попадали на эту мысль. Именно ему казалось, что по обширности плана, середина его слишкомъ мала (тогда діаметръ купола былъ 12 саж.). Истина сего замѣчанія столь очевидна, что я съ удивленіемъ видѣлъ, какъ я еще дотолѣ увлекался храмомъ Петра, что не замѣчалъ несообразности этой. Я тотчасъ сталъ переработывать эту часть и въ послѣдствіи достигъ, давши 27 сажень діаметру купола.

Кочубей вскорѣ уѣхалъ въ чужіе края и изъ Италіи писалъ къ князю Александру Николаевичу (Голицыну), что желательно бы было, чтобъ я побывалъ хоть на короткое время въ Италіи или въ Римѣ, для моихъ занятій.

Князь передалъ это государю, который сказалъ: «я о Витбергѣ совсѣмъ не такъ думаю; путешествіе можетъ повредить его проекту; онъ сдѣлалъ теперь произведеніе оригинальное, но можно ли ручаться, чтобъ онъ не увлекся тамъ древними памятниками, что сталъ бы подражать».

Это замѣчаніе совершенно согласовалось съ моимъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Прежде проекта я весьма желалъ путешествовать, вполне понимая всю пользу отъ этой, такъ сказать, опытности въ мѣрѣ изящнаго; но тутъ другое чувство родилось. Мнѣ хотѣлось доказать, что человѣкъ равно можетъ обойтись и безъ итальянскаго ученія и вліянія чужеземнаго для созданія творческаго, и тѣмъ выше будетъ оно; даже какое-то чувство національной гордости заставляло меня отдалять все не отечественное, для бѣльшей самобытности.

XI.

Проницательный вопросъ, сдѣланный императоромъ о моемъ воспитаніи и моей жизни, столь естественно возникнувшій у него, вѣроятно возникнетъ и у каждаго мыслящаго человѣка, пробѣгающаго листы *) сіи. Посему, удовлетворяя его, опишу я главныя черты моего воспитанія и моей жизни.

Начальное воспитаніе мое было въ горномъ корпусѣ; оно

*) Въ мѣсто зачеркнутаго: «строки».

было прервано тяжелой болѣзнію, какъ видно изъ моего отвѣта государю. Тогда меня готовили для званія доктора медицины; но въ душѣ я имѣлъ отвращеніе и отъ сей науки и отъ самыхъ занятій, которыя часто могли влечь смерть челоуѣка. Другое призваніе манило меня—искусства изящныя.

Я объявилъ это моему отцу, и хотя ему должно было быть непріятно, что я измѣняю его назначеніе, хотя онъ могъ полагать, что я по молодости могу слѣдовать первому увлеченію; но руководимый прямымъ взглядомъ, онъ не воспрепятствовалъ мнѣ, и представя на видъ всѣ отношенія, вслѣдствіе которыхъ онъ избралъ мнѣ сіе званіе, онъ оставилъ полную волю, замѣтивъ, что онъ по опыту знаетъ, какъ худо препятствовать естественнымъ склонностямъ. Въ молодости своей онъ чрезвычайно хотѣлъ избрать военную службу; но отецъ его, ставя на видъ недостаточное состояніе его и собственный примѣръ, не дозволилъ ему. Исполняя его волю, онъ отправился изъ Карлскрона въ Копенгагенскую Академію. Но какъ онъ занимался не отъ души, то и кончилось тѣмъ, что едва приобрѣлъ настолькоъ талантовъ, чтобъ бѣдно поддерживать свою жизнь. Впослѣдствіи отецъ мой, въ теченіи 40-лѣтнихъ трудовъ, только приобрѣлъ небольшое недвижимое имѣніе въ Московской губерніи, которое, наконецъ, перешло ко мнѣ съ долгами.

Меня учили музыкѣ и именно играть на скрипкѣ. Странно то, что я не могъ никакъ выучиться нотамъ. Я вскорѣ сталъ играть, но ноты мнѣ казались чрезвычайно трудными оковами, положенными для тягости, и я обыкновенно добавлялъ невѣдѣніе ихъ ухомъ, которое было очень вѣрно у меня, такъ, что учителя не всегда замѣчали, что я играю по слуху, а не по нотамъ.

Любовь къ изящнымъ искусствамъ еще болѣе питалась во мнѣ *) большою галлереею изъ оригинальныхъ произведеній у зятя моего, извѣстнаго въ Петербургѣ Герлаха. ¹²⁾ Въ Академію попасть на казенный счетъ было довольно трудно, хотя я и тщательно занимался рисованіемъ; посему сначала явилось—было у меня намѣреніе: съ историческаго эстампа изъ священной исторіи скопировать водяными **) красками (en gouache) и хотѣлъ

*) Зачеркнуто: «довольно большою».

Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «соковыми».

Ред.

его поднести императору, прося помѣстить меня въ Академію для развитія способностей. Я началъ исполнять свое намѣреніе, когда представился другой случай. Графъ Строгоновъ, узнавъ отъ академика Воронихина о признакахъ таланта во мнѣ, способствовалъ моему принятію въ Академію на казенный счетъ, и я попалъ въ 4-й возрастъ, избравъ себѣ историческую живопись.

Профессоръ живописи Угрюмовъ *), замѣтивъ талантъ мой, заставилъ меня копировать довольно сложную историческую картину Гвидо-Рени, и когда я отзывался, что никогда не копирувалъ, онъ сказалъ мнѣ: «сладись, братъ, сладись». И дѣйствительно, я скопировалъ картину довольно хорошо. Послѣ сего я не болѣе копировалъ какъ четыре картины, не чувствуя ни малѣйшей склонности къ копированію; напротивъ я былъ вскорѣ весьма прилеженъ въ представленіи эскизовъ для каждаго ежемѣсячнаго экзамена на заданныя программы, сначала рисованныхъ, а впослѣдствіи писанныхъ. Одинъ изъ таковыхъ сдѣлалъ вдругъ извѣстнымъ меня въ Академіи. Однажды профессоръ Угрюмовъ не имѣлъ времени избрать программу и предоставилъ выборъ мнѣ. Я избралъ Освобожденіе св. Петра изъ темницы, который и былъ заданъ для всѣхъ. Написанный мною эскизъ обратилъ вниманіе профессоровъ, которые назвали мастерскимъ это произведеніе. Соединеніе двухъ свѣтовъ, одного отъ ангела, освѣщавшаго апостола и ближайшіе предметы, и вдали свѣта луны, освѣщавшаго дальніе предметы, дѣлали пріятную гармонію и эффектъ этой картины. Я былъ призванъ въ совѣтъ и меня осыпали похвалами и назначили, чтобы къ предстоявшему открытію Академіи, въ Петровъ день, поручено мнѣ было написать въ болѣшемъ видѣ этотъ эскизъ, для выставки,—что и было мною сдѣлано. Картина сія была одобрена публикою и описана учителемъ**) Шредеромъ въ журналъ на нѣмецкомъ языкѣ, издаваемомъ имъ. Во время открытія (Академіи) императрица Марія Ѳеодоровна обратила на нее вниманіе и пожелала меня видѣть. Я былъ осыпанъ ея ласками; она говорила, что я много

*) Извѣстный по двумъ огромнымъ картинамъ, заказаннымъ императоромъ Павломъ для Михайловскаго дворца: избраніе Михаила Ѳеодоровича и взятіе Казани.

Примѣч. А. И. Герцена.

**) Зачеркнуто: «кадетскаго корпуса».

Ред.

обѣщаю. Эскизъ сей я подарилъ моему родителю, который весьма былъ обрадованъ моему успѣху; первый же эскизъ просили у меня академикъ Михайловъ¹³⁾ и ректоръ Академіи скульпторъ Гордѣевъ¹⁴⁾, которому я и уступилъ.

Вскорѣ получилъ я серебряную медаль*). Сначала я совсѣмъ не ждалъ медали; но на экзаменѣ получилъ довольно близкій номеръ за рисунокъ съ натуры; это подстрекнуло меня. Къ слѣдующему экзамену я занялся очень прилежно, не спалъ ночей; но получилъ очень далекій номеръ, ибо истощая силы, притуплялъ такъ сказать способности. Въ самомъ дѣлѣ, картина была плоха. Тогда я положилъ себѣ за правило впередъ не насиловать такъ своего таланта и работать свободно. Въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій третней экзаменъ получилъ младшую медаль за рисованіе съ натуры, а вскорѣ и старшую серебряную по заданной программѣ. Для баллотировки на золотую медаль былъ заданъ**) «Владиміръ, принимающій дары отъ греческихъ пословъ». По болѣзни я не могъ ею заняться. Академія, цѣнившая мои способности, объявила мнѣ, что я могу поступить въ пансіонеры за извѣстный эскизъ св. Петра. Я отвѣчалъ, что мнѣ пріятнѣе бы было еще болѣе усовершенствовать себя. И я былъ оставленъ. Черезъ годъ была задана программа Навуходносора, ввергающій юношей въ печь огненную. За сію картину я получилъ младшую золотую медаль и съ тѣмъ вмѣстѣ былъ наименованъ пансіонеромъ Академіи; не дожидаясь выпуска (получилъ) шпагу и аттестатъ 1-й степени.

Въ пансіонерствѣ задается послѣдняя программа и съ полученіемъ старшей золотой медали получается право на путешествіе въ чужіе края. Черезъ годъ была задана программа пансіонерамъ академіи: Марѳа Посадница приводитъ Мирослава къ Θεодосію, бывшему посаднику Новгородскому, для принятія благословенія, передъ отшествіемъ на битву. Θεодосій вручилъ мечъ съ надписью: «Я не достанусь врагамъ».

*) Въ подлинномъ зачеркнуто: «Въ теченіи четырехъ лѣтъ я кончилъ курсъ Академіи и былъ удостоенъ двумя серебряными и двумя золотыми медалями»...

Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «изъ Навуходносора, ввергающаго отроковъ въ огненную печь».

Ред.

Я былъ отвлеченъ нижеслѣдующими обстоятельствами отъ сего занятія. Великій князь Константинъ Павловичъ требовалъ отъ академіи способныхъ молодыхъ людей для нарисованія военныхъ костюмовъ. Хотя это не касалось до пансіонеровъ, но вице-президентъ Чекалевскій, думая мнѣ сдѣлать пользу, назначилъ и меня. Великій князь принялъ насъ весьма благосклонно (т.-е. меня съ двумя товарищами). Занятія наши производились въ Мраморномъ дворцѣ подъ руководствомъ Орловскаго. Двое товарищей лѣнились и трудами ихъ былъ Орловскій недоволенъ; посему все дѣло оборвалось на мнѣ, и хотя было обѣщано много, но кромѣ пользованія столомъ отъ великаго князя, ничего не было *); а между тѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ (я) потерялъ, и въ это-то время была задана та программа, отъ исполненія которой я былъ отвлеченъ. Между тѣмъ насъ было двое по исторической живописи, и потому товарищъ мой¹⁵⁾ могъ получить большую медаль безъ всякаго соперничества. Посему, насколько время дозволяло, я началъ обрабатывать картонъ въ величину картины, не имѣя времени заняться самой картиной. Рисунокъ этотъ былъ выставленъ. Академія, зная причины, препятствовавшія мнѣ заняться, одобрила мой картонъ, похваливъ стиль и сочиненіе, но не имѣя права по оному дать медаль, отказала моему товарищу, а мнѣ назначила заняться программю на слѣдующій годъ. Программа сія состояла изъ Андромаха и Астіанакса, оплакивающихъ тѣло Гектора.

Поелику я всегда любилъ подавать свои эскизы писанными, я принесъ его позже прочихъ въ Совѣтъ и отдалъ ректору академіи; выходя изъ залы, я вскользь замѣтилъ особаго рода похвалу, изъ чего могъ заключить, что прочіе эскизы были слабѣе.

Каково же было мое удивленіе, когда, обѣдая у конференцъ-секретаря Лабзина, я увидѣлъ, что онъ нашелъ весьма слабымъ мой эскизъ, думая, что я удивлю всѣхъ; но это случилось не такъ.

Я спрашивалъ его, развѣ мой эскизъ дуренъ?

*) Въ рукописи съ боку приписка:

Ich hab'noch vergessen—

Er kann bei mir essen.

(Переводъ): Забылъ еще сказать —

Онъ можетъ у меня обѣдать. (Отрыв. изъ нѣм. пѣсни).

Ред.

— «Чему быть хорошему?» — и началъ критиковать.

Это меня смутило, особенно послѣ отзыва, слышаннаго мною.

Я спрашивалъ откровеннаго мнѣнія одного изъ профессоровъ, и тотъ отнесся съ величайшею похвалою и сказалъ, что (эскизъ мой) былъ лучший. Это еще болѣе увеличило мое недоумѣніе.

Между тѣмъ, по особенному уваженію къ Лабзину, о чемъ, какъ и о моемъ знакомствѣ съ нимъ, скажу ниже, я, не понимая, что могло (побудить) его такъ отзываться и слыша его критику, сталъ помышлять о перемѣнѣ моей идеи и приблизиться къ идеи болѣе близкой къ выраженной Лабзинымъ, несмотря, что я зналъ, что онъ какъ художникъ прямо судить не могъ.

Я перемѣнилъ свое сочиненіе и занялся уже выполненіемъ своей картины. Между тѣмъ Совѣтъ, обходящій всякій мѣсяць кабинеты пансіонеровъ, чѣмъ-то задержанный, сталъ обходить черезъ два мѣсяца. Программа моя въ большомъ видѣ была вся приготовлена. Подлѣ нея висѣлъ первый мой эскизъ. Совѣтъ долгое время молчалъ, обращая вниманіе на первый эскизъ. Такое молчаніе казалось мнѣ подозрительнымъ и я угадывалъ мысль Совѣта, что я худо сдѣлалъ отойдя отъ первой идеи. И дѣйствительно ректоръ и нѣкоторые изъ старшихъ, вопрося, обратились ко мнѣ весьма деликатно, боясь оскорбить меня, почему я отошелъ отъ первой идеи?

Естественно, что я былъ крайне оскорбленъ внутренно этимъ и я не зналъ, что сказать кромѣ того, что новый представленный имъ кажется удовлетворительнѣе.

— «Напрасно, напрасно оставилъ свою идею», сказалъ совѣтъ, «но теперь дѣлать нечего, время немного, продолжайте вашу картину».

Лишь только Совѣтъ оставилъ мой кабинетъ, какъ въ одно мгновеніе уничтожилъ я эту картину и тотчасъ занялся новою, въ точномъ смыслѣ согласною съ первою моею идеею, надѣясь, что въ теченіи мѣсяца буду въ состояніи ее произвести, хотя это *) должно было казаться невозможнымъ. Сроку выставки приближался (1-е сентября), но у меня много еще оставалось для довершенія; такъ что, при всемъ стараніи моемъ, я долженъ былъ отбросить Астіанакса и его кормилицу и при всемъ томъ вообще

*) Зачеркнуто: «всякому».

картина была не въ окончательномъ видѣ выставлена. Несмотря на то, я былъ удостоенъ по ней большой золотой медали, вмѣстѣ съ тѣмъ (получилъ) право на путешествіе, съ замѣчаніемъ, что Совѣту извѣстны мои таланты и что вѣроятно вѣтъ-нибудь была сдѣлана помѣха моимъ занятіямъ, вслѣдствіе коего не окончена картина. Самъ Лабзинъ объявилъ мнѣ о семъ, сказавъ мнѣ, что онъ крайне сожалѣетъ, что онъ былъ помѣхою въ моемъ занятіи, и впредь обѣщавъ такъ быстро не высказывать художникамъ своего мнѣнія.

Здѣсь мѣсто говорить, почему я имѣлъ такое довѣріе къ Лабзину и какъ я сблизился съ нимъ.

XII.

Во время перваго года моего курса воспитанники академіи просили дозволенія у президента о устроеніи театра, и въ этомъ случаѣ не обошлось безъ моего содѣйствія, какъ старшаго. Назначена была пьеса Сынъ любви, Коцебу. Всё производилось подъ руководствомъ Лабзина, у котораго былъ образованъ свой пріятельскій театръ и потому собирались къ нему для чтенія ролей; я считалъ это ненужнымъ и не явился къ нему для репетиціи, и не задолго предъ представленіемъ читалъ только часть роли, и Лабзинъ былъ мною недоволенъ; но во время самаго представленія Лабзинъ восхищался моею игрою; ему все нравилось во мнѣ. Слѣдствіемъ сего было, что Лабзинъ пригласилъ меня въ пріятельскій театръ, который находился у одного изъ его близкихъ друзей. Товарищъ мой, приглашенный къ нему, боясь строгости его, уклонился отъ сего; я же, считая неприличнымъ не идти къ нему, отправился. Меня приглашали участвовать въ семъ театрѣ, составленномъ изъ совокупныхъ усилій, и я взялъ на себя декорационную часть. Вскорѣ я сталъ участвовать и въ самыхъ представленіяхъ. Такимъ образомъ знакомство наше съ Лабзинымъ дѣлалось тѣснѣе и я имѣлъ случай часто провозжать у него вечера съ нимъ и съ его пріятелями, гдѣ я всегда проводилъ время съ большимъ удовольствіемъ среди его христіанскихъ бесѣдъ. Знакомство это мнѣ очень нравилось, ибо я видѣлъ въ Лабзинѣ очень умнаго и пламеннаго человѣка и извѣстнаго издателя «Сіонскаго Вѣстника».

Пользуясь нѣкогда тѣмъ вліяніемъ, которое имѣлъ *) извѣстный Новиковъ въ Москвѣ, котораго рвеніемъ книгопечатаніе такъ усилилось у насъ, Лабзинъ имѣлъ взглядъ несравненно высшій обывновеннаго взгляда швольныхъ ученыхъ. Имѣя превосходный даръ слова, онъ одушевлялъ всякую бесѣду. Лабзинъ совершенно посвятилъ себя на издаваніе христіанскихъ сочиненій, онъ горѣлъ любовью къ религіи и во всему высокому, имѣлъ быстрый взглядъ, сердце доброе; но съ тѣмъ вмѣстѣ излишнее самолюбіе часто заставляло его входить въ погрѣшности, выражалось въ гордость и тѣмъ былъ тяжелъ для многихъ; особенно не умѣлъ (онъ) обуздывать своихъ выраженій и раздражительность. Онъ былъ переводчикъ многихъ религіозныхъ книгъ, сочиненій Эккартегаузена (съ которыми онъ былъ въ перепискѣ), Штиллинга и нѣкоторыхъ другихъ. Ревностный защитникъ обрядовъ грегороссійской церкви, ненавидящій все непрямое, лукавое, и наконецъ вѣрный подданный. Знакомый съ многими подобными предметами, ему легко было написать, по порученію императора Павла, когда онъ сдѣлался гротмейстеромъ Мальтійскаго ордена **), исторію сего ордена, имѣвшаго столь христіанское основаніе. Его пылкій характеръ часто завлекалъ его въ ошибки, но стремленіе его было всегда чисто.

Такъ, наприимѣръ, какой-то графъ Грабіенко, пріѣхавшій въ Петербургъ, выдавалъ себя за посланника Провидѣнія. Умъ сего фанатика сильно подѣйствовалъ на Лабзина и онъ чуть не попалъ въ фанатизмъ вмѣстѣ съ нимъ.

Впрочемъ, я не считаю умѣстнымъ рассказывать всю жизнь Лабзина, ибо хочу только настолько сказать о немъ, насколько это входить въ мою жизнь. Чтобы видѣть его пламенный и увлекающійся характеръ, достаточно рассказать тоюмо одинъ случай изъ его жизни, навлекшій на него гнѣвъ государя.

Президентъ ***) Академіи О л е н и н ъ предложилъ въ одномъ общемъ собраніи Академіи ¹⁶⁾ о баллотированіи въ почетные любители-члены Академіи: А р а к ч е е в а, Г у р ь е в а и К о ч у б е я. На вопросъ конференцъ-секретаря, чтѣ отличнаго въ этихъ лицахъ и чѣмъ

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «распространялось около».

Ред.

**) Съ боку приписка въ подлинникѣ: «Узнавъ вѣроятно о способностяхъ Лабзина отъ тогда освобожденнаго Новикова».

Ред.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «вице-президентъ».

Ред.

они могутъ быть полезны Академіи и искусствамъ, представляя на видъ, что по Положенію только такіе баллотируются въ почетные члены, которые имѣютъ или музеи, или извѣстны особенно любовью къ искусствамъ, президентъ отвѣчалъ; что эти лица близкіе государю.

— «А когда такъ, то всѣхъ ближе къ государю Илья вучеръ, да и сидитъ къ его величеству спиною».

Президентъ Оленинъ, мимо министра просвѣщенія, донесъ черезъ Аракчеева до государя сіе и давно искавши случая избавиться Лабзина, который былъ слишкомъ уменъ и твердъ.

Лабзинъ умеръ, удаленный въ Симбирскъ, ибо духъ его, привыкнувшій къ дѣятельности, не могъ перенести тягости ссылки; онъ впалъ въ чахотку и перешелъ въ другую жизнь въ самомъ короткомъ времени.

«Сіонскій Вѣстникъ», издаваемый имъ съ его христіанскимъ направленіемъ, дѣйствовалъ сильно на публику; но и тутъ его необузданный умъ часто заставлялъ его переходить предѣлы благоразумія и онъ былъ запрещенъ около 1806 года.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ самъ рассказывалъ мнѣ о семъ происшествіи такъ:

Еще князь (по собственному выраженію) былъ вольнодумомъ. Когда же онъ и императоръ съ 1812 года предались болѣе религіознымъ чувствамъ, разрѣшено было опять издавать «Сіонскій Вѣстникъ» и онъ продолжался до тѣхъ поръ, пока Лабзинъ успѣлъ до того раздражить духовенство, что ему снова запретили онъ.

Говоря о Лабзинѣ, скажемъ и о его наружности, которая такъ тѣсно связана съ внутреннею жизнію. Видъ его былъ важенъ *), держалъ голову болѣе вверхъ, очки, большой носъ и что-то презрительное въ губахъ; самая походка его придавала ему что-то важное и гордое.

Пылкій характеръ Лабзина увлекалъ его всегда за всѣ предѣлы. Онъ ни въ чемъ не зналъ умѣренности. Такъ исключительна была его преданность къ греческой церкви. Понимая высоко христіанство, онъ никакъ не могъ подняться до общаго взгляда, до общей любви, обнимающей всѣ церкви; я самъ вполне

*) Въмѣсто зачеркнутого: «гордъ».

понималъ высоту ритуала греческаго, дающаго столь обильное поле мыслящему человѣку, но странно было видѣть ту исключительность, которую ей давалъ Лавзинъ.

Таковъ онъ былъ и въ прочихъ отношеніяхъ. Преданный религиозно-философскимъ изысканіямъ, онъ требовалъ, чтобы всѣ жертвовали своими занятіями вопреки призванію, вопреки талантамъ, считая все низкимъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы питать жаръ и любовь во мнѣ къ искусствамъ, онъ охлаждалъ меня къ нимъ, отвлекая отъ нихъ. Эта односторонность, можетъ происходившая и отъ того, что онъ самъ не имѣлъ никакой симпатіи *) къ художествамъ, не свидѣтельствуешь въ пользу взгляда Лавзина, не могшаго подняться до эстетической высоты великаго человѣка. Можетъ, это было отдаленной причиной нашего разъединенія, впоследствии случившагося.

Извѣстный рисунокъ мой «Марѳа Посадница» подарилъ я Лавзину. У него увидѣлъ его московскій генералъ-губернаторъ Ростопчинъ, приѣхавъ въ 1812 году въ Петербургъ, будучи давній знакомый Лавзина. Ростопчинъ, большой любитель изящныхъ произведеній, былъ пораженъ моимъ картономъ. Лавзинъ спрашивалъ: не угодно ли графу имѣть его? Тотъ желалъ бы весьма; но не зналъ какъ сдѣлать, слышавъ, что я подарилъ его Лавзину. Лавзинъ прислалъ за мной, объявилъ желаніе графа познакомиться со мной и имѣть картину. Я отозвался на второе тѣмъ, что картина принадлежитъ ему и я располагать ею не могу. Лавзинъ послѣ этого, именемъ моимъ, и подарилъ графу картину; но графъ не хотѣлъ быть въ долгу, и понимая своль было бы не деликатно предложить мнѣ прямо деньги, онъ, слышавъ, что я назначенъ путешествовать, прибавилъ по 500 рублей на годъ для путевыхъ издержекъ, что составляло 2000 рублей. О чемъ и было записано въ журналѣ Академіи.

Поелику я, по причинамъ изложеннымъ выше, не воспользовался этимъ путешествіемъ, то доселѣ и не получилъ этихъ денегъ. Впоследствии скажемъ нѣсколько и объ этомъ извѣстномъ и замѣчательномъ человѣкѣ.

Въ то же время имѣлъ я счастье познакомиться съ Держа-

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «эстетическаго чувства».

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. V. 1872 г. АПРѢЛЬ.

винимъ черезъ Лабзина. Для него я нарисовалъ двѣ виньетки въ лиро-эпическимъ сочиненіямъ. Державинъ былъ весьма знакомъ съ Лабзинымъ; онъ обыкновенно читалъ своимъ прекраснымъ (голосомъ) его сочиненія въ обществѣ любителей русскаго слова, ибо Державинъ читалъ очень дурно; не всѣ поэты имѣютъ ту превосходную способность, съ которою читаетъ намъ Крыловъ свои произведенія. Даже обыкновенно посылалъ Державинъ въ нему (Лабзину) свои стихи для грамматической корректуры. Я послѣ того часто посѣщалъ его. Домъ Державина былъ совершенно въ духѣ поэта: снаружи видны были однѣ коллонады, среди которыхъ былъ домъ чрезвычайно изящно расположенный (близъ Фонтанки, у Обухова моста). Приемъ его былъ всегда привѣтливъ. Все извѣстно объ немъ, слѣдственно говорить нечего; скажу только, что онъ вѣчно ходилъ въ тепломъ халатѣ, даже за обѣдомъ при гостяхъ, и съ маленькой собачкой за пазухой. Его задумчивость и каждое слово свидѣтельствовали о безпрерывномъ одушевленіи.

Лабзинъ былъ женатъ на вдовѣ¹⁸; но дѣтей ни у него, ни у нея не было; потому онъ взялъ къ себѣ въ домъ на воспитаніе сироту¹⁹. Лабзину весьма хотѣлось выдать ее замужъ, но старанія его были безуспѣшны. Онъ обращалъ вниманіе болѣе на богатыхъ знакомыхъ, которые не подавались на это. Ей тогда было лѣтъ 13 или 14 *). Будучи короткою у него въ домѣ, я не былъ совершенно равнодушенъ къ ней, и меня занимала мысль жениться на ней, возвратясь изъ путешествія. Но руководимый осторожностью, я хотѣлъ ближе узнать ея характеръ. Посему предложилъ я давать ей уроки рисованія. Предложеніе было принято съ благодарностью. Посему я имѣлъ случай въ недѣлю два раза быть нѣсколько часовъ съ своею ученицею. Казалось, что Лабзинъ и его жена имѣли на мой счетъ виды.

Въ это время сталъ вхожъ къ Лабзину Артемьевъ, молодой человѣкъ съ дарованіями (онъ былъ титулярный совѣтникъ), котораго отецъ привезъ въ Петербургъ на службу и ввѣрилъ Лабзину. Лабзинъ помѣстилъ его въ ученый (sic) департаментъ адмиралтействъ-коллегіи, гдѣ самъ онъ былъ членомъ. Артемьевъ былъ сынъ богатаго человѣка и потому нѣсколько избалованъ.

* Далѣе зачеркнуто: «и я сдѣлавшись (?), обратилъ (Лабзинъ?) свое вниманіе и на меня»...

Характеръ его былъ строптивъ, тяжелъ, гордъ и безпокоенъ; это затрудняло его пріятелей, и я одинъ оставался съ нимъ довольно короткимъ. Лабзинъ любилъ его за дарованія, но весьма затруднялся насчетъ его характера. Вскорѣ я сталъ замѣчать, что Лабзинъ и на Артемьева имѣлъ такіе же виды, какъ на меня, вѣроятно принимая въ соображеніе его богатство; оно давало ему преимущество, понимая всѣ недостатки его. Это не могло сокрыться и внутренно оскорбило меня; я видѣлъ, что его хотѣли — по состоянію, меня — по характеру; видѣлъ даже, что и меня не хотятъ совсѣмъ потерять, думая, ежели Артемьевъ, по своей вѣтренности, измѣнится въ желаніи, то опять принятъ за меня; я былъ какъ бы на подставу.

Артемьевъ не былъ равнодушенъ къ питомицѣ Лабзина. Наблюдая довольно строго за ея характеромъ, вскорѣ я началъ замѣчать въ ней не тотъ кроткій нравъ, который я предполагалъ. Я замѣтилъ, что она заразилась нѣкоторою избалованностью и гордостью. Наконецъ даже я сталъ замѣчать, что и она неравнодушна къ Артемьеву, по крайней мѣрѣ къ его состоянію. Я видѣлъ посему, что она не можетъ составить моего счастья и я сталъ холоднѣе. Но равно не обнаружилъ я ни настоящихъ, ни прежнихъ чувствъ никому.

Въ это время приѣхали въ Петербургъ въ концѣ 1809 года мать и сестры Артемьева.

ХІІІ.

Однимъ вечеромъ, когда я пришелъ давать свой обычный урокъ воспитанницѣ Лабзина, я встрѣтилъ въ горницѣ двухъ незнакомыхъ дѣвушекъ. Это были сестры Артемьева. Я ихъ не видалъ прежде ни разу. Взглядъ, брошенный мною на одну изъ нихъ, встрѣтился съ ея взглядомъ, и такъ сильно, такъ невыразимо подѣйствовалъ на меня, что я опустилъ свои глаза и мы не смѣли другъ на друга взглянуть. Вскорѣ я съ ними познакомился близко и замѣчалъ, что та, которая такъ сильно подѣйствовала на меня, какъ бы была менѣе любима въ своей семьѣ. Это еще болѣе сдѣлало меня къ ней неравнодушнымъ. Казалось, что и въ ней была симпатія ко мнѣ. Желая имѣть ея портретъ, я предложилъ нарисовать портреты всѣхъ ихъ и такимъ образомъ я срисовалъ мать и обѣ сестры и оставилъ у себя копіи

съ ихъ очерка. Меньшая сестра, при прощаніи со мною, когда я сказалъ, что «вотъ у насъ въ Петербургѣ остаются памятники ваши», отрѣзала локонъ своихъ волосъ, и тайно подавая его мнѣ, сказала: «вотъ и вамъ особый памятникъ».

Зимой поѣхали онѣ. Я и одинъ товарищъ мой поѣхали ихъ провожать верстъ за семь. Она сидѣла въ другой повозкѣ и горячія слезы и поцѣлуй и сильное внутреннее движеніе доказали всю любовь ея ко мнѣ. Она не могла удержать себя, сколько ни старалась. Тутъ мы поняли другъ друга вполне, хотя уже и прежде знали о нашихъ чувствахъ и назывались братьями и сестрами, къ чему подали поводъ сами мать и отецъ, назвавъ меня сыномъ.

XIV.

Въ началѣ 1806 года видѣлъ я особенно замѣчательный сонъ. Сны происходятъ или отъ пищи—грубые, другіе—отъ того, чѣмъ занята была душа, болѣе высшіе, какъ бы повтореніе дѣйствительнаго. Но наконецъ третьи сны, происходящіе отъ духовнаго міра, независимы отъ насъ и сообщающіе намъ какъ бы откровеніемъ будущее;—это языкъ добраго и злаго генія древнихъ, предупрежденіе, знакъ, указаніе *). Я видѣлъ себя въ какомъ-то огромномъ зданіи или храмѣ и какъ бы въ подземельи; оно какъ будто строилось и я находился въ числѣ участвовавшихъ въ строеніи. Въ срединѣ его находился высокій обелискъ; на уступахъ его стоялъ я на колѣняхъ и со слезами пѣлъ гимны, и такъ громко, что на другой день товарищи спрашивали: чтó я видѣлъ во снѣ? Потомъ представилось мнѣ, что я женатъ и живу на какой-то горѣ, среди обильной и роскошной природы, среди фонтановъ. Потомъ я видѣлъ часто посѣщающаго меня какого-то монаха; но каждое его появленіе наводило на меня ужасъ и отвращеніе, такъ что я его принималъ за злаго духа.

Дальнѣйшій рассказъ моей жизни объяснить кое-что изъ сего сна. Я сначала самъ не понималъ его; но послѣ, когда такъ рѣзко началъ онъ сбываться, — вспомнилъ его.

Лѣтомъ 1810 года Артемьевъ собирался въ отпускъ въ деревню къ отцу. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ академикъ Черновъ,²⁰⁾ челоуѣкъ примѣрной жизни, для того чтобъ приятно провести

*) Съ боку рукописи отмѣчено А. И. Герценомъ: «Сонъ Ломоносова».

вакаціонное время. Черновъ былъ такъ близокъ ко мнѣ, что я ему одному ввѣрилъ тайну моей любви, его просилъ о доставленіи Елизаветѣ Артемьевой секретнаго письма и просилъ привезти рѣшительный отвѣтъ. Въ немъ я былъ совершенно увѣренъ, такова была строгость его и чистота нравовъ.

Въ самый день отъѣзда собрались у Лабзина въ саду²¹⁾. Я пришелъ по обыкновенію нѣсколько позже, Лабзинъ уже спрашивалъ обо мнѣ. Черновъ сказалъ, что я занятъ письмомъ къ Артемьевымъ. Когда я явился, Лабзинъ, упрекая, что я всегда опаздываю, спросилъ: кончилъ ли я письмо?

Сказавъ ему что кончилъ, я весьма былъ смущенъ, откуда онъ знаетъ, что я писалъ; но наконецъ Черновъ объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ Лабзинъ узналъ.

Они уѣхали.

Между тѣмъ я обвинялъ себя въ скрытности отъ Лабзина и рѣшился открыть ему, считая себя обязаннымъ быть съ нимъ откровеннымъ. Узнавши объ этомъ, Лабзинъ чрезвычайно разгорячился. Старался доказывать, что мой поступокъ не обдуманъ, что мое исканіе у людей гордыхъ смѣшно, что я не имѣю ни богатства, ни чиновъ, въ то время какъ они отказывали даже людямъ очень богатымъ и извѣстнымъ; что, сверхъ того, мнѣ надлежитъ путешествовать и что я этой страстью приношу на жертву мой талантъ; что это сумасшедшая идея и пр. Дѣйствительно, Лабзинъ вынулъ письмо отъ старика Артемьева, въ которомъ онъ его спрашивалъ объ одномъ генералѣ, сватающемся за его дочь, и которому онъ отказалъ. Старикъ этотъ былъ избалованный Екатерининскій бригадиръ. Лабзинъ, не зная моего происхожденія, думалъ, что я не дворянинъ и находилъ въ этомъ новое препятствіе, не зная, что я происхожу отъ шведской старинной дворянской фамиліи.

Я не могъ не замѣтить, что болѣе всего раздражало Лабзина, что симъ видъ его на воспитанницу должны были измѣниться. Я увѣрилъ Лабзина, что въ этомъ дѣлѣ я не дозволю себѣ ни одного шага, руководствуясь одною страстью, и что хотѣлъ только знать ея мнѣнія, предоставляя времени остальное, ибо ежели есть судьба, то ничто не въ силѣ перемѣнить ее, а натягивать насильно я не считаю себя въ правѣ; не говоря уже о томъ, что я отклонилъ всякое подозрѣніе, что тутъ участвуютъ какіе-либо

расчеты, я обѣщался ему доказать строгость мою. Врядъ повѣрилъ ли Лабзинъ этому.

Такимъ образомъ я старался успокоить его; но Лабзинъ до того былъ раздраженъ, что нѣсколько дней былъ нездоровъ; но мы съ нимъ остались по прежнему друзьями.

По возвращеніи Чернова съ Артемьевымъ, онъ объявилъ мнѣ объ отвѣтѣ Елизаветы. Она сказала, что я самъ вижу препятствія, но что всё зависитъ отъ родителей.

Переписка съ семействомъ Артемьева продолжалась до 1812 года, но прекратилась во время войны. Ихъ помѣстье на Смоленской дорогѣ было занято непріателемъ и они бѣжали въ Нижній. Вскорѣ по полученіи чина коллежскаго ассессора, Артемьевъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ къ отцу въ деревню. Въ это время онъ открылся Лабзину въ любви къ его воспитанницѣ и просилъ ея руки. За нѣсколько дней до отъѣзда онъ сказалъ мнѣ объ этомъ. Лабзинъ былъ очень радъ и тотчасъ за будущаго зятя рекомендовалъ ей (мнѣ?) его. Притомъ Лабзинъ передалъ ему по секрету мои виды на его сестру. Артемьевъ началъ съ нѣкоторою укоришною мнѣ говорить, зачѣмъ я ему не открылъ своей тайны и неужели ждалъ съ его стороны препятствій, вслѣдствіе какихъ-либо расчетовъ? Я ему сказалъ, что съ моей стороны было-бы неблагоразумно говорить о дѣлѣ, котораго исполненіе еще такъ далеко, и что обстоятельства заставили меня сказать Лабзину. Онъ предлагалъ мнѣ свои услуги; на что я ему возразилъ, что единственная услуга, которую онъ можетъ сдѣлать, есть безусловное молчаніе, чтобы онъ даже сестрѣ не говорилъ.

«Но почему?»

— Такова строгость моихъ правилъ.

Несмотря на то, что онъ зналъ о моей любви къ его сестрѣ, онъ требовалъ съ меня честнаго слова, чтобы я не воспользовался его отсутствіемъ для исканій у его Софіи. Разумѣется, мнѣ легко было его увѣрить въ этомъ. Каково же было удивленіе Лабзина, когда съ первою почтою получилъ отъ Артемьева письмо, въ которомъ онъ нетоимо отказывается отъ руки Софіи, но даже отъ знакомства и переписки съ Лабзинымъ. Столь страненъ былъ характеръ этого человѣка! Вѣроятно въ этомъ участвовала не его воля, но требованія родителей.

Лабзинъ, несмотря на свою раздражительность, даже не обидѣлся и оставилъ это съ холоднымъ презрѣніемъ.

Между тѣмъ мое положеніе сдѣлалось затруднительно. Лабзинъ опять обратилъ виды на меня. Явными шутками *) поставляя меня въ странное положеніе, то называя меня Абелардомъ, то заставляя даже краснѣть. Такъ какъ шутки эти стали повторяться очень часто, то я началъ искать случая удалиться отъ Лабзина. И я съ жадностью схватилъ случай ѣхать въ Кронштадтъ на нѣкоторое время, о чемъ было уже сказано.

Между тѣмъ возгорѣлась война 1812 г., прервавшая на долго обыкновенный порядокъ жизни, сношенія, виды. Это остановило нашу переписку; все было смутно; я не зналъ даже, гдѣ Артемьевы находились.

Въ 1813 году явился случай ѣхать въ Москву. О дѣли самой поѣздки было сказано **), но разумѣется къ этому присоединилась и надежда узнать, гдѣ Артемьевы или увидѣть ихъ. Лабзинъ далъ мнѣ порученіе къ графу Ростопчину, и поелику я не могъ скоро его исполнить, онъ мимо меня, въ письмѣ къ Руничу, осыпалъ меня упреками. Съ этого, кажется, началось у насъ съ нимъ разъединеніе, еще таившееся до того,—отъ времени, въ которое онъ узналъ о моей любви. Я ему написалъ преогромное письмо; меня огорчало, что Лабзинъ не понимаетъ меня; его намеки на кривые пути, относившіеся къ Артемьевымъ, оскорбили меня. Я высказалъ все, что лежало на душѣ, дабы не было недоразумѣнія между нами и тѣмъ самымъ хотѣлъ пристыдить его. Окончивъ письмо, мнѣ показалось, что я оправдываюсь какъ виноватый, и изорвавъ письмо, я написалъ другое, короткое, сильное, и заключилъ тѣмъ, что я второй день не ѣмъ и не пью оскорбленный его письмомъ къ Руничу.

Вслѣдствіе сего письма Лабзинъ написалъ мнѣ письмо съ холодною свѣтскою вѣжливостью, извиняясь передо мною. Такимъ же холоднымъ письмомъ отвѣчалъ я ему, извѣстивъ въ то же время объ окончаніи его порученія. Симъ прекратилась наша переписка.

*) Зачеркнуто: «вызывая меня».

***) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г. т. V, стр. 21.

Ред.

Ред.

XV.

Я часто бывалъ у графа Ростопчина; у него встрѣчалъ весьма занимательныхъ людей и собственно онъ интересовалъ меня весьма, и какъ геніальный человѣкъ, и какъ человѣкъ, бравшій такое важное участіе въ послѣднихъ обстоятельствахъ. Истинный патріотизмъ и благородство души виднѣлись въ каждомъ поступкѣ сего вельможи, ничего низкаго не могло затемнить его сильной души.

Знакомство мое съ нимъ началось съ картона Марен Посадницы (какъ уже сказано). Картонъ этотъ былъ увезенъ неприятелемъ. Графъ часто говорилъ о сожалѣніи своемъ, что потерялъ его. Мнѣ хотѣлось замѣнить эту потерю другой картиной, и я сдѣлалъ эскизъ картины императоръ Александръ, разрушая Рейнскаго союзъ, освобождаетъ Европу.

Я занимался этимъ, какъ вдругъ графъ присылаетъ за мною и съ радостью объявляетъ мнѣ, что въ какой-то деревнѣ по Смоленской дорогѣ найденъ большой свертокъ и что онъ увѣренъ, что это Марен Посадница.

Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней привезли мой картонъ; но онъ былъ попорченъ и я занялся реставрированіемъ онаго. Картонъ сей и доселѣ долженъ храниться въ семействѣ графа.

Говоря о знакомствѣ съ графомъ, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ встрѣчахъ, бывшихъ у него въ домѣ. Тамъ познакомился съ Лодеромъ, Тончи²²⁾ и др.

Тамъ я слышалъ отъ самого знаменитаго анатома, какъ онъ въ Германіи, несмотря на большую опасность, кралъ голову одного мертвеца, у котораго онъ еще при жизни замѣтилъ особенность какую-то въ черепѣ. И все это онъ рассказывалъ съ своимъ обычнымъ многословіемъ, такъ подробно, что изъ нѣсколькихъ слушателей остались только трое: я, графъ и еще кто-то.

Тончи былъ очень любимъ графомъ, артистъ весьма образованный. Мы съ нимъ вскорѣ познакомились черезъ картину мою. Тончи имѣлъ прекрасный даръ слова и часто пространно излагалъ свои философскія мысли, въ которыхъ онъ всегда былъ своимъ манеромъ послѣдователемъ Фихте. Однажды, увлекаясь сво-

ими доказательствами, онъ, указывая на столъ, сказалъ: «что вы думаете, что это столъ? Нѣтъ, это только идея стола».

Это заставило многихъ улыбнуться и я тихо шепнулъ графу, что есть прекрасное средство убѣдить Тончи въ противномъ, ударить его палкой и спросить: «что это, идея палки, или палка въ самомъ дѣлѣ?»

Графу это очень понравилось и онъ тотчасъ передалъ это Тончи, который, разумѣется, какъ образованный человекъ, не думалъ сердиться за это, но смѣялся съ прочими.

Вспомнилъ еще одинъ анекдотъ сего времени. Однажды обѣдали за городомъ въ Петровскомъ. Послѣ обѣда въ саду всѣ играли въ кольцо, никто не могъ попасть. Графъ лежалъ на травѣ, долго смотрѣлъ и наконецъ всталъ какъ бы съ негодованіемъ и сказалъ: «Какъ не попасть?»

Взялъ кольцо, бросилъ и попалъ.

Надобно было видѣть въ это время лицо графа. Тутъ виднѣнъ былъ весь характеръ его, даже краска выступила на щекахъ. Бросивши кольцо, онъ спокойно, съ самодовольной улыбкой пошелъ на прежнее мѣсто свое.

Весьма жаль, что этотъ отличный вельможа вскорѣ впалъ въ мрачную ипохондрію, которая происходила между прочимъ и отъ предполагаемой мести отца несчастнаго Верещагина *). Онъ рѣшился удалиться изъ родины и просилъ императора возвратить ему чинъ дѣйствительнаго камергера, пожалованный ему императоромъ Павломъ I. Еще страннѣе и непонятнѣе поступокъ его, что онъ, живя въ Парижѣ, отрекся (написавъ историческую брошюру) отъ пожара Москвы—онъ, Ростопчинъ!

Между тѣмъ начались мои занятія проектами, о которыхъ было сказано въ своемъ мѣстѣ. Но мысль объ Артемьевыхъ не оставляла меня; я ждалъ отъ нихъ писемъ, а ихъ не было; я ждалъ, что они по своему обыновенію пріѣдутъ на зиму въ Москву, но они не пріѣхали. Прошло полтора года безъ всякаго слуха и я сталъ уже это принимать за указаніе, что на это нѣтъ назначенія. Слѣдуя непрерывно своимъ правиламъ, я рѣшился по окончаніи работы ѣхать въ Петербургъ, не дѣлая никакихъ уси-

*) Верещагинъ, молодой человекъ, выданный Ростопчиннымъ народу и имъ растерзанный, предъ вступленіемъ Наполеона въ Москву. Ред.

дѣй, ибо уже по опыту сталъ убѣждаться, что чистыя намѣренія мои всегда удавались сами собою.

Не имѣя никакого руководителя, предоставленный собственному труду, естественно я искалъ слышать сужденія о моихъ идеяхъ людей высокихъ своею душою. Перелистывая Витрувія и книги (?), я не нашелъ полнаго отвѣта въ нихъ, да и сверхъ того я могъ ими увлекаться, могъ сбиться или не понимать. Такимъ образомъ я съ жадностью искалъ случая говорить съ людьми мыслящими. Многихъ вельможъ узналъ я черезъ графа Ростопчина, но отъ нихъ я получалъ одну бесплодную похвалу, часто даже ни на чемъ неоснованную. Августинъ сдѣлалъ уже болѣе, убѣдивъ меня, что въ моихъ мысляхъ нѣтъ ничего противнаго релігіозной мысли греко-россійской церкви. Но я искалъ все еще бѣльшаго авторитета и глубочайшей вѣры. Къ этому времени относится весьма важная встрѣча. Однажды М. Я. Мудровъ, черезъ котораго я познакомился и съ Августиномъ, сказалъ, что онъ ѣдетъ въ деревню къ Николаю Ивановичу Новикову, и не хочу ли я ѣхать съ нимъ? Я съ восторгомъ принялъ это предложеніе; отъ этого человѣка я ждалъ многое.

XVI.

Новиковъ, положившій основаніе новой эрѣ цивилизаціи Россіи, начавшій истинный ходъ литературы, дѣятель неутомимый, мужъ гениальный, передавшій *) свѣтъ Европы и разлившій его глубоко въ грудь Россіи. Чего не долженъ былъ я ждать отъ взгляда великаго человѣка на храмъ, воздвигаемый Россією, который всю жизнь воздвигалъ въ ней храмъ иной, колоссальный и великій!

Новиковъ, жертва сильнаго стремленія къ благу родины, жилъ отшельникомъ въ небольшой деревнѣ, единственномъ достояніи его, въ 60 верстахъ отъ Москвы, съ однимъ изъ оставшихся друзей его и сотрудниковъ, съ Гамалеєю. Меня пугала, правда, мысль, поселенная во мнѣ Лабзинымъ къ этимъ людямъ. Онъ ихъ представлялъ стариками строгими и неумолимыми, особенно Гамалею. Хотя я и видѣлъ въ этомъ отчасти гордость Лабзина, но все-таки боялся ихъ грозной строгости, я — молодой человѣкъ.

*) Въмсто зачеркнутого: «раскрившій».

Мы поѣхали.

По Бронницкой дорогѣ, версть за 50 отъ Москвы, сталъ виднѣться шпигъ церкви села Тихвинскаго *). Небольшая деревенька и бѣдная. Вскорѣ открылись и ветхій господскій домъ, обнаруживавшій недостатокъ, запущенный садъ, и все окружающее показывало нужду и отшельничество. Мы взойшли. Я нашель Новикова старымъ, блѣднымъ, болѣзненнымъ, но взоръ его еще горѣлъ и показывалъ, что еще можетъ воспламеняться и любить. Большой открытый лобъ и видъ серьезный и длинные волосы сзади, но во время разговора его мина принимала видъ чрезвычайно пріятный. Онъ встрѣтилъ меня съ душевнымъ расположеніемъ.

Вскорѣ взошелъ С. Н. Гамалея, тотъ строгій человѣкъ, о которомъ Лабзинъ говорилъ, что онъ неприступенъ при первомъ взглядѣ. Я вспомнилъ сужденіе Александра Ѳедоровича (Лабзина), и какъ же удивился, когда нашель въ немъ (Гамалеѣ) человѣка, исполненнаго любви и привѣта. Правда, онъ былъ молчаливъ, говорилъ мало, рѣзко. Новиковъ, напротивъ, былъ одаренъ превосходнымъ даромъ краснорѣчія. Рѣчь его была увлекательна **), даже самыя уста его придавали какую-то сладость словамъ.

Я сказалъ Новикову о цѣли моего пріѣзда. Онъ желалъ видѣть проектъ, говорилъ, что очень радъ, что я вздумалъ навѣстить стараго страдальца и отшельника, что уже много о немъ (т.-е. о проектѣ) слышалъ, и я, развернувъ проектъ, началъ мое объясненіе, стараясь какъ можно строже изложить оное. Я могъ замѣтить, что Гамалея меня слушалъ холоднѣе Новикова; но Новиковъ слушалъ какъ любитель изящнаго.

Когда я просилъ сужденія ихъ:

— «Всего лучше, м. г., сказалъ Гамалея, что вы расположили храмъ свой въ тройственномъ видѣ; ежели удастся выработать вамъ, то это будетъ хорошо».

Новиковъ хвалилъ мою идею, но говорилъ, что можно отбросить нѣкоторыя частности, чтобъ чище оставалась главная идея.

«Очень радъ, что вы посвятили свой талантъ на предметъ столь достойный, и предвижу успѣхъ вашъ».

*) Зачеркнуто: «названнаго имъ».

**) Зачеркнуто: «сладка».

Ред.

Ред.

— «Это-то мнѣ и было лестно слышать изъ устъ вашихъ, потому болѣе, что часто я слышалъ сужденіе Лабзина, который требовалъ отреченія отъ всего наружнаго, какъ будто хорошо дѣлаетъ тотъ человѣкъ, который не развиваетъ талантъ, данный самимъ Богомъ, и зарываетъ его въ землю. Я прежде занимался съ успѣхомъ историческою живописью; хотя и это есть орудіе для прославленія Бога, но мнѣ казалось это недостаточнымъ и когда вышелъ манифестъ 25 декабря 1812 года, тутъ-то я увидѣлъ настоящее призваніе и предался сему предмету. Хотя и тутъ я видѣлъ, что буду заниматься однимъ наружнымъ. «Какой храмъ воздвигните вы Мнѣ, не Я ли все сотворилъ?» Но мнѣ казалось справедливымъ, что ежели люди себѣ приписываютъ славу и блескъ, себѣ воздвигаютъ дворцы и памятники, еще болѣе придать блеска дому *) Божію и ежели уже нуженъ наружный храмъ, то чтобы онъ былъ не холодный камень **), а живой, проникнутый идеею, которая не ограничивается одною изящностію формы, но въ которой внутренній смыслъ, глубоко врѣзанный въ каждую форму.

— «Весьма несправедливо думаютъ, будто наружныя дарованія, науки и искусства препятствуютъ человѣку внутренно возвышаться къ Богу. Когда Богъ одарилъ кого талантомъ, онъ обязанъ быть вѣрнымъ своему призванію, и вообще поэзія и искусства, эти сестры, отнюдь не мѣшаютъ, но способствуютъ къ внутреннему развитію. Слушая свое призваніе, какъ бы покоряемся мы велѣнію Бога; исполняя оное наилучшимъ образомъ, освящая цѣлью высокой, слѣдуя чистому одушевленію ***), мы служимъ лучшимъ образомъ для прославленія Бога. Пусть пути разны — цѣль одна; пусть всякій исполняетъ свое, и совокупность сихъ трудовъ и усилій не воздвигнетъ ли настоящій храмъ Богу изъ цѣлаго міра! И для того-то познаніе самаго себя есть важнѣйшее познаніе; оно намъ покажетъ, съ чистымъ ли побужденіемъ избираетъ душа занятіе или нѣтъ. И въ этомъ случаѣ мы нуждаемся опытомъ другихъ, и другъ, испытавшій многое, можетъ во многомъ предостеречь, отстранить горькія

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «храму».

Ред.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: «не груда камней».

Ред.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: «въ этомъ-то и состоитъ лучшее Богопочтеніе».

Ред.

испытанія; ибо не многое ли можетъ сообщить отживающій юному, едва идущему по началу жизни».

Такимъ образомъ Новиковъ еще болѣе одушевился къ моему предмету.

Гамалея, какъ строгій стоикъ, умершій для всего наружнаго, не могъ разсуждать такъ, какъ Новиковъ, полный идей живыхъ и пламенныхъ, замѣтилъ: «что, конечно, это хорошо; но ежели вашъ проектъ будетъ избранъ, не опасаетесь-ли вы тогда увлечься такъ вашими наружными занятіями, и исполняя по совѣсти, какъ вѣрный сынъ отечества, сложныя и трудныя должности, что вы принесете имъ на жертву высшее *), нежели чего онъ достоинъ».

Старики, казалось, полюбили меня. Я провелъ у нихъ нѣсколько дней и послѣ раза два приѣзжалъ къ нимъ. Каждый разъ бесѣдовали мы долго; мнѣ было очень любопытно знать жизнь Новикова. Многое разсказывалъ онъ. Мнѣ уже отчасти было извѣстно, что Новиковъ 7 лѣтъ провелъ въ Шлиссельбургской крѣпости и освобожденъ при воцареніи императора Павла, но не зналъ причинъ сему. Новиковъ, сколько могъ, удовлетворилъ меня.

Когда онъ старался Русь познакомить съ лучшими европейскими произведеніями, тогда стеклись на его сильный призывный голосъ множество друзей, именемъ общей пользы и любви просвѣщенія, чтобы совокупно работать въ пользу образованія. Тогда завелъ онъ огромную типографію, вскорѣ превзошедшую всѣ заведенныя правительствомъ, и книжныя лавки, пропагандируя просвѣщеніе; издавали журналъ «Живописецъ», первый (?) литературный журналъ въ Россіи. На все это, равно на образованіе множества молодыхъ людей и путешествія ихъ по Европѣ, друзья его и онъ самъ отдавали свое достояніе, и результаты были блестящія. Государыня лично знала его по службѣ, по талантамъ; но онъ въ молодыхъ лѣтахъ оставилъ службу для своихъ высокихъ занятій. Занятія его и его друзей, чтобы имѣть силу и быть обезпечену (отъ) всякихъ нападеній, были дѣлаемы подъ покровительствомъ цесаревича Павла. Успѣхъ его типографіи возбудилъ зависть и вниманіе; начали говорить объ опа-

*) Въмѣсто зачеркнутого: «большее».

сеніяхъ на счетъ столь огромной типографіи въ рукахъ *) частнаго человѣка. Этотъ взглядъ подкрѣпили какими-то подозрѣніями насчетъ избранія Павла Петровича протекторомъ. Новиковъ, сколь ни былъ далекъ отъ всякихъ политическихъ замысловъ, вдругъ былъ схваченъ и послѣ нѣкоторыхъ допросовъ, посаженъ въ крѣпость. Семь лѣтъ провелъ онъ тамъ. При воцареніи Павла его освободили; но семь лѣтъ тюрьмы и другія причины оставили его болѣзненнымъ и онъ удалился въ свою разстроенную деревеньку Авдотьино, названную имъ Тихвинскимъ, по мѣстечку близъ Шлиссельбурга, гдѣ жилъ онъ въ величайшемъ уединеніи.

Въ то время, когда я познакомился съ ними, я засталъ ихъ обоихъ все еще занятыми. Гамалея переводилъ съ нѣмецкаго и латинскаго языка книги герметическія (?) и религіозныя.

Взглядъ Новикова на сіи предметы былъ чистъ, свѣтелъ и обширенъ. Взглядъ Гамалея рѣзокъ и положителенъ.

Новиковъ показывалъ мнѣ свою небольшую бібліотеку, гдѣ было много книгъ (до 50), переплетенныхъ собственною рукою Новикова. При этомъ онъ замѣтилъ:

«Вотъ сколько труда; но съ искреннею скорбью вижу, что некому завѣщать все это, некому передать мысли, для продолженія начатаго».

Впослѣдствіи времени я раза два-три посѣщалъ ихъ; въ одно изъ посѣщеній я просилъ его дозволить снять его портретъ. Новиковъ позволилъ; но Гамалею я не могъ уговорить.

Дальнѣйшія подробности опустимъ мы; кто знаетъ Новикова, тотъ знаетъ, что онъ былъ за человѣкъ; кто же не знаетъ — тотъ не можетъ и искать здѣсь полнаго свѣдѣнія объ этомъ великомъ человѣкѣ. Прибавлю только, что у насъ былъ неоднократно разговоръ о снахъ и (я) пересказывалъ имъ о трехъ снахъ, видѣнныхъ мною.

Въ первой молодости моей, ведя жизнь всегда строгую, я не могъ не быть обуреваемъ страстями и тѣмъ болѣе, что онѣ имѣли мало отверстій. Часто бывалъ я въ домѣ у одного знакомаго военнаго офицера. Онъ былъ женатъ и жена, прекрасная собою, кокетка. Я видѣлъ, что она ко мнѣ равнодушна

*) Зачеркнуто: «одного».

и самъ былъ очень занятъ ею; я всегда считалъ большою гнусностью обольщать чужую жену, какъ преступленіе, которое не можетъ ничѣмъ выкупиться. Ибо лишающій невинности дѣвушку имѣетъ средство возстановить свое преступленіе; но тутъ семейное разстройство и ужаснѣйшія несчастія идутъ объ руку съ преступленіемъ. Потому я употреблялъ всѣ средства, чтобъ уничтожить эту страсть. Наконецъ настала война 1807 г. (sic) съ Швеціею и мужъ ея отправился въ армію. Я по прежнему продолжалъ посѣщать ее иногда, и мало по малу страсть возгаралась болѣе и наконецъ назначенъ былъ день для тайнаго свиданія. На ночь передъ тѣмъ я видѣлъ слѣдующій сонъ:

Идя по академическому корридору, высланному кирпичами, въ щели между ими вижу я червя, какъ бы раздавленнаго ногою. Я остановился и глядѣлъ на него съ нѣкоторымъ чувствомъ состраданія и замѣтилъ, что въ немъ есть еще жизнь; я съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на него и червякъ оживлялся, началъ двигаться, подыматься, выростать до того, что уже изъ червя началъ образовываться драконъ, какъ мы его представляемъ въ мифологіи, и въ этомъ видѣ онъ ежится на меня. Я, испугавшись, закричалъ; съ тѣмъ вмѣстѣ выбѣжали нѣсколько женщинъ; казалось, драконъ былъ ихъ; онѣ взяли его—и я проснулся.

Я понялъ, что этотъ сонъ былъ предостереженіемъ, и я отложилъ свое намѣреніе и рѣшительно отвергнувъ страсть свою. На другой день, бывши у Лабзина, гдѣ былъ возвратившійся изъ чужихъ краевъ М. Я. Мудровъ, я рассказалъ свой сонъ.

Каково же было мое удивленіе, когда, выслушавъ это, Мудровъ досталъ изъ кармана маленькую книжку *) нѣмецкихъ стиховъ, гдѣ прискалъ мнѣ мѣсто, въ которомъ поэтъ представляетъ возрастающій порокъ, сначала привѣтливимъ, потомъ съ чертами ужасными, точно такъ, буквально, какъ я видѣлъ во снѣ. Это еще болѣе подкрѣпило мое объясненіе сна.

И я навсегда было-оставилъ знакомство съ нею;—но кончилась война, мужъ не возвращался, и вскорѣ пришло извѣстіе, что мужъ ея убитъ. Тогда почти погаснувшая страсть опять заплѣлась, тогда казался мнѣ поступокъ не столь дурнымъ, и я,

*) Зачеркнуто: «писанную».

забывъ свои нравственныя правила, отправился къ ней; но и тутъ Провидѣніе спасло меня отъ преступленія. Я засталъ ее спящую и въ такомъ непристойномъ видѣ, что съ отвращеніемъ ушелъ, никѣмъ незамѣченный, и съ тѣхъ поръ рѣшительно отказался отъ своего намѣренія *).

Второй сонъ былъ слѣдующій:

На нѣкоторомъ возвышеніи я видѣлъ крестъ; къ нему пригивали на веревкахъ лежащую мраморную, бѣлаго цвѣта фигуру. По мѣрѣ того какъ стали ее ставить, статуя оживлялась и наконецъ, когда поставили, она, совсѣмъ живая, сѣла, ноги были сложены и руки лежали на колѣняхъ, голова поникнувши. Чрезвычайное смиреніе выражалось на лицѣ и **) это былъ — самъ Спаситель. Я находилъ нѣкоторое сходство во лбу съ Юпитеромъ Олимпійскимъ; прочія части лица были такъ изящны, что не могу имъ приискать сходства. Глаза обращены были внизъ; но вмѣсто обыкновеннаго цвѣта волосъ, съ коими изображаютъ Спасителя, они были бѣлые. На вопросъ мой, что значать сіи волосы, кто-то отвѣчалъ мнѣ: «тысячелѣтнее пребываніе его на землѣ». Потомъ, какъ бы слушаясь какого-то велѣнія, онъ всталъ и сталъ къ кресту въ такомъ видѣ: крестъ имѣлъ внизу продольную скважину, такъ что ставъ позади креста, онъ въ нее поставилъ ноги, а руки, опустивъ черезъ крестъ, который оканчивался поперечникомъ, въ молитвенномъ положеніи. Голова, какъ и прежде, была наклонена внизъ, съ тѣмъ же величественнымъ смиреніемъ.

Смыслъ этого сна былъ ясенъ для меня. Первое — высовой степени смиреніе; потомъ, что шествіе должно быть подъ крестомъ; дѣйствующая сила должна покоиться на крестѣ; тѣло — должно быть за крестомъ и самая голова преклонена къ кресту. Каменная статуя, оживляющаяся постепенно, — сколь ясно ни согласовалась съ идеею моего храма, которая образовалась гораздо послѣ сего сна; но не приходила мнѣ въ голову прежде Вятки***). Сонъ этотъ весь ясенъ, кромѣ словъ о тысячелѣтнемъ пребываніи.

Третій. Наконецъ этотъ сонъ, который я теперь намѣренъ

*) Далѣе зачеркнуто: «само собою разумѣется что...»

**) Далѣе зачеркнуто: «я узналъ въ...»

***) То-есть прежде ссылки Витверга въ Вятку.

Ред.

Ред.

Ред.

разсказать, нельзя даже совсѣмъ отнести ко сну: въ одинъ зимній вечеръ я стоялъ противъ печи и грѣлся, и предаваясь размышленію, перешелъ какъ-бы въ нѣкоторое усиленіе. Вдругъ вижу посреди комнаты дѣвочку, примѣрно лѣтъ 12-ти. Я подбѣгаю къ ней съ нѣкоторымъ изумленіемъ и спрашиваю: кто ты такова?

«Я дочь Правды» былъ отвѣтъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, уходя въ уголъ, загроможденный разными вещами, исчезла*).

Изъ сказанныхъ словъ Новикова я видѣлъ, что ему нравятся сны; онъ поздравлялъ меня съ ними и говорилъ, что такіе сны не случайно намъ даются.

Чтобъ прибавить еще что-либо о Гамалеѣ, этомъ страшномъ своею строгостью человѣкѣ, достаточно разсказать слѣдующее:

Первый мужъ жены Лабзина, Карамышевъ, былъ человѣкъ безъ вѣры, сомнѣвался въ безсмертіи души; онъ былъ человѣкъ ученый, но принадлежалъ еще къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII столѣтія, которые блистали матеріализмомъ. Ему совѣтовали объ этомъ предметѣ поговорить съ Гамалеєю. Карамышевъ, гордый своею ученостью, отвергалъ сначала, но наконецъ согласился познакомиться. И вотъ собственныя его слова, слышанныя мною отъ его супруги:

— «Въ Гамалеѣ нашелъ я маленькаго старичишку, невиднаго, котораго можно щелчкомъ перешибить. Безъ дальнихъ обиняковъ сказываю ему причину моего посѣщенія, т.-е., что я рѣшительно сомнѣваюсь въ безсмертіи души, и сказавъ ему нѣсколько комплиментовъ, замѣтилъ, что отъ него надѣюсь получить объясненіе.

«Узнавши, что я горный чиновникъ, Гамалея замѣтилъ, что я долженъ знать нѣкоторыя науки и спрашивалъ, посредствомъ которой я желалъ бы убѣдиться въ безсмертіи души?

«Я съ трудомъ могъ удержаться отъ смѣха и чтобъ одурачить его, для смѣха избралъ ботанику и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобъ скрыть свой смѣхъ, вынимаю часы и гляжу на нихъ. Старикъ началъ говорить. Презрѣніе мое замѣняется вниманіемъ, наконецъ переходитъ въ уваженіе и съ тѣмъ вмѣстѣ я ему сказалъ: «довольно». Не прошло еще пяти минутъ и онъ уже убѣдилъ

*) Разсказъ объ этомъ видѣніи извѣстенъ былъ впоследствии всѣмъ членамъ семьи Витберга и, какъ семейное преданіе, помѣщенъ нами выше («Рус. Стар.» изд. 1872 г., т. V, стр. 18).

меня вполне, несмотря на всё предрассудки, съ коими я пришель».

Новиковъ мнѣ предсказывалъ успѣхъ и просилъ, чтобъ я ему сообщилъ, какъ проектъ мой будетъ принятъ государемъ, что и исполнилъ.

XVII.

Проектъ мой былъ оконченъ. Я сталъ думать объ отъѣздѣ въ Петербургъ. Здѣсь опять надлежитъ возвратиться къ домашней жизни.

Незадолго до поѣздки моей въ Новикову, проѣзжалъ черезъ Москву, одинъ пріятель мой по Лабзину служившій въ Академіи, Свворцовъ ²³⁾, который ѣхалъ къ своимъ роднымъ въ Нижегородской губерніи. Пріятно мнѣ было встрѣтиться съ нимъ, поговорить о Петербургѣ, о моей непріятности съ Лабзиннымъ.

Этотъ разговоръ завлекъ далеко и я сказалъ, что «вѣроятно Лабзинъ думаетъ (что онъ и подтвердилъ), что я живу здѣсь для Артемьевыхъ; но я скажу вамъ, что я не только не видался съ ними, но даже и не писалъ къ нимъ и не имѣлъ никакихъ сношеній, слѣдственно твердо выдержалъ свое обѣщаніе».

Свворцовъ удивился, думая, что я перемѣнилъ свое мнѣніе относительно Артемьевой.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ я, но ежели-бъ это было предназначено, то не должно ли бы уже быть какому-либо указанію, они были бы въ Москвѣ».

— И легко случится можетъ послѣ этого, что вы уѣдете въ Петербургъ не сдѣлавъ ничего?

— «Легко можетъ быть, и тогда я докажу Ал. Фед., какъ онъ ошибался во мнѣ».

Это показалось ему слишкомъ строго и онъ жалѣлъ, что обстоятельства не согласуются съ моимъ желаніемъ.

По возвращеніи моемъ отъ Новикова, срокъ отпуска Свворцова прошелъ, но онъ еще не приѣзжалъ. Я полагалъ, какъ ему нужно было быть 1-го сентября ²⁴⁾ въ Петербургѣ, то что онъ проѣхалъ минуя Москву, и я былъ увѣренъ, что онъ въ Петербургѣ, какъ вдругъ, уже въ концѣ сентября, вижу его во снѣ, въ очень горячемъ, сердечномъ разговорѣ со мною.

Цѣлый день занимался я этимъ сномъ, ибо я видѣлъ въ этомъ духовное сношеніе душъ. Я обѣдалъ у Мудрова и вечеромъ,

возвращаясь по бульвару, встрѣтился со мною кто-то. Издали мнѣ казалось, что это Скворцовъ; но когда онъ подошелъ, я самъ долженъ былъ улыбнуться увлеченію воображенія. Подходя къ почтамту, я вижу въ моей горницѣ огонь. Это удивило меня, ибо слугѣ въ это время было нечего дѣлать, и тотчасъ явилась мысль: не тутъ ли Скворцовъ? И каково же было удивленіе, когда мой человѣкъ встрѣтилъ меня словами, «что Муромскій гость приѣхалъ». Я пересказалъ Скворцову свой сонъ и что я цѣлый день думалъ объ немъ.

На другой день онъ долженъ былъ ѣхать и передъ отъѣздомъ пошелъ въ городъ для покупокъ. Часа черезъ два онъ возвращается ко мнѣ съ Артемьевымъ. Я остолбенѣлъ отъ изумленія. Артемьевъ только что день тому назадъ приѣхалъ и въ рядахъ встрѣтился съ Скворцовымъ. Прощаясь, Скворцовъ спросилъ меня: «ну, можетъ ли этотъ случай быть принятъ за указаніе, или и этого мало?»

— Напротивъ, указаніе весьма ясное*).

Пожелавъ успѣха, онъ уѣхалъ, радуясь, что послужилъ орудіемъ къ исполненію моего намѣренія.

Артемьевъ ночевалъ у меня; разговору о его сестрѣ не было, ибо не зная, въ какомъ расположеніи она теперь, я не начиналъ разговора. Онъ уѣхалъ, обѣщавшись мнѣ по приѣздѣ писать и взялъ съ меня слово, что я буду отвѣчать.

Съ первой почтой написалъ онъ мнѣ, что всѣ домашніе брали его, что онъ не привезъ стараго друга съ собою; итакъ, чтобъ поправить это, приглашалъ меня удѣлить нѣсколько дней для посѣщенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ взять съ собою проектъ плана, которымъ очень интересуются его домашніе. Вопросъ этотъ былъ согласенъ съ моимъ образомъ мыслей, и я принялъ это приглашеніе.

Чтобъ не показался мой образъ дѣйствованія нѣсколько холоднымъ, я долженъ сверхъ моего убѣжденія еще напомнить о нашемъ взаимномъ положеніи. Родственники ея были люди гордые, богатые, а я молодой человѣкъ безъ имени и состоянія. Хотя я увѣренъ былъ въ любви Елизаветы, но съ тѣхъ поръ трехлѣтняя**) разлука могла многое измѣнить, и насколько была

*) Въсто зачеркнутого: «сильное».

**) Въсто зачеркнутого: «двух-лѣтняя».

она свободна отъ предрассудковъ семейства? Мои исканія можно было истолковать въ дурную сторону и я долженъ былъ молчать, даже и тогда, когда увидѣлся съ ея братомъ, человѣкомъ, коего переѣмчивый нравъ мы уже знаемъ.

Вскорѣ поѣхалъ я туда, вполне увѣренный, что эта поѣздка должна была окончить это дѣло. Я приѣхалъ вечеромъ поздно. Чувства сильно волновались при вступленіи въ домъ, гдѣ должна была рѣшиться моя судьба, гдѣ жила та, которую я такъ давно любилъ и желалъ видѣть. Селеніе Величево ²⁶⁾ и домъ, все носило слѣды непріятельскаго разоренія; они жили въ бесѣдѣ, къ коей пристроено было нѣсколько избъ. Приѣмъ былъ самый дружескій. Я вскорѣ замѣтилъ, что я не ошибся въ чувствахъ Елизаветы. На другой день всѣ вмѣстѣ отправились къ старику, который жилъ въ 10 верстахъ въ с. Александринѣ, котораго я нашель, согласно съ предположеніемъ, человѣкомъ гордымъ, но весьма дѣльнымъ, и (онъ) такъ обласкалъ меня съ перваго приѣма, что мы съ нимъ сблизились тотчасъ и я увидѣлъ, что именно отъ него-то всего менѣе можно ждать затрудненія.

Недѣли двѣ пробылъ я тамъ. Черезъ нѣсколько дней открылась у меня съ Елизаветою переписка. Время шло весьма пріятно, въ которое время я сдѣлалъ чертежъ для построенія каменной церкви. Изслѣдовавъ образъ мыслей матери, я наконецъ рѣшился за день до отъѣзда. Дня за два до отъѣзда, поздно вечеромъ продолжался у насъ разговоръ съ братомъ и онъ наконецъ сказалъ:

«Вѣдь ты когда-то любилъ сестру Елизавету?»

— Да.

«Ну, а теперь?»

— И теперь тоже.

Тутъ съ нѣкоторою досадою и недоумѣніемъ сказалъ онъ почему я не дѣйствую?

— Ты напрасно предупредилъ меня, я завтра хотѣлъ начать дѣйствовать.

И онъ убѣдилъ меня, что въ этомъ опасности нѣтъ.

На другой день я сдѣлалъ предложеніе матери. Безъ дальнихъ затрудненій она сказала, что всегда меня любила, что очень рада, но что все зависитъ отъ мужа, за котораго она отвѣчать не можетъ.

— Я только теперь прошу вашего согласія.

«Мое вы имѣете».

Позвали дочь; она, зная о чемъ рѣчь, явилась смущенная и разумѣется краснѣя и едва говоря, сказала, что ежели отецъ и мать желаютъ, то она согласна.

Мать сказала, что по мнѣнію ея не слѣдуетъ говорить мужу, но что она берется уладить это.

Я видѣлъ, что цѣль этого была въ томъ, что она изъ гордости хотѣла играть дѣйствующее лицо.

Такимъ образомъ мы разстались.

По прошествіи двухъ или трехъ недѣль я получилъ отъ матери письмо, что теперь могу адресоваться къ отцу, и я съ первою почтою написалъ ему письмо, на которое онъ мнѣ вскорѣ отвѣчалъ, что извѣститъ меня, увидѣвшись съ женою, которая уѣхала въ Вязьму. Такимъ образомъ, этотъ отвѣтъ былъ удовлетворителенъ. Послѣ звалъ онъ меня другимъ письмомъ для личнаго объясненія къ себѣ, что и было немедленно исполнено.

Онъ говорилъ о разстройствѣ состоянія, о разореніи. Разумѣется, я просилъ его прервать эту матерію.

Тамъ были мы помолвлены. Я думалъ, что мѣсяцевъ черезъ шесть могу возвратиться изъ Петербурга.

Тутъ я уже былъ открытымъ женихомъ, ѣздилъ къ роднымъ и пр. Но вмѣсто 6 мѣсяцевъ, какъ уже видѣли, прошло около года. Это было тяжкое время для меня. Непріятности Академіи, бездна дѣла и наконецъ письма отъ невѣсты и родныхъ ея, которые не совсѣмъ понимали причины и сердились на долгое молчаніе *), иногда въ письмахъ ихъ замѣшивались колкости.

Тутъ случилось еще слѣдующее:

Шуринъ написалъ мнѣ, по своему характеру, очень колкое письмо; оно было адресовано не въ квартиру ко мнѣ, а въ Кабинетъ его величества. Письмо это не дошло до меня и уже послѣ свадьбы спрашивали меня, почему на это письмо я не отвѣчалъ? На отвѣтъ, что я такого письма не получалъ, теща думала, что я это выдумалъ, не хотѣлъ признаться въ полученіи его. Это заставило меня спросить, какого же содержанія было это письмо? И узнавъ, что главный смыслъ его былъ въ томъ,

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «отсутствіе».

что если мои обстоятельства перемѣнились, то что, можетъ быть, я перемѣнилъ свои чувства къ прежней невѣстѣ и лицу теперь богаче и лучше невѣсту. Я могъ понять, какимъ образомъ изложилъ это шуринъ. вмѣстѣ съ нимъ писали о томъ же и другіе.

«Странно, сказалъ я, какъ Провидѣніе берегаетъ насъ; доселѣ я не имѣлъ понятія объ этомъ письмѣ, а еслибъ получилъ его, то навѣрное не былъ бы я здѣсь; оно слишкомъ оскорбило бы меня и слишкомъ явно показало бы, какъ мало меня понимаютъ; я отъ раздраженія исполнилъ бы вашу мысль и мы бы не были соединены. Но Провидѣніе сохранило насъ».

Казалось, что теща все еще оставалась въ недоумѣніи, но послѣ *) убѣдилась. Случайно заѣхавъ въ Петербургъ къ П. А. Курбатову, онъ мнѣ сказалъ, что у него давно завалось письмо ко мнѣ, адресованное въ Кабинетъ его величества и которое, при отъѣздѣ моемъ, отдано было ему; онъ досталъ его изъ бюро и отдалъ мнѣ. Уходя я забылъ его на столѣ, и письмо опять ускользнуло отъ меня; когда же, возвратясь къ нему, я спросилъ о письмѣ, оно не нашлось. Слѣдственно Провидѣнію рѣшительно негодно было, чтобъ это письмо было въ моихъ рукахъ.

Видѣли уже выше, когда я отправился изъ Москвы въ деревню для бракосочетанія, которое было въ с. Царево-Займище (историческое мѣсто, гдѣ Кутузовъ принялъ начальство надъ войсками) и мы вѣнчались въ деревянной церкви, построенной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ,—20 іюля 1816 года.

Моимъ бракомъ заключается эпизодъ изъ частной жизни, который былъ такъ необходимъ для объясненія прочихъ поступковъ и дѣйствій.

Впослѣдствіи мы воротимся, гораздо позже, опять къ домашнему крову, но теперь прибавлю одно. Первая картина, показавшая мой талантъ, былъ Св. Петръ. Въ Петровъ день выѣхалъ я изъ Петербурга. Наконецъ картина Св. Петра помирила меня съ Академіею. Вслѣдствіе этого я назначилъ имя первому сыну: Петръ, располагая имена дѣтямъ, т.-е. Петръ, Іоаннъ и Яковъ, и тоже выражающія имена для дочерей: Вѣра, Любовь, Надежда, не зная какое имя дать седьмому сыну. И что же? Отъ первой жены моей у меня родилось именно 6 человекъ дѣтей, три сына и три дочери....

*) вмѣсто зачеркнутаго: «вскорѣ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О цѣпныхъ мостахъ. 1809 г.

Въ 1809 году, прогуливаясь однажды по Англійской набережной, переходя мостъ, на Крюковомъ каналѣ находящійся, я остановился и сначала осуждалъ перестроивавшихъ этотъ мостъ. Мостъ этотъ былъ составленъ изъ двухъ подъемныхъ частей и обѣ половины поднимались обыкновеннымъ способомъ, цѣпами, прикрѣпленными къ столбу. Подъемныя части приходили въ ветхость и потому ихъ надлежало сдѣлать вновь. А какъ по Крюкову каналу суда никогда не ходили, то сдѣлали помость цѣпный; такимъ образомъ, цѣпи остались безъ надобности и изъ нихъ сдѣлали всячій фестонъ, весьма некрасивый.

Но разсматривая этотъ фестонъ, мнѣ пришло въ голову, что опустя отъ этихъ цѣпей вертикальныя цѣпи, къ нимъ можно повѣсить помость. Новая идея, нисколько несоотвѣтствующая цѣпному мосту, построенному въ Америкѣ сапожникомъ. Впрочемъ, и таковое устройство ихъ было мнѣ совершенно неизвѣстно. Я немедленно сталъ чертить такіе мосты, и мнѣ казалось, что эта идея весьма полезно можетъ быть употреблена для моста черезъ Неву. А какъ Нева у сената имѣетъ ширины 115 саж., то еслибъ съ обѣихъ сторонъ на 7 саж. вдвинуться въ рѣку, а по самой серединѣ рѣки поставить родъ высокой арки, въ видѣ воротъ, таковой высоты, чтобъ суда могли проходить, притомъ шириною 10 саж.; черезъ эту арку должна была перетянуться цѣпь, составляющая двѣ дуги въ 40 саж. отъ каждаго берега до арки, тѣмъ сила раздвоилась и было средство проходить судамъ. Въ средней части арки находился подъемный мостъ, того же горизонта, но особый. Съ тѣмъ вмѣстѣ арка предохранялась отъ поврежденія льдомъ колесомъ, весьма простаго устройства, котораго центръ былъ выше льда и которое напоромъ его приводимое въ движеніе разбивало ледъ. Важное затрудненіе представляло укрѣпленіе арки въ срединѣ Невы. Идея утопленія судовъ, нагруженныхъ камнями, какъ-то на Эльбѣ и другихъ рѣкахъ, здѣсь казалась недостаточнымъ на Невѣ при ея глубинѣ (7 саж.) и быстротѣ. Первая идея состояла въ томъ, чтобъ посреди рѣки, гдѣ быть воротамъ, сдѣлать огромную насыпь, въ видѣ острова,

изъ твердаго матеріала: кирпича, цемента, глины. Эту насыпь довести до такой степени, чтобъ она вышла на поверхность воды и нѣсколько выше ея, и тогда начать въ ней выкапывать мѣсто до дна и получить пустоту, гдѣ надлежитъ класть *) фундаментъ и выведенія каменной массы. Разумѣется, всѣ мѣры должны быть взяты, чтобы вода не проникала туда.

Вторая идея состояла въ томъ, чтобъ по величинѣ **) этой плоскости сдѣлать срубы, въ родѣ рамъ, изъ простыхъ бревень, въ видѣ плота, окружающаго все пространство, въ коемъ производить работу. Эта рама должна быть связана рядомъ заостренныхъ свай, вертикально опущенныхъ въ воду. Надъ этимъ плотомъ долженъ былъ обкладываться другой рядъ брусевъ, связанный съ первыми желѣзомъ, и потомъ проконопаченъ и засмоленъ. Такимъ же порядкомъ надлежало произвести третій рядъ, четвертый, и такъ далѣе, поскольку нижніе стали бы тонуть и наконецъ нижній слой, съ сваями, сталъ бы входить во дно рѣки.

Такимъ образомъ получится довольно крѣпкій оплотъ и вода изъ него могла быть выкачена. Ежели бы вода не стала уменьшаться, то это свидѣтельствовало бы, что масса нижняя не совсемъ твердо прилегла и что есть отверстія; тогда надлежало бы класть глину и мѣшки съ пескомъ ***); ежели бы цѣль была достигнута и вода выкачена, тогда внутри, подлѣ самой стѣны, въ сдѣланную насыпь вбить рядъ или два шпунтовыхъ свай. Послѣ чего удобно было всю насыпь вынуть и даже углубиться въ рѣку дна для фундамента. Разумѣется, при самой работѣ надлежало судами, поставленными на якоряхъ, и отъ нихъ протянутыми плотами предохранять отъ силы стремленія воды. Идея сія тѣмъ болѣе меня занимала, что въ Петербургѣ нѣтъ постоянного моста и модели, находящіяся въ Кунсткамерѣ, неудобно исполнимы: какъ (напр.) сводъ соотечественника нашего Кулибина, состоящій изъ деревянной арки, механически связанный изъ дерева чрезъ всю арку, неудобный какъ по самому матеріалу, такъ и потому, что дуга ея должна была быть очень

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «строить».

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «по мѣрѣ».

Ред.

***) На полѣ противъ этого помѣта: «Владиміръ. Ноября 16 д. 1838. А. Герцель».

Ред.

велика и проста, ибо надлежало подъ оной проходить судамъ. Другой, составленный французскимъ инженеромъ Пейроме, состоитъ изъ ряда каменныхъ арокъ; тутъ встрѣчаются слѣдующія неудобства: въ устройствѣ фундамента столь огромнаго, который бы пересѣкалъ всю рѣку, почти невозможенъ; второе неудобство представлялось для прохода льда, который, тѣсясь въ узкія арки, долженъ былъ составить груды съ сильнымъ напоромъ (и потому) могъ бы вредить мосту или идти черезъ него. Такимъ образомъ, мнѣ казались эти проекты неудобноисполнимыми; вѣроятно потому и не было приступлено въ построенію ихъ съ царствованія императрицы Екатерины, когда были сдѣланы эти модели. А (затѣмъ) кому же неизвѣстно неудобство плашотнаго моста.

Обдумывая планъ цѣпнаго моста, (мнѣ) встрѣтились большія препятствія: я не зналъ, какую тяжесть могла подымать цѣпь въ серединѣ, и даже можетъ ли она выдержать свою собственную тяжесть. Этого нельзя намъ вычислить безъ опытовъ. Опасаясь открыть мою идею кому-либо, я не могъ ни съ кѣмъ посоветоваться и ввѣрилъ мысль свою одному Лабзину, который на сей конецъ познакомилъ меня съ статскимъ совѣтникомъ Антономъ Пошманомъ, занимавшимся физикою и механикою, но и онъ подтвердилъ что, кромѣ опыта, никакое вычисленіе не можетъ дать результатовъ, прямо могущихъ приложиться къ практикѣ. Опыты же по сему должны были быть сопряжены съ значительными тратами. Такимъ образомъ трудъ мой остановился.

Въ 1814 году въ Москвѣ случилось весьма странное обстоятельство относительно этой идеи. При разговорѣ съ англійскимъ банкиромъ Ровандомъ, говоря о неудобствахъ попытокъ моста черезъ Неву, я высказалъ ему, что меня занимаетъ теперь нѣкоторая идея насчетъ этого моста, и долженъ былъ, удовлетворяя его любопытству, сказать, что мостъ цѣпной. Тогда обратился онъ къ пріѣзжему англичанину Лаудону, сказавъ: «здѣсь объясняется ваша идея для петербургскаго моста»;... я *) сказалъ, что это идея моя и (что я) никому (ее не) сообщалъ; и къ обоюдному удивленію открылось, что у меня и у Лаудона родилась та же мысль безъ малѣйшаго сношенія или заимствованія. Идея

*) Зачеркнуто: «очень удивился».

Лаудона столь была сходна съ моею, что не только въ общемъ, но даже въ частностяхъ было сходство. Напр., и у него была арка въ серединѣ. Чтобы убѣдить англичанина, что эта мысль давно у меня существуетъ на бумагѣ, просилъ его немедленно зайти ко мнѣ и удостовѣриться. Что далѣе я остановился только на изслѣдованіи силы цѣпи—то же недоумѣніе и его останавливало. Я предложилъ ему, что ежели онъ разрѣшитъ эту задачу въ Англійи и дѣло приметъ тамъ ходъ, чтобы онъ публиковалъ, что идея эта уже существовала въ такомъ-то году въ Россіи независимо отъ его. Съ своей стороны то же обязывался и я сдѣлать, ежелибъ прежде моя идея пошла въ ходъ. Занятія мои по проекту храма отвлекли меня совершенно отъ мостовъ, и я только упомянулъ о немъ въ отчетѣ, поданномъ Академіи въ 1815 г.

Впослѣдствіи и уже въ 1821 году узналъ я, въ величайшему удивленію, что въ Англійи, при устьѣ Манай, построена такой мостъ. Собирая свѣдѣнія *) о немъ, я уже узналъ изъ одной брошюры, что англійскій архитекторъ Тель-Фортъ первый предложилъ правительству построение такого моста, но какъ правительство не хотѣло жертвовать капиталъ на невѣрный успѣхъ, то тотчасъ сыскалась компанія, которая сдѣлала всѣ возможные опыты, которые доставили всѣ нужные результаты, послѣ чего правительство рѣшилось на построение моста. Впрочемъ, о Лаудонѣ ни слова не упоминалось. Досадно, что не нашему отечеству принадлежитъ честь этихъ мостовъ.

Въ 1823 году я рассказывалъ (объ этомъ) императору, который весьма жалѣлъ, что я тогда не публиковалъ своей мысли.

Англичане по своимъ результатамъ рѣшаются вѣшать мосты на одной цѣпи; но этого я никогда не осмѣлился, предполагая двѣ и даже три, которыя могли бы предохранить его отъ обрыва. Исполнилъ-ли Лаудонъ обѣщаніе свое? Не знаю. Теперь въ живыхъ остаются только два свидѣтеля: англичанинъ Ровандъ и сынъ А. Пошмана, нынѣ (1836 г.) директоръ института законовѣдѣнія С. Пошманъ.

Вотъ доказательство, что въ нашемъ отечествѣ являются часто идеи гениальныя; но не имѣя поддержки отъ правительства, ни отъ общества, должны или гибнуть прежде рожденія, или затеряться во тьмѣ подъяческихъ формъ и происковъ.

*) Въмѣсто зачеркнутого: «Любя пытливо».

II.

Въ 1819 году узналъ я объ одномъ старикѣ Прассовѣ, который посвятилъ себя практической архитектурѣ, занимался ею весьма успѣшно и имѣлъ большія практическія свѣдѣнія не только собственно по архитектурной, но и по инженерной и гидравлической части. Такой человекъ, въ качествѣ каменнаго мастера, былъ намъ чрезвычайно полезенъ; но, по несчастію, Прассановъ принадлежалъ генераль-маіору Римскому-Корсакову. Лѣтъ 20 употреблялъ Прассановъ всѣ старанія, чтобъ выйти на волю; но господинъ его оставался нечувствителенъ ни къ его просьбѣ, ни къ просьбѣ многихъ знатныхъ особъ, принимавшихъ усерднѣйшее участіе въ человекѣ, одаренномъ прекрасными талантами, которые не могли развиться, не могли имъ быть приспособлены вполнѣ отъ несчастнаго состоянія, въ которомъ онъ родился. Видя сильное желаніе его и увѣренный въ пользу приобрѣтенія такого человека, я просилъ князя Александра Николаевича (Голицына), чтобъ онъ довелъ это обстоятельство до свѣдѣнія его императорскаго величества и что не угодно ли будетъ государю изъявить Корсакову желаніе освободить Прассанова? Такъ и случилось. Но Корсаковъ остался твердъ и даже голосъ государя не могъ его подвигнуть сдѣлать доброе дѣло. Онъ рѣшительно отказался отъ отпуска на волю Прассанова, не изъ видовъ корысти, а изъ гордости, что это человекъ съ талантами—его собственность. Вотъ характеристическая черта русской аристократіи того времени.

ПРИМѢЧАНІЯ П. Н. ПЕТРОВА.

¹⁾ Жиллярди, Антонъ Рафаиловичъ, архитекторъ (род. 1768 г. сынъ академическаго привратника Герарди (незаконнорожденный отъ Катерины Роберманъ).

²⁾ Бовэ или Бова, (Josephus Johannes Baptista Carolus Bova). Иосифъ Ивановичъ, сынъ живописца, поселившася въ Россіи, знаменитый архитекторъ, служившій въ Москвѣ съ 1801 г. (род. 1784 г. ^{24 окт.} _{4 нояб.} въ Петербургѣ, ум. въ Москвѣ 21 июля 1834 г., перейдя тамъ въ православіе и женись на княгинѣ Авдотѣ Семеновнѣ Трубецкой, рожд. Гурьевой. Бовэ строилъ въ Москвѣ, послѣ нашествія французовъ: Нивольскую башню, зданіе губернскихъ присутственныхъ

мѣсть, передѣлывалъ Гостинный дворъ, разводилъ Кремлевскій садъ; строилъ сгорѣвшій Петровскій театръ и при Николаѣ I — Триумфальныя ворота передъ тверскимъ вѣздомъ въ городъ.

3) Мартосъ, Иванъ Петровичъ, воспитанникъ Академіи Художествъ, потомъ пенсіонеръ ея, профессоръ и 3-й ректоръ скульптуры, род. 1753 г., ум. 1835 г. Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника получилъ онъ первый изъ членовъ Академіи, гдѣ имѣлъ вліятельную партію кліентовъ и поддерживателей въ высшемъ слоѣ общества.

4) Мельниковъ женился на младшей дочери Мартоса отъ первой жены, Любви Ивановнѣ (род. 12 іюля 1800 г.) — 21 января 1817 года.

5) Витбергъ въ одномъ тутъ ошибается. Конкурсъ о храмѣ Спасителя былъ напечатанъ и заявленъ даже за границую. Проекты были собраны, но не въ большомъ числѣ, и представлены государю, въ то время, когда князь Голицынъ доложилъ ему о композиціи Витберга. Затѣмъ конкурсъ не отмѣнялся, проекты Академія получала и представляла его величеству. Мельниковъ дѣлалъ проектъ по назначенію начальства, строго требовавшаго отъ всѣхъ профессоровъ композицій на храмъ Спасителя. Сообразоваться съ требованіями, когда они наконецъ выяснились, со стороны композиторовъ этихъ проектовъ, очень естественное дѣло. И если въ этомъ одномъ сходствѣ идеи — трехъ храмовъ, одного надъ другимъ — сходился Мельниковъ съ Витбергомъ, первому творцу не должно бы это показаться настолько непривлекательнымъ, еслибъ разсуждалъ онъ не предаваясь горячности. Вся сила въ формѣ, а идея каждымъ композиторомъ можетъ по-своему варіироваться. Что-жъ за бѣда. Аракчеевъ дѣйствительно принималъ участіе въ храмѣ Спасителя — сборомъ проектовъ.

6) Григоровичъ, Василій Ивановичъ, издатель „Журнала изящныхъ искусствъ“, а потомъ съ 1829 по 1859 г. конференцъ-секретарь императорской Академіи Художествъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, женатъ былъ на Софьѣ Ивановнѣ Мартосъ, дочери ректора скульптуры.

7) „Журналъ изящныхъ искусствъ“ издавалъ Василій Ивановичъ Григоровичъ въ 1823—25 гг. Всего вышло 9 книжекъ. Изданіе это выполнялось при пособіи отъ правительства.

8) Чѣмъ оскорбиться могъ авторъ проекта, при такомъ только сходствѣ, какъ онъ говорить?

9) Егоровъ, Алексѣй Егоровичъ, профессоръ живописи императорской Академіи Художествъ (1776—1851 г.), женился 4 іюня 1815 г. на Вѣрѣ Ивановнѣ Мартосъ, третьей дочери ректора.

10) Деревня дворцоваго вѣдомства — Татарова, съ ломкою, лежитъ

въ Московскомъ уѣздѣ, на р. Москвѣ, отъ города въ 10 верст. на Звенигородскомъ почтовомъ тракѣ.

¹¹⁾ Деревни Григорова и Ладыгино, казенныя, на верховьяхъ р. Москвы, на западъ отъ столицы. Первая въ 35 верстахъ отъ гор. Верен, въ Верейскомъ уѣздѣ (2 стана), по лѣвую сторону тракта изъ Гжатска въ Москву. Вторая—Русскаго уѣзда (2 стана), отъ гор. Рузы въ 26 верстахъ.

¹²⁾ Герлахъ, Георгъ-Карлъ, родомъ изъ Штральзунда, живописецъ, вступилъ во второй бракъ съ Христиною-Альбертиною Витбергъ, старшею сестрою А. Л. Витберга, 3-го декабря 1803 г. Онъ былъ реставраторъ картинъ, знакомый знати. У него крестили князь Гагаринъ, княгиня Юсупова, графиня Воронцова, сенаторъ Ржевскій—все особы съ вѣсомъ и почетомъ въ обществѣ.

¹³⁾ Михайловъ, академикъ 1805—1806 г., по всей вѣроятности, архитекторъ, Андрей Алексѣевичъ, потомъ профессоръ и ректоръ архитектуры.

¹⁴⁾ Гордѣевъ, Федоръ Гордѣевичъ, предшественникъ Мартоса, второй ректоръ въ императорской Академіи Художествъ и пенсіонеръ ея за границу; художникъ въ свое время съ замѣчательнымъ талантомъ, ум. въ 1810 г. на 69 году жизни.

¹⁵⁾ Ивановъ, Дмитрій Ивановичъ, (род. около 1780 г.) тоже бывшій пенсіонеръ. Не получивъ 1-й золотой медали за картину „Марса Посадница“ (находящуюся въ эрмитажѣ). Ивановъ оставилъ Академію и уѣхалъ изъ Петербурга.

¹⁶⁾ Это было 13-го сентября 1822 г., за три дня до акта (16-го сентября), когда князь Кочубей, графы Гурьевъ и Аракчеевъ приняты на вакансіи, почетными любителями академіи.

¹⁷⁾ Графъ Ростопчинъ, узналъ А. О. Лабзина еще при Павлѣ, когда сдѣлался главнымъ директоромъ почтоваго департамента (31-го мая 1800 г.), въ которомъ служилъ до Академіи издатель „Сіонскаго Вѣстника“.

¹⁸⁾ Анна Евдокимовна, по первому мужу Карамышева. Свадьба ихъ была въ 1795 году.

¹⁹⁾ Мудрова, Софья Алексѣевна, дочь младшаго брата извѣстнаго доктора-профессора московскаго университета, Матвѣя Яковлевича Мудрова—коллежскаго регистратора Алексѣя Яковлевича, умершаго въ 1790-хъ годахъ, когда старшій братъ былъ еще за границею.

²⁰⁾ Черновъ, Иванъ Потаповичъ, академикъ исторической живописи; оставилъ двѣ оригинальныя картины въ коллекціи императорской Академіи Художествъ, („Блудный сынъ“ 1795 г. и „Самсонъ съ львиною челюстью“ 1800 г.) умеръ въ 1817 г., 49 лѣтъ отъ роду.

21) Лабзинъ занималъ еще въ Академіи домикъ Кокоринова на 3-й линіи; при домѣ былъ дѣйствительно садикъ, на мѣстѣ нынѣшняго флигеля съ колоннадою.

22) Тончи, Сальваторе, знаменитый портретистъ, воспитанникъ римской академіи св. Луки, въ 1790-хъ годахъ прибывшій въ Россію; при Александрѣ I переселившійся въ Москву и служившій при Кремлевскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ.

23) Скворцовъ, Кузьма Петровичъ, былъ протоколистомъ академической конторы и при Лабзинѣ былъ частнымъ секретаремъ, оттого и попалъ въ члены попечительнаго о бѣдныхъ комитета.

24) Въ академіи былъ обыкновенно автъ 1-го сентября и Скворцову нужно было изготовлять къ авту журналъ общаго годоваго собранія.

25) Село Величево находится во 2-мъ станѣ Вяземскаго уѣзда, близь границъ Гжатскаго, въ 37 верстахъ отъ г. Вязьмы и въ 4-хъ верстахъ отъ села Царева-Займища; послѣднее на Московскомъ трактѣ, а Величево по правую сторону его (на пути изъ Вязьмы къ Гжатску).

На стр. 521 „Рус. Стар.“ (изд. 1872 г. т. V) упоминаемый академикомъ Витбергомъ — графъ Куртъ Штедингъ, шведскій фельдмаршалъ (род. 15 окт. 1746, ум. $\frac{26 \text{ дек. } 1836 \text{ г.}}{7 \text{ янв. } 1837 \text{ г.}}$), другъ короля Густава III, былъ посломъ въ Петербургѣ съ 1790 года по царствованіе Николая I. По смерти заслуженнаго дипломата-фельдмаршала, зять его Бьернштерна издалъ, на французскомъ языкѣ, его депеши со временъ войны за независимость Сѣверной Америки по 1827 г. — чуть ни за полстолѣтія, подъ заглавіемъ: „Memoires posthumes de feld-marechal comte de Steding“, въ 3-хъ томахъ, въ 8 д. Въ нихъ много интереснаго есть и о Россіи.

На стран. 25-й „Русск. Стар.“ изд. 1872 г. (т. V), Витбергъ говоритъ ошибочно, что трудъ росписыванія собора въ Кронштадтѣ, отъ котораго онъ отказался живя въ Москвѣ, — исполненъ К. Брюловымъ. Подрядъ на одинъ иконостасъ взятъ былъ отцомъ К. Брюловымъ П. И. Брюловымъ; слѣдовательно расписывать церковь взялись другія лица; да въ ту пору К. Брюлову изъ Академіи, гдѣ онъ состоялъ еще воспитанникомъ, и нельзя было отлучаться.

Отъ редакціи. Отдѣльными замѣтками о дѣльных мостахъ и о самоучкѣ-инженерѣ оканчиваются мемуары Витберга, записанные съ его словъ, едва-ли даже ни подъ его диктовку — Александромъ Ивановичемъ Герценомъ (Искандеръ) въ бытность ихъ обоеихъ въ ссылкѣ,

въ Вяткѣ. На верху первой страници, рукою Герцена помѣчено: „15 іюля, 1836 г. Вятка“; на одной изъ послѣднихъ страницъ помѣта, въ родѣ росчерка или простой пробы пера: „Владиміръ. Ноября 16 д. 1838 г. А. Герценъ“. На поляхъ попадаются силуэты женскихъ головокъ, шифры „N“, „Natalia“, — имя той, которая составляла въ ту эпоху предметъ думъ ссыльнаго: то была невѣста Герцена. Всѣ помарки показываютъ, что настоящая рукопись черновая*). Въ этомъ еще болѣе подтверждаютъ недописки, недомолвки и крайняя необработанность слога. Послѣднее вмѣстѣ со множествомъ вставокъ, весьма безпорядочно навиданныхъ то на поляхъ, то въ разныхъ мѣстахъ текста, свидѣтельствуютъ о томъ, что рассказъ неоднократно былъ читанъ Витбергу и онъ диктовалъ или рассказывалъ новыя дополнительные подробности. Читатели безъ сомнѣнія замѣтили, что мы съ особымъ тщаніемъ передали текстъ записокъ, со всѣми въ немъ помарками и поправками его составителей; все что мы позволили себѣ это раздѣленіе рассказа, для удобства чтенія, на главы....

Очень вѣроятно, что Герценъ готовился обработать эти записки къ печати: расположеніе частей, хорошо вставленные эпизоды, умѣнье поддерживать интересъ рассказа — все это показываетъ, что Герценъ въ этомъ случаѣ былъ не простымъ стенографомъ Витберга, а безъ сомнѣнія направлялъ даже его рассказъ, сообразно плану задуманнаго ими обоими труда. Было-ли его продолженіе? Очень можетъ быть, что ни тотъ ни другой не продолжали записокъ, тѣмъ болѣе что далѣе идетъ горькая полоса въ жизни Витберга; подробности изъ нея могли казаться обоимъ друзьямъ недоступными не только для печати, — но и для того, чтобы хранить ихъ въ рукописи, и вотъ трудъ оборванъ....

Выше мы сказали, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Россіи за границу („Русс. Стар.“ изд. 1872 г., т. V, стр. 17), Герценъ оставилъ нынѣ напечатанный нами манускриптъ другу своего дѣтства, Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ. Нынѣ Т. П. сообщила намъ, что это не совсемъ точно: рукопись, вмѣстѣ съ другими немногими бумагами и довольно изрядною бібліотекою, была оставлена Герценомъ у его брата, Егора Ивановича Герцена, въ Москвѣ. Въ 1859 году А. И. Герценъ писалъ изъ за границы къ своему брату, чтобы тотъ передалъ какъ бумаги, такъ и книги въ ея собственность. Это и было исполнено; но уцѣлѣло уже до того весьма не много. Безъ сомнѣнія Герценъ пожалѣлъ, что рукопись была не при немъ, когда, дѣтъ де-

*) Помѣты состоятъ изъ математическихъ выкладокъ, извлеченій кубическихъ корней, географическаго плана части средней Россіи — чертежъ руки Герцена и проч.

сять спустя послѣ отъѣзда изъ Россіи, ему пришлось по памяти набросать нѣсколько страничекъ о товарищѣ его ссылке, Витбергѣ *). Къ счастью для исторіи и къ чести Е. И. Герцена и Т. П. Пасека, рукопись сохранена.

Представивъ записки Витберга, мы въ дополненіе къ нимъ приведемъ въ послѣдующихъ книгахъ „Русской Старины“ нѣсколько документовъ: таковы подлинная переписка съ Витбергомъ его патროновъ и друзей, и довольно большой мемуаръ, въ которомъ для кого-то изъ официальныхъ лицъ Витбергъ излагаетъ исторію своей гибели: слѣдствіе, судъ и ссылку въ Вятку....

Рисунокъ храма Христа Спасителя по проекту Витберга, приложенный къ настоящей книгѣ, доставилъ намъ художникъ И. А. Ибердусовъ; кромѣ того другой рисунокъ, въ весьма блѣдномъ фотографическомъ снимкѣ, сообщенъ П. Н. Петровымъ изъ бумагъ Ѳ. А. Витберга. По этимъ двумъ рисункамъ исполнена гравюра академика Л. А. Сѣрякова. До сихъ поръ „Храмъ Спасителя“ Витберга былъ изображенъ только одинъ разъ, именно въ весьма плохенькомъ политипажѣ, помѣщенномъ въ „Живописномъ Обзорѣннѣ“, изд. Августа Семена (Москва, 1838 г., ч. IV, стр. 177); тамъ же помѣщено на одной страницѣ очень неудовлетворительное его описаніе.

Для исторіи русскаго зодчества положительно необходимо розыскать подробные планы и рисунки этого великаго памятника отечественнаго искусства и издать ихъ сколь возможно тщательно; надъ ними, какъ извѣстно, Витбергъ трудился не годъ, не десятки лѣтъ, а всю свою жизнь, совершенствуя проектъ все болѣе и болѣе; было бы особенно важно издать нѣсколько редакцій его труда.... Это дѣло обществу русскихъ архитекторовъ. Къ сожалѣнію, почти все, что хранилось въ портфеляхъ великаго художника, погубило въ пожарѣ, случившемся незадолго до смерти Витберга.

Ред.

*) См. «Тюрьма и ссылка». Изд. второе. Лондонъ, гл. II, стр. 139—156. Въ Москвѣ же были оставлены Герценомъ письма къ нему его невѣсты въ Вятку, о чемъ онъ съ большимъ сожалѣніемъ вспоминаетъ въ «Тюрьмѣ и ссылкѣ».

Ред.